

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Научный журнал
№ 4, 2021**

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)

Меньшакова Надежда Николаевна – заместитель главного редактора, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Безукладников Константин Эдуардович – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Братухин Александр Юрьевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Иоселиани Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Комарова Юлия Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)

Проскурнин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семеновко Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики)

Файзинова Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)

Шутемова Наталья Валерьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Сюткина Надежда Павловна – ответственный секретарь, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Плюснина Екатерина Михайловна – ответственный за сайт, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Карзенкова Елена Петровна – технический редактор, старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Магальянес Фернандо Латас – доктор филологических наук, профессор (Испания, г. Мадрид, университет Complutense, факультет немецкой филологии, г. Севилья, Институт германистики)

Мирчевска-Бошева Биляна – ассоциированный профессор (Македония, г. Скопье, университет им. Св. Кирилла и Мефодия)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Нижнева Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Табидзе Манана Шотаевна – доктор филологических наук, профессор, действительный член Нью-Йоркской Академии наук, филологический профессор (Грузия, г. Тбилиси, Грузинский университет им. св. Андрея Первозванного Патриаршества Грузии)

Травински Беата – доктор филологических наук, профессор (Германия, г. Маннгейм, Институт немецкого языка)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Шавхелишвили Бела Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент (Грузия, г. Тбилиси, Сухумский государственный университет)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор Научно-исследовательского института зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета, постдоктор Хэйлуцзянского государственного университета КНР (Китай, г. Аньхой, Аньхойский университет)

Яхьяпур Марзие – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

Редакционная коллегия, 2021

Учредитель и издатель:
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».
Адрес издателя: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Подписано в печать 21.12.2021. Дата выхода в свет 22.12.2021.
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 14,88. Тираж 500 экз. Заказ № 2385.

Территория распространения – Российская Федерация.
Логово с НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКОЙ:
№ 422-10 / 2017 от 26 октября 2017 г. Научный журнал теоретических и прикладных исследований. Издается с 2017 года.
Бесплатно. Периодичность: с 2018 г. 4 раза в год.
Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редколлегией.

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL**
№ 4, 2021

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD**Svetlana V. Shustova** – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Anna V. Averina** – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)**Nadezda N. Menshakova** – Deputy Editor-in-Chief, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Svetlana V. Androsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)**Konstantin E. Besukladnikov** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)**Alexander Yu. Bratukhin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Tamara I. Zelenina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)**Aza D. Ioseliani** – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Yulia A. Komarova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)**Boris V. Kondakov** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Viktoria M. Kosteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)**Boris M. Proskurnin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Natalia N. Semenenko** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)**Nelly A. Trofimova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, St. -Petersburg, National Research University Higher School of Economics)**Galina V. Faizieva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)**Irina A. Shipova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)**Natalia V. Shutymova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Nadezda P. Syutkina** – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Profesor (Russia, Perm, Perm State University)**Ekaterina M. Plusnina** – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Elena P. Karzenkova** – Technical Reviewer, Lecturer (Russia, Perm, Perm State University)**INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD****Irina N. Ivashkevich** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)**Fernando Magallanes Latas** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Spain, Madrid, Complutense University of Madrid; Seville, University of Seville)**Biljana Mirchevska-Bosheva** – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Macedonia, Skopje, Ss. Cyril and Methodius University in Skopje)**Mekhriniso B. Nagzibekova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)**Natalya N. Nizhneva** – Grand Ph. D., Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)**Manana Sh. Tabidze** – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Member of New York Science Academy (Georgia, Tbilisi, Georgian University. St. Andrey of the First-Called Patriarchate of Georgia)**Beata Travinski** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Germany, Mannheim, Institute of German Language)**Gulchehra M. Hodzhimatova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)**Bella A. Shavhelishvily** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Georgia, Tbilisi, Sukhumi State University)**Shi Hongsheng** – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Director of the Center for the Study of Russia, Postdoc of Heilongjiang State University of China (China, Anhui, Anhui University)**Yahyapur Marziye** – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Tegeran, Teheran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	4
<i>Архипова И.В.</i> КОНДИЦИОНАЛЬНЫЙ ТАКСИС (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ)	4
<i>Бурдина О.Б.</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРИЧИНЫ ВАРИАТИВНОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОСЕТИТЕЛЯ АПТЕКИ)	11
<i>Данилевская В.А.</i> УСТОЙЧИВЫЕ ЕДИНИЦЫ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	23
<i>Шугаева А.С., Коровина И.В.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ.....	30
<i>Химинец Е.М.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СХЕМ КОЛЛОКАЦИЙ ЛЕКСЕМЫ «MISSION» ВО ФРАНЦУЗСКИХ ГАЗЕТАХ LIBÉRATION И LE FIGARO	37
ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ.....	48
<i>Хорошева Н.В., Банникова А.Д.</i> ПРОБЛЕМА МАНИПУЛЯТИВНОГО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СИТУАЦИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	48
<i>Хрусталева М.А., Гильманова Т.А.</i> СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ДОГОВОРА О ТОРГОВО- ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ АСУНСЬОНСКОГО ДОГОВОРА О СОЗДАНИИ МЕРКОСУР)	56
<i>Хрусталева М.А., Казакова Е.Н.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПРАВИЛ ИГРЫ В БАСКЕТБОЛ LAS REGLAS OFICIALES DE BALONCESTO, 2018).....	64
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	74
<i>Ли Шуан</i> ПАМЯТЬ О РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ХЕЙДОКА	74
<i>Чагина А.П.</i> «ПРОКЛЯТИЕ» ЯЗЫКА В РОМАНЕ М. ПУИГА “MALDICION ETERNA A QUIEN LEA ESTAS PAGINAS”	83
ЛИНГВОДИДАКТИКА.....	89
<i>Ван Минь</i> ОТБОР ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ.....	89
<i>Друцко Н.А.</i> К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВУЗА.....	96
ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ	124
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ.....	128

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 4–10.

Eurasian humanitarian journal. 2021. No. 4. P. 4-10.

Научная статья

УДК 811.112.2'36

КОНДИЦИОНАЛЬНЫЙ ТАКСИС (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ)

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,

irarch@yandex.ru

Аннотация. Исследовательский интерес представляет рассмотрение вопроса актуализации категориальной семантики кондиционального таксиса одновременности в высказываниях с предложениями условного значения в немецком, нидерландском, английском, русском и польском языках. В высказываниях актуализируются кондиционально-таксисные категориальные ситуации одновременности при наличии в них девербативов с политаксисными и монотаксисными предложениями кондициональной семантики *bei, unter, on, upon, with, при, w razie, w wypadku, w przypadku*. Помимо вышеперечисленных таксисных предлогов кондициональной семантики в качестве прототипических компонентов кондиционально-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают различные кондициональные актуализаторы или экспликатеры кондициональной семантики (*erst, nur, aber, selbst, näher, genau, genauer, kurz, kürzer, lang, länger, zärter, oberflächlich, erster, zweiter, only, but, closer, next, дальнейший, подробный, внимательный, детальный, поверхностный, только, nader, oppervlakkig* и др.). Политаксисные и мнотаксисные кондициональные предлоги *bei, unter, bij, on, upon, with, при, w razie, w wypadku, w przypadku*, выступают в качестве маркеров категориальной семантики кондиционального таксиса одновременности в немецком, нидерландском, английском, русском и польском языках. Девербативы в сочетании с вышеперечисленными кондициональными предложениями и некоторыми дополнительными кондициональными экспликатерами выступают в качестве актуализаторов кондиционального таксиса одновременности в разноструктурных языках.

Ключевые слова: таксис, кондициональный таксис, кондициональный предлог, политаксисный предлог, таксисный маркер, таксисный актуализатор, кондициональный актуализатор, таксисная категориальная ситуация, кондиционально-таксисная категориальная ситуация одновременности

Для цитирования: Архипова И.В. Кондициональный таксис (на материале разноструктурных языков) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 4–10.

Original article

CONDITIONAL TAXIS (BASED ON THE DIFFERENT STRUCTURED LANGUAGES)

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia,

irarch@yandex.ru

Abstract. It is of research interest to consider the issue of actualization of the categorical semantics of the conditional taxis in statements with prepositions of conditional meaning in German, Dutch, English, Russian and Polish. In the analysed statements, conditional taxis categorical situations of simultaneity are actualized in the presence of deverbatives with polytaxis and monotaxis prepositions of conditional semantics *bei, unter, on, upon, with, npu, w razie, w wypadku, w przypadku*. In addition to the above taxis prepositions of conditional semantics, various conditional actualizers or explicators of conditional semantics act as prototypical components of conditional-taxis categorical situations of simultaneity (*erst, nur, aber, selbst, näher, genau, genauer, kurz, kürzer, lang, länger, zärter, oberflächlich, erster, zweiter, only, but, closer, next, дальнейший, подробный, внимательный, детальный, поверхностный, только, nader, oppervlakkig*, etc.). Polytaxis and monotaxis conditional prepositions *bei, unter, bij, on, upon, with, npu, w razie, w wypadku, w przypadku*, act as markers of categorical semantics of the conditional taxis of simultaneity in German, Dutch, English, Russian and Polish. Deverbatives in combination with the above conditional prepositions and some additional conditional explicators act as actualizers of the conditional taxis of simultaneity in different structured languages.

Keywords: taxis, conditional taxis, conditional preposition, polytaxis preposition, taxis marker, taxis actualizer, conditional actualizer, taxis categorical situation, conditional taxis categorical situation of simultaneity

For citation: Irina V. Arkhipova Conditional taxis (based on the different structured languages). Eurasian humanitarian journal. 2021;4:4-10. (In Russ.).

Введение

В фокусе исследовательского внимания находится вопрос актуализации категориальной семантики кондиционального таксиса одновременности в высказываниях с предлогами условного (кондиционального) значения. Материалом настоящего исследования явились высказывания немецкого, нидерландского, английского, русского и польского языков, репрезентирующие кондиционально-таксисные категориальные ситуации одновременности. Кондициональные предлоги выступают при этом в качестве маркеров кондиционального таксиса одновременности, а девербативы в сочетании с политаксисными предлогами условной семантики выполняют роль таксисных актуализаторов.

Основная часть

Вопросы описания кондициональной семантики в разноструктурных языках находят свое освещение в ряде работ современных исследователей [Ашрапова 2006; Давыдова 2006; Евстафиади 2010; Кибардина 1998; Корди 2004; Кострова 1971; Ницолова 2004; Селезнева 2011; Храковский 1998].

Предложение с кондициональной семантикой представляет собой бипропозитивную семантическую структуру, включающую: а) «условие», обозначающее семантически независимую пропозицию и б) «следствие», обозначающее семантически зависимую пропозицию [Ашрапова 2006: 7]. Е.В. Селезнева выделяет в этой связи обуславливающее событие (ситуацию) и обуславливаемую ситуацию [Селезнева 2011: 6]. Кроме того, исследователь выделяет два вида условия: гипотетическое (потенциальное/ирреальное) и реальное. Реальное условие (в отличие от гипотетического) предполагает, что обуславливающая ситуация реализована или реализуется [там же].

В качестве языковых средств репрезентации кондициональной семантики выступают предлоги, союзы, глагольные формы, предложно-падежные формы на базе имен существительных, порядок следования условных конструкций, лексические квалификаторы условных отношений *только, лишь, даже, особенно, тем более, erst, nur, aber* и др. [Ашрапова 2006: 8; Селезнева 2011: 8].

В немецком языке кондиционально-таксисные категориальные значения одновременности актуализируются в высказываниях, содержащих девербативы с политаксисными предложениями *bei* и *unter* в кондициональном значении. Такие высказывания репрезентируют кондиционально-таксисный семантический синкрет-комплекс одновременности. Ср.:

1) Laches war im Frühjahr 426 nicht wieder zum Strategen gewählt worden und wurde jetzt trotz seiner energischen und bei seinen geringen Mitteln sehr achtungswerten Kriegsführung abberufen und *unter der Beschuldigung*, er habe Unterschlagungen begangen, zur Verantwortung gezogen.

2) Ich fürchtete mich *beim Zusehen*, ich könnte in diesen Strom hineingeraten.

3) *Beim genauen Hinschauen* zeigt sich, wie Wildemann mit abstrakten und gegenständlichen Formen jongliert.

4) Caspar war es *beim Hinschauen* recht jämmerlich zumute (Dwds).

В приведенных выше высказываниях (1–4) в качестве актуализаторов категориальной семантики кондиционального таксиса одновременности выступают следующие девербативы с политаксисными предложениями *unter* и *bei*: *unter der Beschuldigung*, *beim Zusehen*, *beim genaueren Hinschauen*, *beim Hinschauen*. В высказывании (3) в качестве дополнительного кондиционального актуализатора выступает имя прилагательное в компаративной степени сравнения *genauer* (см. *beim genaueren Hinschauen*).

Анализ эмпирического материала показал, что в качестве прототипических элементов кондиционально-таксисных категориальных ситуаций одновременности в немецком языке могут выступать и другие кондициональные актуализаторы или так называемые экспликаторы кондициональной семантики: частицы *erst*, *nur*, *aber*, *selbst* и атрибуты *näher*, *länger*, *kürzer*, *lang*, *kurz*, *erster*, *zweiter*, *zärter*, *oberflächlich* и другие, например:

5) *Erst beim genauen Hinschauen* ist eine Blutlache und ihre durchstochene Kehle zu erkennen.

6) *Bei näherem Zusehen* stellt sich heraus, es handelt sich lediglich um zwei weitere Samstage im Oktober und November ...

7) Es lag kein Reif und *bei näherem Anblicke* nicht einmal ein Thau ...

8) *Bei näherem Hinsehen* ergab sich, dass die Augäpfel gehöhlt waren.

9) Negative sehen zwar (fast) aus wie eine amtliche Sleazerock-Kapelle, *beim näheren Hinhören* entpuppt sich das Ganze aber – nach HIM und 69 Eyes – als weitere Tränendrüsenattacke aus Suomi.

10) *Bei näherem Kennenlernen* ist Arora eine gesprächsoffene, selbstbewusste Frau.

11) *Bei oberflächlicher Betrachtung* leuchtet das ja sogar ein.

12) *Erst bei genauerem Hinhören* wird deutlich, wie frei Trump diesen Grundsatz auslegt: So fordert der Republikaner mit Nachdruck, das US-Militär wieder massiv aufzurüsten.

13) *Erst beim genaueren Hinschauen* fällt auf, dass die Handbewegungen und Gesten kein neuer HipHop-Tanzstil sind, sondern Teil der Gespräche, die nebenher geführt werden.

14) *Beim längeren Nachdenken* auf drei Seiten fällt dem Autor jedoch auf, die Freude sei vorschnell gewesen (Dwds).

15) *Beim ersten Hinhören* fällt sofort auf, dass für Eric, Michel und Natalie (alias Nipless, Wichl und Fiffi) die Suche nach dem perfekten Riff nicht von Bedeutung ist (LC).

В приведенных выше высказываниях (5–15) в качестве дополнительных кондициональных актуализаторов в структуре кондиционально-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают следующие частицы, прилагательные и наречия *selbst*, *erst*, *aber*, *näher*, *oberflächlich*, *genauer*, *intensiver*, *länger*, *erster* (см. девербативы с

таксисным предлогом *bei*: *bei näherem Zusehen, bei näherem Anblicke, bei näherem Hinsehen, beim näheren Hinhören, erst beim genauen Hinschauen, aber bei näherem Kennenlernen, bei oberflächlicher Betrachtung, erst bei genauerem Hinhören, erst beim genaueren Hinschauen, beim längeren Nachdenken, beim ersten Hinhören*).

В качестве проявления прототипичности при актуализации кондиционально-таксисного значения одновременности в немецких высказываниях с политаксисным предлогом *bei* в кондициональном значении может выступать моносубъектность обследованных высказываний. Ср.:

16) *Erst beim Hinausgehen* realisiere ich, dass ich anderthalb Stunden mit einem Briten über Europa geredet habe ...

17) *Erst beim genaueren Hinschauen* erkennt man, dass es sich um eine Avocado handelt (LC).

В высказываниях немецкого языка возможен синкретизм кондициональных, каузальных и таксисных значений одновременности, в силу чего в них актуализируются сопряженные кондиционально-таксисные или каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности, например:

18) *Beim Anschauen von Collagen aus verschiedenen Monaten* bekommt man Gänsehaut.

19) Der Lord sah eine Weile darauf nieder, und *beim Anschauen dieser jupiterhaften Züge* beschlich ihn eine nie gekannte Furcht.

20) *Schon beim Zusehen* kribbelt es einem in den Fingern, und man ist froh, wenn die anderen mit ihren Autos schnell fertig sind, da man so eher wieder an der Reihe ist.

21) *Schon beim Zuschauen* rauben die Tänze den Atem.

22) Die Gedanken an den letzten Ausfragetag versickern *beim Anblick seines Gesichtes*.

23) *Beim Anblick der Kunstschatze ...* gingen dem jungen Offizier förmlich die Augen über (Dwds).

В вышеприведенных моносубъектных высказываниях (18–23) актуализируются сопряженные кондиционально-таксисные и каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности.

Кроме того, в полисубъектных высказываниях с немецким политаксисным предлогом *unter* репрезентируются синкретичные темпорально-кондиционально-таксисные значения одновременности, например:

24) Und das bloße Studium der Geschichte allein – das macht Dove mit aller Deutlichkeit und *unter der Zustimmung des ersten Historikertages* klar – qualifiziert nicht dazu.

25) Laut Meldung des Corriere della Sera wurde gestern morgen am Bahnhof von Venedig der ehemalige Kavallerieoffizier Rodolfo Frizzero *unter der Beschuldigung des Hochverrates*, den er durch Auslieferung von Festungsplänen an Österreich begangen haben soll, verhaftet (Dwds).

26) *Unter der Beschuldigung*, sie würden dort herumlungern und den Anwohnern und Touristen der Stadt unerwünschte Dienstleistungen anbieten, wurden die Verhafteten auf das Polizeirevier in der Soi 9 gebracht (LC).

27) Sie kichern, und *unter dem Zureden der Begleitmannschaften* löst sich der Knäuel (Dwds).

В приведенных выше высказываниях (24–27) в качестве актуализаторов категориальной семантики кондиционального таксиса одновременности выступают следующие девербативы в сочетании с политаксисным предлогом *unter*: *unter der Zustimmung des ersten Historikertages, unter der Beschuldigung des Hochverrates, unter der Beschuldigung, unter dem Zureden der Begleitmannschaften*. Политаксисный предлог *unter* выступает при этом в качестве таксисного маркера, эксплицируя категориальную семантику кондиционального таксиса одновременности в немецком языке.

При наличии в высказываниях итеративных квантификаторов (атрибутов и адвербиалов) *immer, oft, stets, wieder, oftmals, meist, manchmal* и др. возможна итерация кондиционально-таксисных значений, в результате чего в таких высказываниях актуализируются сопряженные итеративно-кондиционально-таксисные или итеративно-дистрибутивно-кондиционально-таксисные категориальные ситуации одновременности. В случае актуализации последних релевантной оказывается дистрибутивная множественность актантов глагольного действия (субъектных/объектных), например:

28) Dank einem noch nicht geklärten Reaktionseffekt der menschlichen Sehorgane treten *beim längeren Hinschauen* sogar farbliche Veränderungen ein, die sich nur im Bewußtsein des Betrachters vollziehen.

29) *Beim näheren Hinschauen* stellen sich *die meisten* von ihnen als Trainer heraus.

30) Nur schwingt in denen *bei näherer Betrachtung stets* ein Vorwurf mit.

31) *Manchmal* dachte ich, *beim Zusehen ...* (Dwds).

В английском, нидерландском, русском и польском языках кондиционально-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются при наличии следующих прототипических компонентов: а) политаксисных/монотаксисных предлогов кондициональной семантики *bij, on, upon, with, при, w razie, w wypadku, w przypadku*; б) кондициональных экспликаторов: англ.: *only, but, closer, next*; русск.: *дальнейший, подробный, внимательный, детальный, поверхностный, только*; нидерл.: *nader, oppervlakkig* и др. Ср.:

Русск.:

32) *При ближайшем осмотре* она оказалась довольно неприглядным убежищем, с маленькими окнами, которые в дурную погоду затыкали мешками с соломой ...

33) *При дальнейшем рассмотрении предлагаемого С.А. Богдановым варианта структуры военной науки* вызывает возражение и несколько сомнительное выделение в качестве независимой ее «важнейшей составляющей» теории военной безопасности.

34) *При детальном изучении постройки*, исследователи обратили внимание, что её нижняя часть выстроена гораздо «правильнее», «чище» (НКРЯ).

В приведенных выше русских высказываниях (32–34) в качестве таксисных актуализаторов кондициональной семантики выступают девербативы в сочетании с политаксисным предлогом условной семантики *при* и прилагательными *детальный, ближайший, дальнейший* в роли дополнительных кондициональных экспликаторов (см. девербативы *при ближайшем осмотре, при дальнейшем рассмотрении предлагаемого С.А. Богдановым варианта структуры военной науки, при детальном изучении постройки*).

Англ.:

35) *Upon closer inspection*, however, it's just a lame and lazy excuse for protectionism.

36) *On closer inspection*, the work demonstrates a symbiosis between man and the land that is quite comforting (LC).

В приведенных выше высказываниях (35–36) в качестве актуализаторов категориальной семантики кондиционального таксиса одновременности выступают английские девербативы *upon closer inspection* и *on closer inspection* в сочетании с политаксисным предлогом *on* и кондициональным экспликаторм *closer*.

Польск.:

37) *W razie zerwania umowy* oprocentowanie wkładu wynosi 1 proc.

38) Oznacza ona wykonanie funkcji, a *w przypadku niepowodzenia* – zakończenie działania programu z odpowiednim komunikatem (НКПЯ).

В приведенных выше высказываниях (37–38) в качестве актуализаторов категориальной семантики кондиционального таксиса одновременности выступают польские девербативы в сочетании с монотаксисными предлогами кондициональной семантики: *w razie zerwania, w przypadku niepowodzenia*.

Нидерл.:

39) De Heilige Geometrie is verantwoordelijk voor het gevoel van ontzag dat een gothische kathedraal in ons teweeg brengt, maar hetzelfde is ook het geval *bij de aanschouwing* van een zitkamer uit het Engelse Georgian-tijdperk.

40) *Bij beschouwing van beschikbare literatuur* blijkt dat naar het onderwerp overheidsvoorlichting in Nederland niet veel onderzoek is gedaan.

41) *Bij nadere beschouwing* verliezen ze echter veel van hun attractiviteit.

42) Voor zoover *bij een oppervlakkige beschouwing* te beoordelen valt, verkeert de aanwezige munitie in vrij goeden staat (LC).

В нидерландских высказываниях (39–41) актуализируются кондиционально-таксисные категориальные ситуации одновременности при наличии таксисного маркера *bij* и кондициональных экспликаторов *oppervlakkig* и *nader*. Девербативы в сочетании с политаксисным предлогом кондициональной семантики *bij* выступают в качестве актуализаторов категориального значения кондиционального таксиса одновременности.

Заключение

Кондиционально-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются в высказываниях с девербативами с политаксисными и монотаксисными предлогами кондициональной семантики *bei, unter, on, upon, with, nru, w razie, w wypadku, w przypadku* в немецком, русском, английском, нидерландском и польском языках. В качестве прототипических компонентов кондиционально-таксисных категориальных ситуаций одновременности в высказываниях выступают политаксисные и монотаксисные предлоги кондициональной семантики *bei, unter, bij, on, upon, with, nru, w razie, w wypadku, w przypadku*, а также дополнительные кондициональные экспликативы *erst, nur, aber, selbst, näher, genau, genauer, kurz, kürzer, lang, länger, zärter, oberflächlich, intensiver, erster, zweiter, only, but, closer, next, дальнейший, подробный, внимательный, детальный, поверхностный, только, nader, oppervlakkig* и др.

Политаксисные и монотаксисные кондициональные предлоги *bei, unter, bij, on, upon, with, nru, w razie, w wypadku, w przypadku*, выступают в качестве маркеров категориальной семантики кондиционального таксиса одновременности. Девербативы в сочетании с вышеперечисленными кондициональными предлогами и некоторыми дополнительными кондициональными экспликативами (*erst, nur, aber, selbst, näher, genau, genauer, kurz, kürzer, lang, länger, zärter, oberflächlich, erster, zweiter, only, but, closer, next, подробный, дальнейший, детальный, поверхностный* и др.) выступают в качестве актуализаторов кондиционального таксиса одновременности в немецком, русском, английском, нидерландском и польском языках.

Список литературы

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Монография. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2020. 173 с.
2. Архипова И.В. Актуализация семантики кондиционального таксиса одновременности (на примере разноструктурных языков) // Научный аспект. 2021. Т. 1. № 1. С. 83–87.
3. Ашрапова А.Х. Функционально-семантическое поле кондициональности в разноструктурных языках: автореф. ... к. филол. н. Казань, 2006. 22 с.

4. Давыдова Н.А. Репрезентация условных отношений в английском дискурсе: автореф. ... к. филол. н. М., 2006. 24 с.
5. Евстафиади О.В. Актуализаторы имплицитных условных отношений в художественном тексте на английском языке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 3. С. 157–162.
6. Кибардина С.М. Условные конструкции в немецком языке // Типология условных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 1998. С. 297–305.
7. Кострова О.А. Средства выражения условных отношений в немецком языке: автореф. ... к. филол. н. Ярославль, 1971. 18 с.
8. Корди Е.Е. Условные конструкции во французском языке // Типология уступительных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2004. С. 275–296.
9. Ницолова Р. Условные конструкции в болгарском языке // Типология уступительных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2004. С. 129–160.
10. Селезнева Е.В. Сложноподчиненные предложения, выражающие условные отношения (на материале русского и английского языков): автореф. ... к. филол. н. Воронеж, 2011. 24 с.
11. Храковский В.С. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 1998. С. 7–96.

Список источников

1. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 14.10.2021).
2. Dwds – Электронный словарь немецкого языка. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 14.10.2021).
3. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 14.10.2021).
4. НКПЯ – Национальный корпус польского языка. URL: [http:// nkjp.pl/poliqarp](http://nkjp.pl/poliqarp) (дата обращения: 14.10.2021).

Информация об авторе

*И.В. Архипова – кандидат филологических наук,
профессор кафедры романо-германских языков,
Новосибирский государственный педагогический университет.*

Information about the author

*I.V. Arkhipova – Ph.D. (Philology),
Professor of the Department of Romance-Germanic Languages,
Novosibirsk State Pedagogical University.*

Статья поступила в редакцию 08.09.2021; одобрена после рецензирования 02.10.2021; принята к публикации 02.10.2021.

The article was submitted 08.09.2021; approved after reviewing 02.10.2021; accepted for publication 02.10.2021.

Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 11–22.
Eurasian humanitarian journal. 2021. No. 4. P. 11-22.

Научная статья
УДК 811

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРИЧИНЫ ВАРИАТИВНОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОСЕТИТЕЛЯ АПТЕКИ)

Ольга Борисовна Бурдина

Пермская государственная фармацевтическая академия Минздрава России, Пермь, Россия,
burdina-pfa@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено проблеме вариативности терминологии в профессиональном дискурсе. Социальный институт фармации относится к сфере здравоохранения, деятельность в этой сфере находится под обязательным контролем государства. Для реализации профессиональной деятельности Всемирной организацией здравоохранения разработан этический стандарт профессии, который является обязательным и для Российской Федерации. В стандарте предусмотрены определённые термины для обозначения статусно-ролевых фигур в аптечной коммуникации. Современное общество фиксирует кризис институциональности, что проявляется и в языковых феноменах. В обозначении ключевой фигуры фармацевтического дискурса – посетителя аптеки – отмечается терминологическая вариативность. Не только в неформальном, но и в официальном фармацевтическом дискурсе нет терминологического единообразия в номинации посетителя аптеки. Наиболее частотными являются номинации пациент, покупатель, посетитель, клиент; кроме того, представлено большое количество лексических субститутов этих номинаций, что связано с потребностью персонализировать личность потребителя фармацевтических услуг. Предметом исследования является понятие ‘посетитель аптеки’ и его репрезентация в этическом и профессиональном стандартах профессии, профессиональных документах и неформальном профессиональном общении. Материалом исследования послужили тексты официальных документов: концепции Всемирной организации здравоохранения; приказов министерства здравоохранения Российской Федерации, инструкций по применению лекарственных препаратов; а также посты и демотиваторы в неофициальных фармацевтических сообществах в социальных сетях. Автор приходит к выводу, что терминологическое варьирование номинаций посетителя аптеки является результатом изменения статуса профессии и формата реализации профессиональной деятельности. Этический и профессиональный стандарты профессии, закреплённые законодательно, менее мобильны и не успевают фиксировать социальные изменения, отражённые в языковом сознании носителей языка.

Ключевые слова: термин, понятие, дискурс, фармацевтический дискурс, социальный институт, профессиональная деятельность, профессиональная коммуникация, вариативность терминологии

Для цитирования: Бурдина О.Б. Социокультурные причины вариативности терминологии в профессиональном дискурсе (на примере обозначения посетителя аптеки) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 11–22.

Original article

SOCIOCULTURAL REASONS FOR VARIABILITY OF TERMINOLOGY IN PROFESSIONAL DISCOURSE (TAKEN ON THE EXAMPLE OF NOMINATIONS OF A PHARMACY VISITOR)

Olga B. Burdina

Perm State Pharmaceutical Academy, Perm, Russia, burdina-pfa@yandex.ru

Abstract. The research is devoted to the problem of terminology variability in professional discourse. The social institute of pharmacy belongs to the field of health care, activities in which are under the mandatory control of the state. For the implementation of professional activities, the World Health Organization has developed an ethical standard for the profession, which is also mandatory for the Russian Federation. The standard provides for certain terms to denote status-role figures in pharmacy communication. Modern society fixes the crisis of institutionalization, which is also reflected in linguistic phenomena. Terminological variability is noted in the designation of the key figure in the pharmaceutical discourse – the pharmacy visitor. Not only in the informal, but also in the official pharmaceutical discourse, there is no terminological uniformity in the nomination of a pharmacy visitor. The most common nominations are patient, buyer, visitor, client. In addition, a large number of lexical substitutes for these nominations are presented, which is associated with the need to personalize the personality of the consumer of pharmaceutical services. The subject of the research is the concept of 'pharmacy visitor' and its representation in the ethical and professional standards of the profession, professional documents and informal professional communication. For the materials of the study, the texts of the following official documents have been used: the concepts of the World Health Organization, orders of the Ministry of Health of the Russian Federation, instructions for the use of medicinal products, as well as posts and demotivators in unofficial pharmaceutical communities in social networks. The author comes to the conclusion that the terminological variation in the nominations of a pharmacy visitor is the result of a change in the status of the profession and the format of the implementation of professional activity. The ethical and professional standards of the profession, enshrined in legislation, are less mobile and are not able to record the social changes, reflected in the linguistic consciousness of native speakers, on due time.

Keywords: term, concept, discourse, pharmaceutical discourse, social institution, professional activity, professional communication, variability of terminology

For citation: Olga B. Burdina. Sociocultural reasons for variability of terminology in professional discourse (taken on the example of nominations of a pharmacy visitor). Eurasian humanitarian journal. 2021;4:11-22. (In Russ.).

Введение

Профессиональная коммуникация в современном обществе претерпевает значительные изменения, связанные, в первую очередь, с трансформацией общественного сознания и механизмов общественного взаимодействия. Долгое время практически во всех видах профессиональной деятельности, связанной с обеспечением социально-гуманитарных потребностей общества (медицине, фармации, образовании, юриспруденции, торговле и прочих), доминировала патерналистская модель, построенная на безграничном доверии к личности заботливого профессионала. Помощь осуществлялась строго в рамках определённого социального института в предназначенных для этого сооружениях (больницах, аптеках, магазинах и т. д.), по заданным (в том числе речевым) моделям. Системообразующими признаками институционального дискурса, согласно концепции В.И. Карасика, выступают два фактора: цели и участники общения, а ядром коммуникации – пара статусно-неравных участников, первый из которых представляет сам институт (агент), второй является потребителем услуг (клиент) [Карасик 2000: 25–33].

На смену патерналистской пришла клиентоцентричная модель, при которой услуги в рамках социального института предоставляются исходя из потребности обратившегося, обладающего правом на принятие решений, касающихся его жизни (здоровья, образования, досуга и другие). В фармацевтической практике реализация этого принципа выражается, например, в том, что с 2014 г. в рецепте врачом указывается не торговое название препарата,

а название основного действующего вещества, и уже в аптеке специалист с фармацевтическим образованием обязан предложить посетителю аптеки несколько препаратов с этим действующим веществом на выбор. Тем самым формируется новая коммуникативная практика, новый тип профессионального взаимодействия, новая социальная культура.

На рубеже XX–XXI вв. стремительно развивается интернет-коммуникация, что, безусловно, влияет на способы взаимодействия человека с миром. Результат этого проявляется и в трансформации языковых моделей, многие исследователи отмечают медиальный поворот в лингвистике, проявляющийся в трансформации семиотически комплексных процессов коммуникации [Чернявская 2013]. Быстрый доступ к информации позволяет интернет-пользователю сформировать некоторые компетенции «заочно», вне социального института (прочитать информацию о лекарственном препарате, задать вопрос на форуме, заказать нерецептурный препарат онлайн). Таким образом происходит деинституализация профессионального дискурса [Карасик 2021], формируется новый тип социального взаимодействия, в котором представлена модель совместной ответственности – агента и клиента социального института – за процесс получения услуги: 1) непрофессионал постоянное «обучается» минимальным профессиональным навыкам, 2) появляется возможность получить многие услуги без привлечения специалиста (магазины самообслуживания, кассовые терминалы, личные кабинеты, интернет-покупки, электронная очередь, онлайн-бронирование и другие), 3) формируется целый класс лексических единиц с элементом *само-*: *самозанятость, самозапись, самолечение*. Ситуация с COVID-19 усилила это явление, поскольку некоторым категориям граждан получить помощь в очном формате не представлялось возможным.

Все эти процессы, произошедшие в обществе буквально за последние 15–20 лет, значительно меняют принципы организации профессионального взаимодействия, что проявляется и в терминологической составляющей коммуникации.

Основная часть

Исследователи согласны в том, что термины относятся к номинативным единицам языка. Одной из функций термина является репрезентация понятия через языковой знак [Капанадзе 1965: 14], другой – определение, дефинирование понятия [Алексеева, Мишланова 2002: 78]. Следовательно, в термине объединяются возможности фиксации знания и его постоянного приращения. Уникальность термина как концепта знания состоит в его способности выступать «точкой опоры» в разных типах коммуникативных актов: с одной стороны, фиксировать уже имеющийся опыт, с другой – формировать новые связи внутри терминосистемы специального предметного поля, развиваться в процессе коммуникации, «подстраиваться» под конкретную ситуацию общения. Благодаря этой особенности, термин способен концептуализировать знание и развиваться в дискурсе [Алексеева, Мишланова 2020].

Дискурс в современных лингвистических исследованиях рассматривается как комплексный феномен, включающая в себя коммуникативную, практическую, профессиональную деятельность, опосредованную речью [Алексеева, Мишланова 2002: 54–62]. Т.А. ван Дейк подчёркивает, что дискурс – событие, имеющее социальную функциональность, решающую роль в исследовании которого играет контекст (*pragmatics, context*) [Дейк 2002; Dijk 2008], следовательно, условия выполнения профессиональной деятельности оказывают непосредственное влияние на язык профессии и терминологию как часть профессионального языка.

Коммуникация в фармацевтическом дискурсе строится на пересечении нескольких разнородных типов деятельности: научной (синтезирование химических соединений, создание активных субстанций для изготовления лекарственных препаратов – далее ЛП), промышленной (производство ЛП), правовой (регуляция производства ЛП, патентное право, фармацевтическая деятельность по отпуску ЛП и прочее), прескриптивной (выполнение указаний врача по обслуживанию рецепта), консультативной (отпуск безрецептурных ЛП в аптеке). Всё это выражается в появлении большого числа специальных документов (функционально и стилистически разных текстов) и, как следствие, неоднородности терминологии. Свою социальную миссию институт фармации реализует в аптеке при отпуске лекарственных препаратов (далее ЛП); коммуникацию «агент-клиент» (пользуясь терминологией В.И. Карасика) осуществляют фармацевт/провизор и посетитель аптеки. Отметим, что номинация «посетитель аптеки» является нейтральной, не отражает статусной роли в профессиональной коммуникации (для сравнения: врач – пациент, учитель – ученик, продавец – покупатель, водитель – пассажир), однако в ней отражено представление о различных подвидах аптечной коммуникации, репрезентируемых в дискурсе такими терминологическими вариантами, как *пациент, покупатель, посетитель, клиент*.

Терминологическая вариативность является следствием «развития термина» в дискурсе [Авербух 2005]. Варьирование термина в рамках обозначения специального понятия, обозначающего определённый объект, – явление распространённое. Гораздо реже встречается варьирование в обозначении лиц, выполняющих профессиональные обязанности (агентов социального института), или адресата профессиональных услуг (клиентов института). Речь не идёт о синонимичных обозначениях, имеющих коннотативную дифференциацию (врач – доктор – эскулап), переводных / исторически сложившихся дублетах (няня – бебиситтер, учитель – преподаватель) или профессиональных жаргонизмах (менеджер – менеджер), так как во всех этих случаях сохраняется структура понятия, стоящая за термином. Речь идёт о вариативности обозначения потребителя фармацевтических услуг в современной аптечной практике, которая выявляет трансформацию когнитивной модели номинируемого понятия.

Для анализа причин вариативности номинаций ключевой фигуры фармацевтического дискурса – посетителя аптеки – нами изучены тексты документов, регулирующих профессиональную фармацевтическую деятельность: концепция Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) о фармацевтической практике, приказы Министерства здравоохранения России (далее – Приказы МЗ), тексты, используемые в аптечной деятельности (инструкции по применению лекарственных препаратов), – все эти документы характеризуют институциональный подход к профессиональной коммуникации, а также посты и демотиваторы в профессиональных группах социальных сетей («ВКонтакте»), характеризующие неформальный (неинституциональный) тип профессиональной коммуникации.

В профессиональном дискурсе исследователи особо выделяют правовой подтип, выполняющий нормативную функцию в формировании профессии [Кочемасова, Воронина 2018: 147]. Фармация относится к сфере здравоохранения, деятельность в которой регламентируется законодательно, поэтому вся фармацевтическая документация утверждается на государственном (а некоторые документы – на международном) уровне. Основным документом, регулирующим деятельность в сфере фармации, является концепция ВОЗ «Developing pharmacy practice – A focus on patient care». В России он функционирует под названием «Развитие фармацевтической практики. Фокус на пациента» (далее – РФП) и представляет собой перевод текста, а не нормативный документ, адаптированный к

отечественным фармацевтическим реалиям. Это проявляется в некоторых социокультурных особенностях представленной в нём информации. Так, работник аптеки в документе именуется «фармацевт» (в соответствии с европейской традицией), однако в «Общероссийском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов» представлены две специальности: фармацевт (код 27309, среднее образование) и провизор (код 25850, высшее образование). Эта особенность не учтена и не представлена в тексте документа. Отметим, что в РФП прописаны этические нормы профессии и способы оказания лекарственной помощи населению. Поскольку речь идёт именно о *помощи*, используется обозначение адресата этой помощи, присущее медицинскому кодексу: уже в самом заглавии представлен термин *пациент*, который последовательно представлен во всём тексте документа:

Особенности *пациента*, необходимость терапии с учётом условий, выгоды, вреда и личные предпочтения *пациента* – все эти факторы должны приниматься во внимание. Выбранная стратегия должна быть согласована с *пациентом*; это соглашение о результате и путях его достижения получило определение согласия. Согласие – важный фактор приверженности терапии [РФП: Точка зрения пациента].

Общее количество словоупотреблений терминоварианта *пациент* в тексте – 192, из них в 15 представлена грамматическая форма женского рода – *пациентка*. Отметим, что в тексте нет гендерного разделения пациентов, *пациент* и *пациентка* в значении половой дифференциации встречается только в иллюстративном материале (примерах) по оказанию фармацевтической помощи:

Пример из практики

П., 74-летней *пациентке* недавно был выставлен диагноз: болезнь Паркинсона. В анамнезе есть указание только на стенокардию. В настоящее время она принимает глицерилтринитрат 500 мкг по 1 таблетке сублингвально при болях и галоперидол 0.5 мг по 1 капсуле три раза в день [там же: п. 2.1: Образовательная деятельность].

В некоторых случаях характеристики *пациент* оказывается недостаточно, и для уточнения типа пациентов используются лексические субституты¹, отражающих половозрастные и социально-статусные характеристики (мужчины, женщины, одинокие люди, очень пожилые и другие); есть даже выбивающийся по стилю книжный термин индивидуум.

Что касается факторов, связанных с пациентом, и влияющих на приверженность, то *женщины* имеют тенденцию быть более приверженными терапии, чем *мужчины*; более *молодые* и *очень пожилые* пациенты имеют менее низкую приверженность; *одинокие люди* менее привержены лечению, чем *живущие с партнером* или *супругом*. Направленные образовательные вмешательства демонстрируют улучшение приверженности. Особенности *пациента*, такие как неграмотность, узкий кругозор, культуральные особенности (например, предпочтение традиционных или альтернативных лекарств, недоверие к современной медицине) могут играть важную роль для некоторых *индивидуумов* или обществ. Эти особенности требуют открытого обсуждения [там же: п. 3.8: Точка зрения пациента].

Пациентоцентричный характер здравоохранения перераспределяет сферу ответственности в коммуникации врача / фармацевтического работника и пациента, и, как отмечают исследователи, в клинической картине и выборе способа лечения учитываются все

¹ Substitutio – «подстановка» (лат.); замещение чем-то сходным по назначению, по функции. В лингвистике чаще используется при описании фонетических явлений, однако общее значение термина позволяет использовать его и для лексического замещения.

факторы, способные повлиять на эффективную помощь [Таратухин 2016: 81], и особенно – социокогнитивные характеристики коммуникативной ситуации [Guest 2020: 48]. Если ранее отношения «специалист здравоохранения – пациент» были иерархическими, то теперь участники коммуникации выступают как партнёры, пациент активен в принятии решений, касающихся его здоровья, и, как следствие, воспринимает взаимодействие со специалистами сферы здравоохранения как услугу, а не как помощь. Такой подход отражен в эпиграфе к РФП:

«Фармацевты должны выйти из-за прилавка и приступить к оказанию помощи общественности, предоставляя *услуги*, а не только таблетки. У простого действия по отпуску лекарств нет будущего. Эта деятельность может и будет осуществляться по Интернету, автоматами и/или хорошо обученными специалистами. Тот факт, что фармацевты имеют академическое образование и действуют как профессионалы здравоохранения, накладывает на них бремя *обслуживать* общество лучше, чем они сейчас это делают» (Из: Фармацевтическая помощь, Европейское развитие в концепциях, внедрении и исследованиях: обзор) [там же: эпиграф].

Согласно РФП, к фармацевтической помощи предъявляются требования по качеству оказанию именно услуги, что выражается в выборе соответствующих лексем: *услуга, обслуживать*.

Если РФП определяет этический стандарт профессии, то требования к выполнению обязанностей работников аптеки регулируются приказами Министерства здравоохранения; в этих документах прописаны санитарные нормы, требования к хранению и отпуску товара, содержанию рабочего места – то есть правила исполнения разных видов деятельности в аптеке, а не только отпуска лекарственных препаратов. И посетитель аптеки в них обозначается терминами *покупатель* и *посетитель*.

Руководитель субъекта розничной торговли обеспечивает определение политики и целей деятельности, направленных на удовлетворение спроса *покупателей* в товарах аптечного ассортимента, минимизацию рисков попадания в гражданский оборот недоброкачественных, фальсифицированных и контрафактных лекарственных препаратов, медицинских изделий и биологически активных добавок, а также эффективное взаимодействие медицинского работника, фармацевтического работника и *покупателя* ШБ) [Приказ МЗ № 647н].

Площадь для *посетителей* в зале обслуживания [Приказ МЗ № 309].

Однако, как только вопрос касается отпуска рецептурных препаратов, в Приказ МЗ возвращается термин *пациент*:

«Назначение лекарственного препарата в рецепте на бумажном носителе или рецепте в форме электронного документа оформляется на имя пациента, для которого предназначен лекарственный препарат» [Приказ МЗ № 4н];

Количество назначенных лекарственных препаратов, включенных в перечень ПКУ, при оказании *пациентам*, нуждающимся в длительном лечении, первичной медико-санитарной помощи и паллиативной медицинской помощи может быть увеличено с учетом клинических рекомендаций не более чем в 2 раза по сравнению с количеством наркотических средств или психотропных веществ, которое может быть выписано в одном рецепте, установленным приложением N 1 к настоящему Порядку [Приказ МЗ № 1022Н].

Появление терминовариантов *покупатель, посетитель* в дискурсе, относящемся к сфере здравоохранения, объясняется тем, что изменился тип предоставляемых услуг, и общественное сознание это зафиксировало. Сейчас в аптеке практически не изготавливают лекарства, осуществляется отпуск готовых ЛП, следовательно, деятельность современной аптеки находится на пересечении сфер здравоохранения и торговли, обладающих сформированными терминосистемами и репрезентирующих разные типы общественного взаимодействия.

Статусы *пациент* и *покупатель* отражены в нормативных государственных документах – Федеральном законе от 21.11. 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и ГОСТе Р 51303-2013 Торговля. Согласно первому,

пациент – физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния [ФЗ № 323-ФЗ].

В тексте Закона № 323-ФЗ *пациент* выступает как объект оказания медицинской помощи, но в документе нет ни слова про фармацевтическую или лекарственную помощь. Аптека, согласно тексту документа, занимается «лекарственным обеспечением», но круг лиц, который она обеспечивает, и их номинация не прописаны в ФЗ. Однако лекарственное обеспечение входит в понятие «медицинская помощь», но только в той части товаров, которая предназначена именно для помощи, то есть по указанию врача о необходимости этой помощи (рекомендация, рецепт). Следовательно, применительно к фармацевтической деятельности определение можно интерпретировать так: пациентом именуется гражданин, обращающийся в аптеку в рамках оказания ему медицинской помощи за требуемыми ему для лечения изделиями медицинского назначения, посудой для медицинских целей, очковой оптикой, ЛП. Если у посетителя аптеки нет предписания врача, он, покупая аптечные товары, «попадает под» второе определение:

Покупатель (приобретатель): Физическое или юридическое лицо, приобретающее, заказывающее или имеющее намерение приобрести или заказать товары и услуги. <...> **Покупатель** – физическое лицо, кроме индивидуальных предпринимателей, имеющее намерение заказать или приобрести либо заказывающее, приобретающее для использования товары исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [ГОСТ Р 51303-2013].

В отношении аптеки *покупатель* – это лицо, приобретающее иные (нерецептурные) товары аптечного ассортимента: БАДы, парфюмерно-косметическую продукцию, продукты диетического или детского питания, средства личной гигиены. Если же посетитель аптеки покупает безрецептурные аптечные товары вместе с рецептурными, он является и *покупателем* и *пациентом*. Такая ситуация соответствует аптечной практике, а термины *покупатель*, *посетитель*, *пациент* используются в обучении фармацевтической специальности (см. рис. 1).

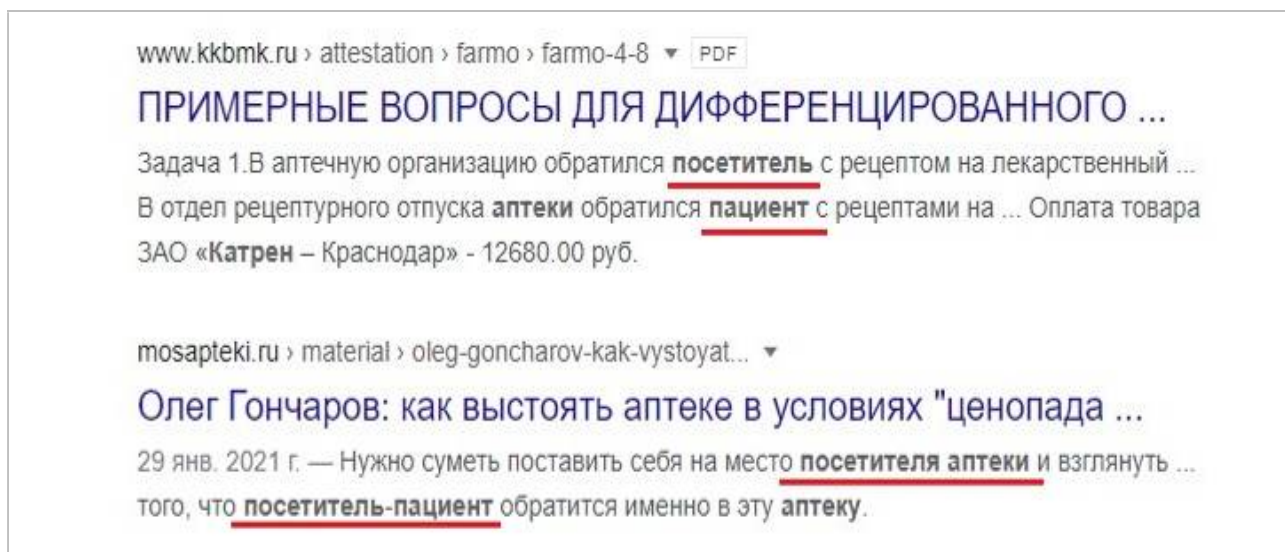

Рисунок 1. Поисковая строка с ситуационными задачами по фармации

Скриншот интернет-строки с файлами примерных ситуационных задач для подготовки к экзамену на допуск к фармацевтической деятельности демонстрирует наличие в одном контексте терминов *посетитель* и *пациент*, и даже формы с приложением: *посетитель-пациент*. Следовательно, перед нами контекстообусловленная ситуация: лица, получающие лекарственную помощь в аптеке, именуются в зависимости от вида покупаемого им товара.

Концепция ответственного самолечения, принятая ВОЗ, подразумевает «разумное применение самими пациентами лекарственных средств, находящихся в свободной продаже, с целью профилактики или лечения легких расстройств здоровья до оказания профессиональной врачебной помощи», а также «готовность медицинского и/или фармацевтического работника разделить эту ответственность с пациентом» [VIDAL]. Одним из признаков такой готовности является облегчение доступа пациента к профессиональной информации, связанной с действием и употреблением лекарственных препаратов. Источником этой информации являются инструкция по применению лекарственного препарата (далее – ИПЛП) и само название ЛП.

Задача ИПЛП как медико-фармацевтического профессионального документа – информирование *пациента* для оказания медицинской помощи, однако *пациент* – слишком абстрактная характеристика для медицинской практики, поэтому лексемы *пациент*, *пациентка* обычно сопровождаются уточняющей характеристикой, связанной с видом болезни (*пациентам с заболеваниями почек, пациентам с сахарным диабетом*). Чаще всего ЛП предназначен для человека, который уже нездоров, поэтому в ИПЛП в качестве синонима используются лексемы *больной, больная*. Лекарственная помощь является адресной. Важную роль при выборе ЛС, курса лечения и дозы играют пол и возраст пациента, что отражается в таких субститутах, как: конкретные лексемы (*мужчина, женщина, взрослые, дети, детский возраст, ребёнок, подросток*) и косвенные указания с помощью описательных конструкций (*до наступления менархе, при беременности, в период лактации, в период полового созревания, в течение первого года жизни*). В названиях ЛП также встречаются указания на пациента, чаще всего на его половозрастную характеристику (например, *Diane-35, ЛедиБон, Матерна, КИНДЕРБИОВИТАЛЬ, Андрогель* и другие) [Бурдина 2016: 27–28].

Развитие интернет-коммуникации, распространение социальных сетей позволило инициировать общение на профессиональные темы с большим количеством людей. Блоги, профессиональные интернет-сообщества доступны в любое время, не требуют соблюдения правил официально-делового общения: демонстрируют свободный стиль, близкий к разговорному языку (с нарушением грамматических норм, употреблением жаргонных и даже обсценных слов). Особенностью неформальной коммуникации в профессиональных сообществах является общение равностатусных участников, обладающих общим (в нашем случае, фармацевтическим, реже медицинским) образованием и, как следствие, общим терминологическим базисом и метаязыком, схожей системой ценностей, сопоставимыми условиями труда, одинаковыми профессиональными проблемами.

Информация в профессиональных сообществах социальных сетей представлена в постах (небольших сообщениях, отражающихся в новостной ленте подписанных на страницу пользователей) и демотиваторах (изображение, сопровождаемое надписью-слоганом). Материалом для нашего анализа послужили 270 текстов постов и демотиваторов с комментариями, из которых выделено 314 контекстов, содержащих 357 словоупотреблений, используемых для номинации посетителей аптеки. Источник материала – профессиональное сообщество социальной сети «ВКонтакте» «Фармация / Pharmaceutical Jokes».

Статусно-ролевые отношения работника и посетителя аптеки отражены в таких номинациях последнего, как *посетитель*, *покупатель*, *пациент*, *клиент* (рис.2).

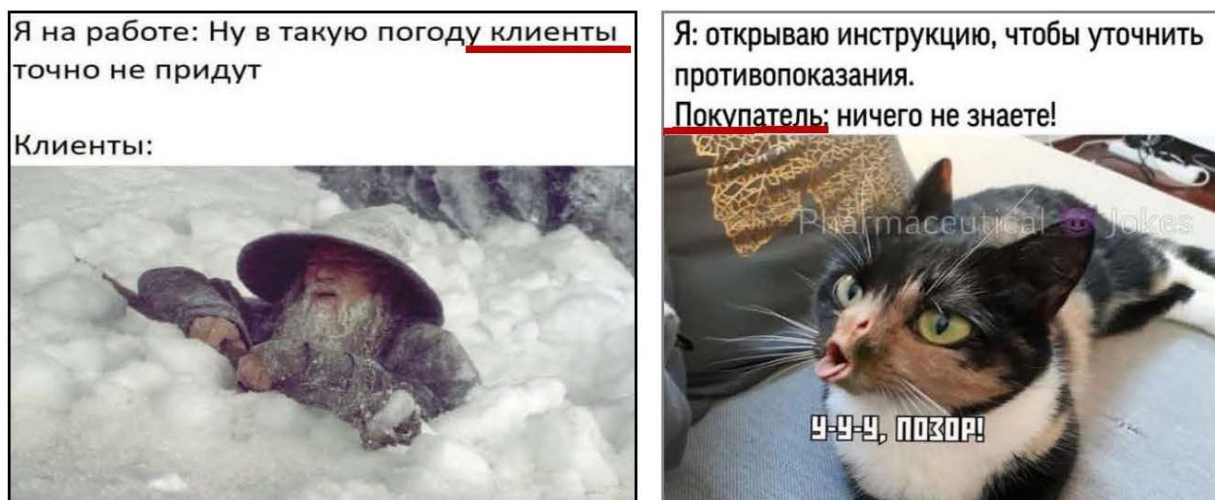

Рисунок 2. Демотиваторы в группе Фармация/Pharmaceutical Jokes

Первые три номинации уже были встречены в правовом подтипе фармацевтического дискурса (РФП, Приказы МЗ РФ), последняя в них отсутствует, однако словарное определение термина *клиент*¹ соответствует сложившейся в аптечной практике ситуации. Можно сказать, что эта номинация начинает формироваться в правовом поле фармации (лексемы «услуга», «обслуживать» в РФП). Формально сфера здравоохранения ещё оказывает помощь (патерналистская модель), но фактически формируется практика оказания/потребления услуг (модель сотрудничества), что уже воспринято обществом, осознано и получило словесное выражение в номинации *клиент* (в цитируемых текстах сохранены авторская орфография и пунктуация):

Почему нельзя просто было объяснить что её в нос закладывают тоже?! Чё за бредятина?? Вообще поговорить с клиентом об этом ещё до совершения покупки! По сути если действительно существует такая мазь, значит в этом случае фармацевт отпустила неправильную лек форму. И она подлежит возврату или замене [Pharmaceutical Jokes 20. 04.03.2021].

Если в правовом дискурсе номинации *посетитель*, *покупатель*, *пациент*, *клиент* употребляются в мужском роде, обозначая статусную характеристику, то в неформальном профессиональном дискурсе они имеют и гендерную характеристику (мужчина), и у каждой из названных номинаций встречается производная форма женского рода (*посетительница*, *покупательница*, *пациентка*, *клиентка*):

Мужики, признаемся! Кого сколько раз поздравили уже с праздником? Они даже не задумываются! – И Вас тоже с праздником! У меня каждая 2ая клиентка так [там же: 08.03.03.2021].

Покупательница говорит: «у меня гемоглобин 85. Доктор сказал принимать 10 дней антиоксикапс с железом... дайте мне пластиночку...»... Я в ужасе [там же: 01.02.03.2021].

Употребление номинаций *посетитель*, *покупатель*, *пациент*, *клиент* имеет нейтральную стилистическую окраску; количество таких словоупотреблений невелико (суммарно четыре номинации – 41 % от общего количества лексем, указывающих на посетителя аптеки), обычно

¹ («Тот, кого обслуживают <...>; посетитель, заказчик» [19, <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov>]

связано с нейтральной ситуацией: информирование, реклама в группах, описание стандартных ситуаций. Чаще встречаются субституты, не представленные в официальных документах. Часть из них имеет нейтральную стилистическую окраску, обозначая и/или индивидуализируя посетителя аптеки (мужчина, мужик, женщина с ребёнком, бабушка, молодой человек и другие), но преобладают лексемы с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской, чаще всего с негативной коннотацией. Достигается такой эффект за счёт использования: 1) бранной лексики (*дурак, психичка* и прочие) или негативных оценочных конструкций (*гнусавая тётя, женщина не очень опрятного и очень недружелюбного вида, токсичные люди*); 2) указания на переносный смысл за счёт кавычек (*«врач», «любимые» клиенты, «умная» покупательница*); 3) книжных слов как выражение иронии (*дама, мадам, мудрые люди*); 5) «уменьшительных» суффиксов в эмоционально-экспрессивном значении пренебрежения (*тетка, дедок, покупатель, мужик, невмешко*); 6) словоформ, образованных сложением слов, составляющих фразо-характеристику (*яжмать, яврач / ясамврач*); 7) числительных один/одна в значении неопределённых местоимений или существительных (*один такой, одна дама, одна, один на иномарке, одна в шубе в пол*). Следует сказать, что причиной появления таких номинаций является не отношение работников аптеки к своим обязанностям, а именно социокогнитивная ситуация: описание негативных (или спорных в оценке) актов коммуникации, на которые авторы постов ожидают отклика у представителей профессионального сообщества. Описанные лексемы не являются терминоединицами, они выступают лишь эмоциональными лексическими субститутами терминовариантов, обозначающих посетителей аптеки.

Заключение

Появление терминологического варьирования в обозначении адресата фармацевтической помощи (*пациент, посетитель, покупатель, клиент*) демонстрирует изменение общественного сознания по отношению к фармацевтической деятельности в целом и аптечной коммуникации в частности. Фармацевтический дискурс, привычно воспринимаемый в контексте дискурса здравоохранения, проявляется во взаимодействии с другими сферами общественных отношений: маркетингом, менеджментом, торговлей. Это проявляется в трансформации терминологии. Новые терминоединицы, репрезентирующие понятие, выбираются иногда на интуитивном уровне, объективируя через язык складывающиеся в общественном сознании реалии. Наличие вариантных форм для обозначения одной статусной фигуры (посетителя аптеки) в фармацевтическом дискурсе фиксирует изменение восприятия фармацевтической профессии социумом, формирование новой социальной реальности. Формирование новой культуры общественных отношений в социальном институте фармации требует уточнения статуса посетителя аптеки в разных коммуникативных ситуациях, что выражается в наличии нескольких номинаций для обозначения 'посетителя аптеки': *пациент, посетитель, покупатель, клиент*. В фиксации языковых явлений «живой» язык неформального общения (в том числе на профессиональные темы) является более мобильным, чем язык профессиональных документов. Для обозначения потребителя фармацевтических услуг используются все четыре варианта: *пациент, посетитель, покупатель, клиент*. Определяющим мотивом для выбора является коммуникативная ситуация. В языке деловых документов (Положений, Приказов) также фиксируется терминологическое варьирование, что связано с разными функциональными ролями потребителя фармацевтических услуг с точки зрения аптечного менеджмента. Язык этического стандарта и ИПЛП наиболее консервативен, сохраняет медицинский термин *пациент*, так как позиционирует фигуру клиента социального института фармации как участника общего дискурса здравоохранения.

Список литературы

1. Авербух К.Я. Общая теория термина: комплексно-вариологический подход : дисс. ... д. филол. н. Иваново, 2005. 324 с.
2. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2002. 200 с.
3. Алексеева Л.М. К истокам социотерминоведения: социокультурные контексты функционирования термина // Сфера культуры. № 1 (1) 2020. С. 77-86. DOI: 10.48164/2713-301X_2020_1_77.
4. Бурдина О.Б. Гендерные маркеры в фармацевтическом тексте (на примере инструкций по применению лекарственных препаратов) // Иностранные языки в контексте культуры: межвуз. сб. ст. по материалам конф. / отв. ред. Н.В. Шутёмова. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2016. С. 25–30.
5. ГОСТ Р 51303-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Торговля. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 28.08.2013 № 582-ст.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.mos.ru/upload/documents/oiv/gost_r_51303_2013.pdf (дата обращения: 15.03.2021).
6. Дейк Т.А. ван. Язык. Понимание. Коммуникация. Благовещенск: Изд-во «Благовещенский ГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ», 2000. 308 с.
7. Капанадзе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. 135 с.
8. Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во «Саратовский университет», 2000. С. 25–33.
9. Карасик В.И. Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Тематический выпуск: Многомерность дискурса. 2021. № 1. С. 14–31. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-1-14-31.
10. Кочемасова Д.Р., Воронина Е.Б. Профессиональный дискурс // Вестник Марийского государственного университета. 2018. Т. 12. № 2. С. 146–151.
11. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов [Электронный ресурс]. [URL: <https://normativ.kontur.ru/ocument?moduleId=1&documentId=122404> (дата обращения: 17.09.2021).
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov> (дата обращения: 30.09.2021).
13. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 11.12.2019 г. № 1022Н «О внесении изменений в приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14.01.2019 г. № 4н «Об утверждении порядка назначения лекарственных препаратов, форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения» [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=353485> (дата обращения: 27.09.2021).
14. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 14.01.2019 г. № 4н «Об утверждении порядка назначения лекарственных препаратов, форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения» (с изменениями и дополнениями). Редакция с изменениями № 1075 Н от 08.10.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=382468> (дата обращения: 17.09.2021).
15. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 21.10.97 № 309 Об утверждении инструкции по санитарному режиму аптечных организаций (аптек) [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=102704> (дата обращения: 17.09.2021).
16. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31.08.2016 г. № 647н «Об утверждении Правил надлежащей аптечной практики лекарственных препаратов для медицинского применения» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2017 № 45113) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71482810/> (дата обращения: 17.09.2021).
17. Развитие фармацевтической практики. Фокус на пациента: пособие. Редакция 2006 г. ВОЗ: Женева. 97 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://whodc.mednet.ru/ru/osnovnye-publikaczii/farmaceuticheskie-preparaty-i-biologicheskie-veshhestva/1363.html> (дата обращения: 07.10.2021).

18. Суперанская А.В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 248 с.
19. Таратухин Е.О. Пациент-центрированная медицина. Новая реальность // Российский кардиологический журнал. 2016. № 9 (137). С. 79–83.
20. Фармация/Pharmaceutical Jokes [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/pharmaceutical_jokes (дата обращения: 10.10.2021).
21. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025> (дата обращения: 05.10.2021).
22. Чернявская В.Е. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 2 (23). С. 122–127.
23. Developing pharmacy practice – A focus on patient care. Working draft for field testing and revision – 2006 edition: Handbook. WHO. Geneva. 97 p. [Электронный ресурс]. URL: www.who.int/medicines/publications/WHO_PSM_PAR_2006.5.pdf (accessed 18.09.2021).
24. Dijk T.A. van. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge, New York etc.: Cambridge University Press, 2008. 284 pp.
25. Guest M. Clinical Case Presentations: An Overview Pf Exemplar Medical Speech Event // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19. № 5. С. 48-60.
26. VIDAL: Справочник лекарственных средств [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vidal.ru/novosti/razvitie-kontseptsii-otvetstvennogo-samolecheniya-v-rossii-6540> (дата обращения: 15.10.2021).

Информация об авторе

О.Б. Бурдина – кандидат филологических наук, доцент,
Пермская государственная фармацевтическая академия.

Information about the author

O.B. Burdina – Ph.D. (Philology), Associate Professor,
Perm State Pharmaceutical Academy.

Статья поступила в редакцию 01.10.2021; одобрена после рецензирования 15.10.2021; принята к публикации 15.10.2021.

The article was submitted 01.10.2021; approved after reviewing 15.10.2021; accepted for publication 15.10.2021.

Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 23–29.
Eurasian humanitarian journal. 2021. No. 4. P. 23-29.

Научная статья
УДК 81'81:13

УСТОЙЧИВЫЕ ЕДИНИЦЫ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Варвара Андреевна Данилевская

Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова,
Санкт-Петербург, Россия, dvorakv@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается значение устойчивых конструкций английского языка для успешной профессиональной коммуникации. Упоминается о коммуникативных ошибках, ведущих к нештатным ситуациям на море. Подчеркивается распространённость ошибок, возникших в результате действия «человеческого фактора», особо выделяются ошибки, связанные с недостаточным уровнем морского английского языка у членов судовой команды, а также с незнанием культурных особенностей представителей разных наций. Рассматривается важность коллокационной компетенции для изучающих морской английский язык, говорится о сложностях в изучении коллокаций, в том числе связанных с межъязыковыми различиями на лексическом уровне. Подробно рассказывается о значении коллокаций в профессиональной речи представителей сферы судоходства; значение коллокаций разбирается на примере стандартных фраз для общения на море. Особое внимание уделяется типам упражнений на освоение коллокаций студентами начальных курсов морских вузов, исходя из уровня их владения английским языком. Говорится о типах заданий, направленных на формирование «межкультурной коммуникативной компетенции»; предлагается определенный алгоритм начального этапа введения коллокаций в курс практических занятий. Подчеркивается важность контекста, в том числе профессионального, при изучении коллокаций.

Ключевые слова: коллокации, коллокационная компетенция, морской английский язык, ошибки коммуникации, педагогическая практика

Для цитирования: Данилевская В.А. Устойчивые единицы и межкультурная профессиональная коммуникация (на материале английского языка) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 23–29.

Original article

SUSTAINABLE UNITS AND INTERCULTURAL PROFESSIONAL COMMUNICATION (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

Varvara A. Danilevskaya

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint Petersburg, Russia,
dvorakv@bk.ru

Abstract. The article examines the importance of collocations in English for successful professional communication. Mention is made of communicative errors that lead to abnormal situations at sea. The prevalence of mistakes caused by "human factor" is emphasized, especially mistakes related to insufficient level of maritime English of crew members, as well as lack of knowledge of cultural peculiarities of representatives of different nations. The importance of collocational competence for marine English learners is discussed, and the difficulties of learning collocations, including those related to inter-linguistic differences at the lexical level, are touched upon. The importance of collocations in professional maritime speech is explained in detail; their significance being explained using Standard Nautical Phrases. Particular attention is paid to the types of exercises on mastering collocations by maritime students, based on their level of English proficiency. Among all, types of tasks aimed at the formation of "intercultural communicative competence" are discussed; a certain algorithm of the initial stage of introducing collocations into the course of practical classes is proposed. The importance of context, including professional context, in the study of collocations is emphasized.

Keywords: collocations, collocation competence, communication errors, maritime English, teaching practice

For citation: Danilevskaya V.A. Sustainable units and intercultural professional communication (based on the material of the English language). Eurasian humanitarian journal. 2021;4:23-29. (In Russ.).

Введение

В эпоху глобализации и роста взаимного интереса народов друг к другу особое значение приобретают проблемы межкультурного и лингвокультурного характера. В этой связи С.Г. Тер-Минасова справедливо пишет: «слова связывают людей, объединяют их через общение. Без общения нет общества, без общества нет человека социального, нет человека культурного, человека разумного, homo sapiens. <...> Ни одна наука, ни одна специальность не может обойтись без слов. Они нужны хотя бы для того, чтобы сформулировать знание и опыт, сохранить его и передать следующим поколениям» [Кручина, Дроздова 2017; Тер-Минасова 2008].

Обучение английскому языку как иностранному в морском вузе имеет особое значение, поскольку английский в этом случае выступает как инструмент межнационального профессионального взаимодействия. Известно, что английский язык был утвержден Международной морской организацией в качестве общего языка профессиональной деятельности в сфере судоходства. Следовательно, при недостаточном уровне обучения морскому английскому языку будущих профессионалов, потенциальные проблемы в профессиональной коммуникации опасны прежде всего тем, что могут сыграть решающую негативную роль в возникновении и развитии аварий и нестандартных ситуаций.

По данным иностранных исследователей, 80 % аварий на море происходят из-за человеческого фактора, из них на долю неудачной коммуникации приходится одна треть [Ziarati 2011; Fan 2016]. Наиболее частыми ошибками экипажей грузовых и пассажирских судов, результатом которых стали столкновения и посадка судов на мель, являются неверное планирование маршрута или маневра, ошибочная оценка обстановки и ошибки в коммуникации между работниками сферы судоходства [Sánchez-Beaskoetxea 2021]. Что касается барьеров, препятствующих успешной коммуникации на море, к ним следует отнести общую для большинства иностранных обучающихся сложность в достижении высокого уровня владения английским, недостаточную осведомлённость о «другой» культуре, низкий уровень ее понимания [Vorucinsky, Kegalj 2016].

Е.А. Николаева и В.С. Плужник приводят примеры различий менталитетов, которые необходимо учитывать в профессиональном общении на море с представителями разных национальностей: представители Турции и стран южнее нее «плохо воспринимают краткие

обращения», филиппинцы «не начнут работу, пока ему об этом напрямую не скажут», представители северных стран «мало говорят и много делают» [Николаева, Плужник 2019]. Филиппинцы, как и представители азиатских стран и культур, составляют большинство в многонациональных судовых экипажах. Следовательно, судоходным компаниям и капитанам судов зачастую рекомендуется иметь представление об азиатской культуре, а также обучать своих сотрудников – представителей других национальностей, определенным навыкам общения, нацеленным на предотвращение недопонимания и конфликтов с представителями азиатских наций, и нанесения им обид из-за незнания культурных особенностей [Astratine 2016]. Carmen Astratinei из военно-морской академии в Констанце (Румыния) считает, что мультикультурные команды должны посещать курсы, направленные на повышение межкультурной осведомленности [Ibid.].

Известно, что члены экипажа разных национальностей по-разному реагируют на чрезвычайные ситуации и по-разному сообщают о них [Ziarati 2011]. В таких ситуациях, сопряжённых с максимальным эмоциональным напряжением, проблемы могут усугубляться незнанием морского английского языка, что, в свою очередь, опасно возникновением недопонимания между членами экипажа или между судном и береговыми службами.

Обсуждение

Вследствие того что владение английским языком как языком международного профессионального общения является одной из наиболее важных компетенций специалиста в сфере судоходства, целью обучения английскому языку по рабочим программам морского вуза является «не только базовое знание языка, но и специализированной терминологии, лексических единиц, повсеместно употребляемых на борту ежедневно» [Кухоренко 2019].

Не случайно в последние годы в учебной литературе и научно-методических исследованиях, проводимых в области обучения английскому языку, все больше внимания уделяется такому лингвистическому объекту, как устойчивая конструкция, или коллокация (англ. *collocation*).

Коллокация – это, как правило, «естественное сочетание слов; она показывает, каким образом английские слова тесно связаны друг с другом» [Macis, Schmitt 2016]. Существует понятие «коллокационной компетенции», овладение которой чрезвычайно важно вследствие того что недостаточный уровень данной компетенции приводит не только к грамматическим и лексическим ошибкам, но зачастую провоцирует говорящего составлять более длинные фразы для изложения своих мыслей [Vičić, Gajšt, Plos 2018].

Сложности в восприятии коллокаций во многом связаны с «вмешательством» и влиянием на когнитивные процессы говорящего / обучающегося его родного языка, поскольку многие английские коллокации, в том числе в профессиональной сфере, не имеют в родном языке прямого соответствия. Например, студенты могут испытывать сложности с запоминанием и употреблением таких коллокаций как *take a subject*, *make progress*, вследствие того, что произвольно подбирают сочетания с этим же смыслом на русском языке («изучать предмет» и «делать успехи» соответственно), а затем пытаются перевести их на английский язык, что приводит к появлению некорректных коллокаций. Негативное влияние межъязыковой интерференции при обучении английскому языку – одна из основных причин ошибок в использовании коллокаций на продуктивном уровне [Balenović, Šuljat 2019]. Именно поэтому обучению студентов семантике устойчивых сочетаний английского языка следует уделять особое внимание в неязыковом вузе, при этом важно добиваться автоматизма в знаниях таких коллокаций, которых не существует в родном языке обучающихся.

Говоря о значении коллокаций в морском английском языке (далее – МА), то есть языке профессионального морского дискурса, стоит процитировать статью хорватских лингвистов М. Borušinsky и J. Kegalj: «Коллокационная компетенция является важной предпосылкой для свободного владения морским английским языком, и, возможно, одним из самых высоких уровней языковой грамотности, которого могут достичь будущие морские офицеры» [Borušinsky, Kegalj 2016]. Как отмечает Б. Причард, коллокации зависят от конкретного языка и культуры, следовательно, от картины мира и закрепленных в языке культурных концептов. Этой лингвокультурологической особенностью они представляют научно-методический интерес для преподавателей морского английского языка в силу того, что демонстрируют межъязыковые (и, очевидно, опосредованно межкультурные – В.Д.) различия на лексическом уровне [Pritchard 2015]. Так, по мнению автора, английский термин *bill of lading*, входящий в коллокации с глаголами *sign*, *indorse*, *present*, может и не формировать коллокации с аналогичными глаголами в других языках [Ibid.]. Здесь, таким образом, снова налицо опасность межъязыковой интерференции, но уже на уровне освоения профессиональной английской лексики.

При устном общении на море (в первую очередь – посредством радиосвязи) обмен информацией и передача сообщений должны быть настолько ясными, краткими и точными, насколько это возможно. Передаваемая информация не должна допускать двусмысленности, быть краткой, актуальной и достигать своей коммуникативной цели [Valle 2011]. И здесь чрезвычайно важно соблюдение согласованных на международном уровне стандартных фраз, многие из которых по сути представляют собой устойчивые сочетания профессионального дискурса. О значении коллокационной компетенции для профессиональной деятельности в сфере судоходства можно судить по утвержденным Международной Морской Организацией в 2001 г. Стандартным фразам для общения на море (далее – СФОМ). Фразы на английском языке были разработаны для охвата наиболее важных с точки зрения безопасности областей устного общения между берегом и судном (и наоборот), между судном и бортом с целью обойти проблему языковых барьеров на море и избежать недопонимания, которое может привести к несчастным случаям [SMCP].

СФОМ составлены для «стандартизации языка, используемого как средство связи при плавании, на подходах к порту, на водных путях и в гаванях, а также для внутрисудового общения на судах с разноязычной командой» [Овчинников 2002]. Следовательно, во многих фразах опускаются служебные слова *the*, *a(an)*, *is(are)*, то есть СФОМ не требуют строгого соблюдения грамматических правил. Например, варианты ответа на вопрос «*Is there danger of explosion?*» представлены с пропуском сказуемого: «*Yes, danger of explosion*», «*No danger of explosion*». Пропуск в данном случае стандартной для подобных предложений и известной всем изучающим английский язык конструкции *there is* говорит о том, что, отход от строгого соблюдения грамматических правил не является препятствием для успешной коммуникации на море.

Вследствие того что СФОМ были составлены для стандартизации и упрощения языка, используемого в сфере судоходства, они насыщены коллокациями языка профессиональной сферы, что еще раз подчеркивает важность коллокационной компетенции для морских специалистов. Устойчивые сочетания в изобилии встречаются во всех разделах: «Сообщения о бедствии» (*require assistance, medical/navigational/tug assistance, unknown vessel* и др.), «Связь в случаях срочности» (*technical failure, dangerous goods, ice damage* и др.), «Гидрометеорологические условия» (*gale/storm warning, wind direction, sea state* и др.) и т. п [там же].

Необходимо отметить, что студенты, начинающие свое обучение в ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова, для успешного освоения программы обучения английскому языку должны иметь уровень языковой подготовки не ниже уровня А2 (в соответствии с Общеввропейскими компетенциями владения иностранным языком). Для данного уровня владения английским языком, как правило, не характерно знание каких бы то ни было морских коллокаций. Зачастую студенты знакомы лишь с самыми распространенными словами, связанными с морской тематикой, как *ship, port, sailor*, при этом они, как правило, не знакомы с другими словами из этих синонимичных рядов (напр. *vessel, wharf, seafarer*).

Учитывая, что в педагогической практике одним из наиболее предпочитаемых вариантов отработки навыков владения коллокациями являются упражнения, в которых коллокации представлены неразрывно [Boers 2014; Macis, Schmitt 2016], упражнения на заполнение пропусков (англ. *gap-filling exercises*) представляются наиболее перспективными для успешного запоминания семантики коллокаций и отработки их использования в контексте. Общеизвестно, что заучивание слов и фраз без их практического применения в контексте приводит к механическому запоминанию морской лексики [Astratinei 2016], поэтому выполнение практических заданий на основе профессионального контекста является неотъемлемой частью изучения морского английского языка. Однако мы полагаем, что (если речь идет о студентах, начинающих изучать морской английский язык с уровня А2) методически верным будет следующее пошаговое движение: 1) закрепление в сознании и памяти значений наиболее частотных, наиболее известных в морской профессиональной речи коллокаций; 2) использование более сложных упражнений, в которых эти же коллокации включены в определенный профессиональный контекст.

Для первого этапа может быть целесообразно использовать, например, упражнения, относящиеся к группе «поиск соответствий», где нужно соединить части коллокаций, а для второго – задания типа «Вставьте в текст пропущенные коллокации». Последний тип заданий, направленный на изучение коллокаций в рамках контекста, представляется наиболее интересным для студентов, так как позволяет одновременно знакомить их с фрагментами аутентичных текстов или целыми текстами. Более объемный вид заданий, предполагающий большую степень самостоятельной, творческой работы студентов, а также способствующий (при соответствующем выборе тематики преподавателем) формированию межкультурной коммуникативной компетенции – создание проектов. При этом студенты «...получают возможность выйти за рамки учебника, ... расширить представления о мире, выбранной профессии» [Кухоренко 2019].

U. Acar¹ и С. Varsami отмечают, что включение реальных сценариев в учебный процесс в классе или онлайн имеет первостепенное значение, поскольку это обеспечивает жизненно важную связь между теорией и практикой [Acar, Varsami 2016]. Как вариант таких сценариев преподаватель может выбирать тексты или аудиозаписи новостей об авариях и нештатных ситуациях, произошедших вследствие коммуникационных ошибок, а также доступные в различных источниках фрагменты отчетов и расследований таких инцидентов. Кроме реального профессионального контекста, как правило, избыточного коллокациями, такие примеры могут быть интересны обучающимся как будущим специалистам, и, следовательно, способствовать лучшему запоминанию и усвоению устойчивых сочетаний.

При помощи преподавателя в свои проекты (рефераты, презентации, групповые творческие задания, ролевые игры и т. д.) студенты могут включать и отработку элементов межкультурного общения, например, при изучении следующих тем в рамках дисциплины

«Базовый профессиональный английский язык»¹: «Организация работы в российских и зарубежных портах», «Опасные грузы», «Повреждение груза», «Грузообрабатывающие операции», «Претензии по грузовым операциям» и др. Не следует забывать, что работа над подготовкой проектов по морской тематике предполагает умение анализировать максимально широкие контексты на английском языке.

Заключение

Важность коллокационной компетенции для морских специалистов признается исследователями и педагогическим сообществом, следовательно, изучение коллокаций целесообразно на всех этапах обучения морскому английскому языку будущих специалистов сферы судоходства. При этом следует учитывать уровень владения английским языком обучающихся. Для студентов первых курсов морских вузов, имеющих уровень английского А2, можно рассмотреть следующий алгоритм введения коллокаций в курс обучения: изучение и закрепление знания наиболее частых в морской профессиональной речи коллокаций с помощью выполнения упражнений по типу «поиск соответствий»; использование более сложных упражнений с включением уже известных студентам коллокаций в профессиональный контекст с помощью выполнения упражнений по типу «заполнение пропусков».

Обобщая наши учебно-методические размышления, подчеркнем, что коллокации в английском, в том числе в морском английском, представляют собой огромный и чрезвычайно важный пласт лексики, поэтому обучение коллокациям, их структуре и семантике в рамках морского английского языка должно происходить на всех этапах обучения студентов морских вузов. Впоследствии, когда сегодняшние студенты станут специалистами в сфере морских перевозок, это будет способствовать безошибочному пониманию и использованию ими в профессиональной речи устойчивых сочетаний.

Список литературы

1. Кручина О.Н., Дроздова А.А. Активные методы обучения для развития готовности к коммуникации на иностранном языке (на примере специальности «Судовождение») // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: Педагогика. 2017. № 4. С. 146–151.
2. Кухоренко Н.В. Морской английский язык как средство формирования профессиональных компетенций выпускника морского вуза // Балтийский морской форум. 2019. С. 164–168.
3. Николаева Е.А., Плужник В.С. Культурологический аспект как необходимый компонент иноязычной подготовки инженера-судоводителя для работы в смешанном экипаже [Электронный ресурс] // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskiy-aspekt-kak-neobhodimyy-komponent-inoazychnoy-podgotovki-inzhenera-sudovoditelya-dlya-raboty-v-smeshannom-ekipazhe> (дата обращения: 10.10.2021)
4. Овчинников Г.Н. Стандартные фразы ИМО для общения на море.-2-е изд., перераб. СПб.: Изд-во ООО «Морсар», 2002. 475 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во «Московский государственный университет», 2008. 350 с.
6. Acar U., Varsami C. Practical Communication Approach in Maritime English // TransNav, the International Journal on Marine Navigation and Safety of Sea Transportation. 2021. Vol. 15, No. 3, doi:10.12716/1001.15.03.13, pp. 601–604, 2021.
7. Astratinei C. Communication problems in a mixed crew environment // Scientific Bulletin of Naval Academy. 2016. Т. 19. № 1. Р. 13–16.

¹ Программа разработана кафедрой английского языка навигации и связи ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова

8. Balenović K., Čuljat S. The Use of English Collocations among Croatian L1 Polytechnic Students // 10th International Language Conference on »The Importance of Learning Professional Foreign Languages for Communication between Cultures«, 20 and 21 September 2018, Celje, Slovenia. Conference Proceedings. P. Vičič, N. Gajšt & A. Plos (Eds.), University of Maribor, University Press, 2019. P. 1–19
9. Boers F. et al. Gauging the effects of exercises on verb–noun collocations // Language Teaching Research. 2014. T. 18. № . 1. P. 54–74.
10. Borucinsky M., Kegalj J. Collocations in marine engineering English // Scripta Manent. 2016. T. 10. № . 2. P. 36–51.
11. Fan L. et al. The Establishment of a Framework of Communicative Competence of Seafarers: A Systematic Review // What is Next in Educational Research? 2016. P. 233–248.
12. IMO Standard Marine Communication Phrases. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imo.org/en/OurWork/Safety/Pages/StandardMarineCommunicationPhrases.aspx> (дата обращения 12.12.2020).
13. Macis M., Schmitt N. The figurative and polysemous nature of collocations and their place in ELT // ELT journal. 2016. С. ccw044.
14. Pritchard B. On multiword lexical units and their role in maritime dictionaries // Iranian Journal of English for Academic Purposes. 2015. T. 4. № . 1. P. 90–117.
15. Sánchez-Beaskoetxea J. et al. Human Error in marine Accidents: Is the Crew Normally to Blame? [Электронный ресурс] // Maritime Transport Research, Vol. 2, 100016. doi:10.1016/j.martra.2021.100016. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666822X21000083#:~:text=Therefore%2C%20human%20error%20in%20ship,fifty%20percent%20of%20human%20error> (дата обращения: 10.10.2021).
16. Valle A.B. The language of seafaring: standardized conventions and discursive features in speech communications // International Journal of English Studies. 2011. T. 11. № 1. P. 35–53.
17. Vičič P., Gajšt N., Plos A. The Use of English Collocations among Croatian L1 Polytechnic Students [Электронный ресурс] // 10th International Language Conference on» The Importance of. By / Založnik University of Maribor Press Slomškovo trg 15, 2000 Maribor, Slovenia <http://press.um.si>, zalozba@um.si Page 5, 2018. P. 1.
18. Ziarati M. et al. Communication and practical training applied in nautical studies // PROCEEDINGS OF IMEC 23. 2011. P. 41.

Информация об авторе

В.А. Данилевская – старший преподаватель,
Государственный университет морского
и речного флота имени адмирала С.О. Макарова.

Information about the author

V.A. Danilevskaya – Senior Lecturer,
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping.

Статья поступила в редакцию 11.09.2021; одобрена после рецензирования 10.10.2021; принята к публикации 10.10.2021.

The article was submitted 11.09.2021; approved after reviewing 10.10.2021; accepted for publication 10.10.2021.

Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 30–36.
Eurasian humanitarian journal. 2021. No. 4. P. 30–36.

Научная статья
УДК 81`42:811.111

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ

Анна Сергеевна Шугаева¹, Ирина Валерьевна Коровина²

^{1,2}Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия

¹anuta.shugaeva@yandex.ru

²korirfox@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена разработке полной функциональной классификации английских дискурсивных маркеров. Существующие классификации данных лексических единиц не охватывают всего спектра их функциональной нагрузки в тексте, которая оказывается исключительно важной для эффективного построения текста. Материалом исследования послужили научные тексты на английском языке. Выбор текстового материала обусловлен требованиями научного регистра речи, характеризующегося наличием чётко организованной структуры, логики повествования и ясно прослеживаемых причинно-следственных связей. Именно в научном тексте необходимо установить логические текстовые связи между его элементами. Дискурсивные маркеры выступают теми лексическими единицами, которые способны выполнить данную задачу. Авторами проанализировано 15 научных статей на английском языке (306 страниц), в которых методом сплошной выборки были отобраны дискурсивные маркеры. На основе определения речевой функции каждого дискурсивного маркера авторы статьи осуществили типологизацию данных речевых единиц по критерию их функциональной нагрузки в тексте. Результатом исследования является детально разработанная функциональная классификация англоязычных дискурсивных маркеров, учитывающая всё разнообразие их потенциального функционала в тексте. Результаты исследования могут быть использованы в рамках дальнейших исследований дискурса текста, при написании научных статей на английском языке, а также могут быть полезны для исследователей, занимающихся проблематикой математической лингвистики, в частности, генерацией текстов посредством искусственного интеллекта.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, английский язык, функция, классификация, когезия, когерентность

Для цитирования: Шугаева А.С., Коровина И.В. Функциональная классификация английских дискурсивных маркеров // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 30–36.

Original article

FUNCTIONAL CLASSIFICATION OF ENGLISH DISCOURSE MARKERS

Anna S. Shugaeva¹, Irina V. Korovina²

^{1,2}Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

¹anuta.shugaeva@yandex.ru

²korirfox@gmail.com

Abstract. The article is aimed at designing a full-fledged functional classification of English discourse markers. At the present point, the functional classifications described in academic discourse do not cover all possible functions of discourse markers in a text, which appear to be highly important for effective text-building. The research material is academic texts in English. The choice of this textual material is based on the requirements of the academic style, which is characterized by a well-organized structure, logic and clear cause-and-effect relations. Thus, in academic texts there is a necessity to provide a strong logical link between its elements, and discourse markers are the elements that are able to achieve this goal. The authors analyzed 15 academic papers in English (306 pages), in which they picked discourse markers by the continuous sampling method. Then by defining the textual function of each discourse marker, the authors designed the typology of these speech units, based on the functional criterion. The research is resulted in the detailed functional classification of English discourse markers, which covers all the variety of their functional potential in text. The research results can be used for prospective research on text discourse issues, for writing academic papers in English; and they also can be useful for researchers dealing with mathematical linguistics, in particular, generating texts with the help of artificial intelligence.

Keywords: discourse marker, English language, function, classification, cohesion, coherence

For citation: Shugaeva A.S., Korovina I.V. Functional Classification of English Discourse Markers. Eurasian humanitarian journal. 2021;4:30-36. (In Russ.).

Введение

Текстообразование всегда подчинено определённым структурным и грамматическим правилам, закреплённым в конкретном языке. Однако имеется ряд инструментов текстообразования, являющихся универсальными для большинства языков. Одним из таких инструментов являются дискурсивные маркеры, которые помогают структурировать идеи, излагаемые в тексте, создавая из набора предложений связную логическую последовательность. По мнению многих исследователей, главной функцией дискурсивных маркеров является выражение связи между сегментами дискурса. Иными словами, дискурсивные маркеры, создавая «смысловую цельность в организации текста, обеспечивают тем самым и его связность на глобальном (когерентность) и локальном (когезия) уровне. На глобальном уровне подразумевается использование дискурсивных единиц, указывающих на начало темы, развёртывание мысли и её завершение. Что касается локального уровня, то под ним понимается логическая связь в пределах одного предложения» [Шугаева 2020: 3].

Американскому лингвисту Д. Шиффрин принадлежит первая детализированная работа по анализу дискурсивных маркеров, которым она дала именно такое название. Изучая определённые маркеры в устных разговорных текстах с позиции теории дискурса, Д. Шиффрин определяет их следующим образом: «sequentially dependent elements which bracket units of talk» [Schiffirin 1987]. В отличие от Д. Шиффрин, Дж. Редекер называет дискурсивные маркеры *discourse operators* ('дискурсивные операторы'), подразумевая под ними следующее: «words or phrases ... that is uttered with the primary function of bringing to the listener's attention a particular kind of linkage of the upcoming utterance with the immediate discourse context» [Redeker 1991: 1140]. Рассматривая данные дискурсивные операторы как средство связности дискурса, Дж. Редекер предлагает на смену модели Д. Шиффрин свою усовершенствованную модель дискурса. Тем самым, она определяет, какие лексические единицы никак не могут относиться к дискурсивным операторам. Например, придаточные указатели (*for example, as I said before, this is so*), дейктические выражения, если не используются анафорически (*now, here, today*), а также *noun phrases* » ('именная группа') [Redeker 1991].

Дискурсивные маркеры всегда активно изучались и продолжают изучаться и российскими лингвистами. Дискурсивные маркеры представляют собой «средства, обеспечивающие грамматическую и смысловую цельность дискурса, организующие смысловую связность его единиц» [Болсуновская 2015: 117]. Таким образом, данные исследователи дают определение дискурсивных маркеров с позиции функций, которые выполняют маркеры в рамках дискурса.

Все дефиниции, представленные выше, имеют много общего, но их нельзя назвать синонимичными и взаимозаменяемыми. Однако суть всех определений сводится к тому, что дискурсивные единицы в основе своей являются связующими элементами текста.

Основная часть

Для определения функционального потенциала английских дискурсивных маркеров в тексте необходимо было, в первую очередь, методом сплошной выборки отобрать все имеющиеся в англоязычных научных текстах дискурсивные маркеры. Выбор научного текста в качестве материала исследования обусловлен следующим требованием научного регистра речи: наличие чётко организованной структуры, логики изложения и ясно прослеживаемых причинно-следственных связей. В научном тексте установление логической текстовой связи между его элементами является необходимым. В тексте эту задачу выполняют различные механизмы, в том числе и использование таких лексических единиц, как дискурсивные маркеры.

Материалом исследования послужили тексты 15 англоязычных научных статей юридической, экономической и медицинской тематики (306 страниц). Мы проанализировали локальный контекст, в котором использованы отобранные нами дискурсивные маркеры, выявили особенности выполняемых ими функций и распределили данные лингвистические единицы по группам на основе прагматического критерия. Согласно разработанной нами функциональной классификации, дискурсивные единицы английского языка можно подразделить на следующие четыре группы: дискурсивные маркеры, обеспечивающие когезию текста; дискурсивные маркеры, обеспечивающие когерентность текста; дискурсивные маркеры, маркирующие отношение автора к сказанному; дискурсивные маркеры, осуществляющие интертекстуальные связи.

Необходимо отметить, что, поскольку данная классификация не привязана к лексическому и грамматическому строю конкретного языка, она может быть применена к лексическим единицам не только английского, но и других языков. Рассмотрим функциональную классификацию дискурсивных маркеров более подробно. Как уже было сказано ранее, дискурсивные маркеры способствуют связности текста на всех уровнях. Остановимся на этом подробнее. Как известно, связность текста обеспечивается механизмами когезии и когерентности. Под «внутренней» связностью, или когезией, понимаются «лингвистические средства (грамматические, лексические, фонетические), благодаря которым предложения в дискурсе соединены в более крупные единицы на структурном уровне» [Степанова 2009: 232].

Иными словами, когезия является первичной текстовой категорией, превращающей некую совокупность предложений в связный текст. Когерентность, или же «внешний аспект» связности, представляет собой «понятийно-смысловую цельность текста» [Величко 2016: 41]. Таким образом, когерентность подразумевает наличие логических и семантических связей между фрагментами текста, позволяющих называть его текстом. В ходе нашего исследования было обнаружено, что группа дискурсивных маркеров, обеспечивающих когезию текста, является самой обширной. В этой связи мы сочли возможным выделить несколько подвидов дискурсивных маркеров в этой группе.

1. Дискурсивные маркеры, указывающие на последовательность изложения информации (first, initially, second, then, further, finally): This relative inattention to the long-term consequences of placement in restrictive housing is unfortunate for several reasons. First, if the often-extreme psychological difficulties that result from being placed in restrictive housing are indeed a result of that experience, <<...>>.

2. Дискурсивные маркеры, вводящие примеры (for example, for instance, as examples): Historically, a human (usually the commander in the field) has made the decision to target, <<...>>, however, in more recent conflicts, this decision process has moved away from the point of engagement, for example, when semi-autonomous weapon systems are utilized.

3. Дискурсивные маркеры, конкретизирующие или повторяющие мысль (that is, in particular, similar to (similarly), again, likewise, specifically, briefly, relatedly, in a similar vein):

Nonetheless, only in the UK's withdrawal from the EU is it likely that the manifest violation exception may have been applicable. In particular, had the UK executive proceeded to trigger the withdrawal provision of the TEU without parliamentary approval, <...>.

4. Дискурсивные маркеры, акцентирующие внимание (indeed, actually, of note, in fact):

Several factors tend to discourage high-tech migrants' permanent settlement: the availability of jobs abroad, the relatively easy process of migration and return, and personal and family-based ambivalence about various points of residence. In fact, these factors work to sustain transnational careers.

5. Дискурсивные маркеры, вводящие дополнительную информацию (further more, more over, what is more, in addition to, also, additionally): Furthermore, research has found that in many instances higher minimum wages are associated with superior outcomes for small businesses.

Moreover, through the aggressive presence of such systems, the enemy could be denied ground without the need to commit one's own forces.

6. Дискурсивные маркеры, указывающие на противопоставление (while, on the one hand, on the other hand, however, whereas, although, nonetheless, despite, regardless of, instead (of), unlike, conversely, in practice): Despite the complexity of SHFV sg mRNA production, the total abundance of sg mRNA generated at each body TRS was consistent at early and late times post infection in two different cell types.

7. Дискурсивные маркеры, обобщающие (altogether, in principle, on the whole): To secure consistency, the document follows the prisoner throughout the entire sentence. In principle, the document only has to be filled out for prisoners serving sentences longer than 4 months, but because there are many exceptions to this rule, the plans are filled out for far more prisoners <<...>>.

8. Дискурсивные маркеры, указывающие на причинно-следственную связь (thus, therefore, consequentially, as a consequence, because (of this), for this reason, since, as): The young work less than previously and this is why capital accumulation is lower. Therefore the constraint of 'equal pay for equal work' has real and permanent long term consequences for the economy.

9. Дискурсивные маркеры, подводящие итог (to summarize/to conclude, in summary, in all, as a result, in conclusion/in concluding): Moreover, she contends, immigrants' point of reference regarding the value of a particular type of employment is their country of origin and the opportunities available in their home countries. As a result, at the food services firm that she studied, black immigrants placed greater value on the menial jobs available to them.

Что касается дискурсивных маркеров, обеспечивающих когерентность текста, то данная группа является менее многочисленной. К дискурсивным маркерам, осуществляющим когерентность текста, нами отнесены такие лексические единицы, как: as has been shown previously, as noted above, as listed in table, according to, by all accounts, as is clear from these descriptive statistics, as table 1 indicates, as shown in table, in contrast to the results for. В отличие от

когезии, мы считаем когерентность более широкой текстовой категорией, которая служит для установления связи не между ближайшими элементами локального контекста, а между удалёнными друг от друга фрагментами в пределах одного текста. Данный тип связности особенно важен для текста научного дискурса, требующего строгой последовательности всех его элементов в ходе развертывания мысли. Например: *As table 1 indicates*, for instance, there are truly marked differences in the duration of exposure to punishment cell placement and restrictive housing placement in Danish and U.S. prisons; *As noted above*, ISA does favor more abundant clones, and multiple variations on the ISA method have been used by different groups; *In contrast to the results* for men, subgroups of black immigrant women from both the Caribbean and sub-Saharan Africa had greater returns to niche employment than U.S.- born black women.

В первом примере маркер «*as table 1 indicates*» расположен в середине абзаца, однако отсылает к данным таблицы, расположенной на предыдущей странице, тем самым обеспечивая взаимосвязь этих двух фрагментов текста. Во втором примере связь осуществляется между двумя абзацами, а связующим звеном выступает выражение «*as noted above*». К моменту прочтения данного предложения у читателя уже формируются некие фоновые знания, к которым автор отсылает, используя данный маркер. Наконец, в третьем примере дискурсивный маркер «*in contrast to the results*» также обеспечивает когерентность текста, потому что он отсылает сразу к нескольким предшествующим абзацам. Таким образом, дискурсивные маркеры способны осуществлять взаимосвязь элементов текста как внутри абзаца, так и на более крупных текстовых фрагментах.

Рассмотрим третью группу функциональной классификации. К группе дискурсивных маркеров, указывающих на отношение автора к сказанному, нами отнесены следующие лексические единицы: *unfortunately*, *clearly*, *importantly*, *not surprisingly*, *interestingly*, *probably*, *of course* и т. д. Например: *Importantly*, our results mirror previous findings showing hemispheric asymmetries associated with processing emotions in music; *Interestingly*, DBS robustly confirmed the early and persistent contribution of these clones to hematopoiesis after transplant and chemotherapy; *Probably* the most likely channel through which restrictive housing placement could shape reentry outcomes is through long-term consequences for mental health; *Clearly*, this approach prioritizes state sovereignty, with possible detrimental consequences for treaty security, and it was supported by the first two special rapporteurs, Brierly and Lauterpacht. Данный тип дискурсивных маркеров имеет особое значение в текстах научного дискурса, так как для них свойственна деперсонализация. Это означает, что персоналия автора в собственных суждениях выражена имплицитно (неявно). Таким образом, данный тип дискурсивных маркеров, с одной стороны, позволяет расставить акценты в ходе рассуждений автора, привлечь внимание к той или иной мысли, дать свою скрытую оценку. С другой стороны, данные маркеры продуктивного авторства представлены в тексте в деперсонализированном виде, без акцентирования внимания на авторе сказанного.

Перейдём к рассмотрению четвертой, самой малочисленной, группе дискурсивных маркеров – маркеров, осуществляющих интертекстуальные связи. Данную группу мы определяем как малочисленную не по количеству данных дискурсивных маркеров в тексте, а по их разнообразию. Здесь необходимо остановиться на термине «интертекстуальная связь», чтобы определить функцию данной группы дискурсивных маркеров. Для любого текста научного регистра речи свойственно наличие пресуппозиции. Иными словами, перед написанием научной работы, исследователь изучает другие работы по данной тематике, часть которых он впоследствии цитирует в своей работе. Научная мысль не может существовать без элементов пресуппозиции, благодаря которым наука и движется вперед. Именно элементы пресуппозиции, фигурирующие в определённом локальном контексте, и

реализуют интертекстуальные связи. В группу дискурсивных маркеров, осуществляющих в тексте интертекстуальные связи, нами были включены такие маркеры, как *as recommended by*, *according to*, *as many researchers have noted* и другие. Например: As many researchers have noted (e.g., Muller & Wildeman, 2012), *deciphering whether the consequences of incarceration for life-course outcomes are driven by the stigma of incarceration <...>*; The rh11-2253.occ file contains a list of 11-mers occurring at least 2,253 times in the genome to be masked by BLAT and was generated using the following command: <...>, as recommended by UCSC <...>.

Рассмотрев представленные выше примеры использования дискурсивных маркеров всех четырех групп функциональной классификации, мы можем определить одну закономерность их использования в тексте. Большинство рассмотренных нами дискурсивных маркеров располагаются в предложении препозитивно, то есть перед введением новой мысли, в начале предложения. Из этого можно сделать вывод, что для англоязычного научного дискурса свойственно установление связи с предыдущим отрезком текста в начале предложения.

Заключение

Как уже упоминалось, группа дискурсивных маркеров, обеспечивающих когезию, является самой обширной и многочисленной. Подсчитав процентное соотношение видов дискурсивных маркеров функциональной классификации, мы представили полученные результаты в виде диаграммы (рис. 1). Высокая частотность дискурсивных маркеров, обеспечивающих когезию, на наш взгляд, обусловлена тем фактом, что когезия проявляется на уровне коротких отрезков текста, в том числе на уровне предложения, поэтому текстуальная потребность в дискурсивных маркерах, обеспечивающих когезию, возникает намного чаще, чем в маркерах, осуществляющих другие функции.

Анализ дискурсивных маркеров в ходе нашего исследования позволил выявить наиболее общие признаки данных единиц. Во-первых, синтаксически они независимы от структур, в которых употребляются, и их выбор в определённой степени факультативен. Во-вторых, для них характерно преимущественно препозитивное положение в предложении: в основном они употребляются в начале высказывания.

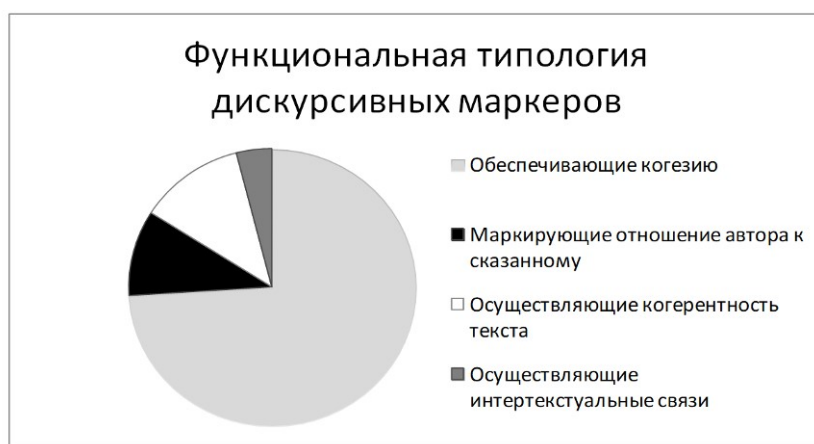

Рисунок 1. Частотность дискурсивных маркеров

В заключение необходимо ещё раз отметить, что дискурсивные маркеры являются важными организаторами структуры дискурса, выполняющими в нем различные функции. В этой связи, для эффективного построения текста, в частности текста научного дискурса, необходимо владеть информацией о речевых функциях дискурсивных маркеров с тем, чтобы успешно использовать их, в первую очередь, для осуществления когезии и когерентности текста.

Список литературы

1. Болсуновская Л.М., Зеремская Ю.А., Дубровская Н.В. Виды дискурсивных маркеров в русскоязычных и англоязычных научных статьях по геологии и нефтегазовому делу // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 4 (157), 2015. С. 117–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-diskursivnyh-markero-v-russko-yazychnyh-i-anglo-yazychnyh-nauchnyh-statyah-po-geologii-i-neftegazovomu-delu> (дата обращения: 25.09.2021).
2. Величко М.А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. № 2 (177). 2016. С. 39–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kogeziya-i-kogerentnost-osobennosti-razgranicheniya-i-opredeleniya-ponyatiy> (дата обращения: 31.05.2021).
3. Степанова М.И. Когезия и когерентность как основополагающие характеристики публицистического дискурса [Электронный ресурс] // Вестник Самарского государственного университета. № 73. 2009. С. 230–234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kogeziya-i-kogerentnost-kak-osnovopolagayuschie-harakteristiki-publitsisticheskogo-diskursa> (дата обращения: 25.09.2021).
4. Шугаева А.С. Дискурсивные маркеры как механизм текстопостроения [Электронный ресурс] // Огарёв-Online. 2020. № 6 (143). URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/diskursivnye-markery-kak-mexanizm-tekstopostroyeniya> (дата обращения 27.10.2021).
5. Redeker G. Review article: Linguistic markers of discourse structure // Journal of Linguistics, 1991. Vol. 29. N 6. P. 1139–1172. URL: https://www.researchgate.net/profile/GiselaRedeker/publication/243767147_Linguistic_markers_of_discourse_structure/links/545215240cf285a067c6cca3/Linguistic-markers-of-discourse-structure.pdf (дата обращения: 25.09.2021).
6. Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p. ISBN 978-0-5116-1184-1. URL: https://books.google.ru/books?id=QcPLCgAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=inauthor:%22Deborah+Schiffrin%22&hl=fr&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 25.09.2021).

Информация об авторах

А.С. Шугаева – магистрант,

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва;

И.В. Коровина – кандидат филологических наук, доцент,

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва.

Information about the authors

A.S. Shugaeva – Master student,

Ogarev Mordovia State University;

I.V. Korovina – Ph.D. (Philology), Associate Professor,

Ogarev Mordovia State University.

Статья поступила в редакцию 04.09.2021; одобрена после рецензирования 17.10.2021; принята к публикации 17.10.2021.

The article was submitted 04.09.2021; approved after reviewing 17.10.2021; accepted for publication 17.10.2021.

Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 37–47.
Eurasian humanitarian journal. 2021. No. 4. P. 37-47.

Научная статья
УДК 81`37

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СХЕМ КОЛЛОКАЦИЙ ЛЕКСЕМЫ «MISSION» ВО ФРАНЦУЗСКИХ ГАЗЕТАХ LIBÉRATION И LE FIGARO

Елена Михайловна Химинец

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
ellen.lm@mail.ru

Аннотация. В январе 2013 г. началась французская операция «Сервал» на территории Мали. Данное событие получило широкое освещение в СМИ Франции. В рамках данной статьи рассмотрим, как репрезентировано данное событие на материале ежедневных крупнейших французских газет «Libération» и «Le Figaro», изучим функционирование лексемы mission, как номинирующей военное событие. Для определения семантического ядра лексической единицы (ЛЕ) mission применен компонентный анализ. Под компонентным анализом принято понимать метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, имеющих целью разложение значения на минимальные семантические составляющие. Для анализа функционирования лексической единицы во французской прессе был составлен корпус, проведен отбор материала по датам военного события в период с 11.01.2013 г. по 14.07.2014 г. Проведен контент-анализ и отбор статей, посвященных операции «Сервал» на территории Мали. Работа с корпусом проводилась с применением программы Sketch Engine. С помощью различных инструментов изучены и проанализированы единицы, расположенные в непосредственной близости от ЛЕ mission, проведен анализ контекстов. Полученные данные, включают такие показатели как совместная встречаемость словосочетаний «соосцигенес», общее количество словосочетаний в корпусе «candidates». Для вычисления степени связности частей коллокации была применена статистическая мера MI Score. На основании данного исследования составлены модели, репрезентирующие военное событие «Сервал» во французской прессе. Построена результирующая структурно-семантическая схема ЛЕ mission. Она включает в себя достаточно большой набор ЛЕ, которые можно систематизировать, а также распределить на ядерные и периферийные.

Ключевые слова: миссия, компонентный анализ, корпусный анализ, французские газеты, коллокации

Для цитирования: Химинец Е.М. Исследование структурно-семантических схем коллокаций лексемы «Mission» во французских газетах Libération и le Figaro // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 37–47.

Original article

STUDY OF STRUCTURAL-SEMANTIC SCHEMES OF COLLOCATIONS OF THE LEXEME «MISSION» IN THE FRENCH NEWSPAPERS «LIBÉRATION» AND «LE FIGARO»

Elena M. Khiminets

Perm State University, Perm, Russia, ellen.lm@mail.ru

Abstract. In January 2013, the French operation "Serval" began in Mali. This event was widely discussed in the French media. The article considers in detail the representation of this event in the largest daily national French newspaper "Libération" and "Le Figaro". We study the functioning of the lexeme "mission" as a denomination of the military event. The component analysis is applied for the determination of the semantic core of the lexical unit "mission". The component analysis is commonly defined as a method for studying the content side of significant units of a language. This method is aimed at decomposing the meaning into minimal semantic components. To analyze the functioning of the lexical unit in the French press, we compiled a corpus and selected the material according to the dates of the military event in the period from 01.11.2013 to 07.14.2014. The content analysis and selection of articles on operation "Serval" in Mali were carried out. We used the Sketch Engine program to work with the corpus. With help of various tools the units located in the immediate vicinity of the lexical unit "mission" were analyzed. The contexts were studied. The obtained data includes such indicators as the joint occurrence of word combinations "cooccurrences", the total number of word combinations in the corpus "candidates". To calculate the degree of connectivity of the parts of the collocation, the statistical measure MI Score was applied. On the basis of this study, we compiled the models that represent the Serval military event in the French press. As the result, the structural-semantic model of the lexical unit "mission" is created. It includes a large set of lexical units that can be systematized and divided into nuclear and peripheral ones.

Keywords: mission, component analysis, corpus analysis, French newspapers, collocations

For citation: Khiminets E.M.. Study of structural-semantic schemes of collocations of the lexeme «Mission» in the french newspapers «Libération» and «Le figaro». Eurasian humanitarian journal. 2021;4:37-47. (In Russ.).

Введение

В рамках данной статьи предлагается рассмотреть, структурно-семантические модели и схемы коллокаций лексемы *mission* (миссия) на материале ежедневных французских газет «Libération» и «Le Figaro». Анализ проведен на материале военного события операции «Сервал», которая проходила в период с 11.01.2013 г. по 14.07.2014 г. на территории Мали. Одной из причин проведения данной операции была нестабильная обстановка в Мали вызванная активизацией деятельности террористических группировок, имеющих тесные связи с Аль-Каидой Исламского Магриба. Данное событие получило широкое освещение в средствах массовой информации Франции.

Основная часть

Для начала был проведен анализ этимологических и исторических словарей французского языка. Согласно французским этимологическим словарям в средние века слово «миссия» означало «*frais, dépenses*» (расходы, траты) [Alain 1998: 2252]. В XVI в. слово приобретает религиозное значение, а начиная с XVII в. из латинского языка заимствуется более широкое значение «*action d'envoyer*» (отправить, послать) [Bloch 1988: 411]. В это время появляются такие значения как «*tâche confiée à une personne*» (задача, возложенная на человека) (1656), или «*action d'accomplir une tâche*» (действия для выполнения задачи). В 1831 г. фиксируется еще одно значение «*raison d'être, fonction (d'une chose)*» (предназначение, функция) [Alain 1998: 2252]. В 1842 гг. слово «миссия» используется в метонимическом смысле «*ensemble de personnes que l'on envoie accomplir une tâche*» (группа людей, посланная для выполнения задания) [там же]. Тем не менее, стоит отметить, что в XVII в. религиозное значение данного слова было широко распространено.

Можно определить, что анализ исторических и этимологических французских словарей демонстрирует следующие дифференциальные семы:

– «mission» (миссия);

- «frais, dépenses» (расходы, траты);
- «action d'envoyer» (отправить, послать);
- «tâche confiée à une personne» (задача, возложенная на человека);
- «action d'accomplir une tâche» (действия для выполнения задачи);
- «raison d'être, fonction (d'une chose)» (предназначение, функция);
- «ensemble de personnes que l'on envoie accomplir une tâche» (группа людей, посланная для выполнения задания).

Для определения семантических компонентов значения анализируемой единицы обратимся к методу компонентного анализа. Под компонентным анализом слова принято понимать метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, имеющий целью разложение значения на минимальные семантические составляющие [ЛЭС]. Компонентный анализ значения непосредственно связан со структурой лексического значения и строится на той предпосылке, что все значения, кроме тех, что совпадают с элементарными понятиями, состоят из компонентов, а именно содержат более простые понятия, связанные зависимостями в целостную структуру значения [Никитин 2007: 110]. В основе анализа лежит гипотеза о том, что значение каждой единицы языка состоит из семантических компонентов, и что словарный состав языка может быть описан с помощью ограниченного и относительно небольшого числа семантических признаков. Метод заключается в анализе дефиниций лексем в толковых словарях, выделении компонентов этих словарных дефиниций и интерпретации их как отдельных дифференциальных признаков значения слова – сем [Попова, Стернин 2007: 125]. Компонентный анализ наиболее эффективен в выявлении семантического ядра при анализе словарных значений.

Далее были проанализированы словарные дефиниции в 32 французских толковых словарях и построена таблица семного состава лексической единицы *mission*. Представим основные компоненты значения, которые удалось выявить:

- религиозное значение: *prêcher par ordre de l'église* (проповедовать по указанию церкви), *locaux, où les missionnaires logent* (место, где работают миссионеры), *prêcher est fonctions de prêtre* (обязанность священника проповедовать);
- компоненты с общим значением: *tâche déterminée* (поставленная задача), *autorité pour s'en acquitter une tâche* (полномочия для выполнения задачи), *devoir* (долг, обязанность), *vocation* (предназначение), *but élevé* (высокая цель);
- право, дипломатия: *fonction temporaire dont un gouvernement charge des agents spéciaux* (временное назначение, сделанное правительством);
- военное значение: *action de combat* (военные действия);
- наука: *recherche scientifique* (научное исследование), *personnes chargées d'accomplir des recherches à caractère scientifique* (ученые ответственные за исследование).

Данные результаты позволяют определить ядерные и периферийные компоненты значения. К ядерным компонентам лексической единицы *mission* отнесем следующие компоненты значения, которые встречаются 10 и более раз: *prêcher par ordre de l'église* (проповедовать по указанию церкви) (22), *locaux, où les missionnaires logent* (место, где работают миссионеры) (21), *tâche déterminée* (поставленная задача) (18), *fonction temporaire dont un gouvernement charge des agents spéciaux* (временное назначение, сделанное правительством) (17), *autorité pour s'en acquitter une tâche* (полномочия для выполнения задачи) (15), *devoir* (долг, обязанность) (14), *vocation* (предназначение) (10), *prêcher est fonctions de prêtre* (обязанность священника проповедовать) (10). К периферии можно отнести компоненты, которые встречаются менее 9 раз: *but élevé* (высокая цель) (4), *recherche*

scientifique (научное исследование) (4), personnes chargées d'accomplir des recherches à caractère scientifique (ученые ответственные за исследование) (3), action de combat (военные действия) (8).

Обратимся к изучению функционирования единицы *mission* во французской прессе. Для проведения данного исследования вручную составлялся корпус. Под лингвистическим корпусом понимается информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на некотором языке в электронной форме [НКРЯ]. Лексема *mission* встречается в корпусе 293 раза (в газете «Libération» – 138 раз, в газете «Le Figaro» – 155 раз). Был проведен отбор материала по датам военного события в период с 11.01.2013 г. по 14.07.2014 г., далее по ключевому слову «Сервал». Затем проводился контент-анализ и отбор статей посвященных операции «Сервал» на территории Мали.

Для проведения анализа применялась программа Sketch Engine. С помощью инструмента Concordance (a list of all examples of the search word or phrase found in a corpus) было определено окружение леммы *mission* (lemma is a positional attribute, it is the basic form of a word, typically the form found in dictionaries) [Sketch Engine]. Далее был применен инструмент Collocations (a collocation is a sequence or combination of words that occur together more often than would be expected by chance), для определения комбинации слов [там же]. После чего с помощью инструмента KWIC (Key Word in Context) были определены контексты. Полученные данные, включают такие показатели как совместная встречаемость словосочетаний «соoccurrences» (the total number of occurrences of the collocate within the selected left and / or right range) и общее количество словосочетаний в корпусе «candidates» (the total number of occurrences of the collocate in the whole corpus) [там же]. Для вычисления степени связности частей коллокации была применена статистическая мера MI Score (the Mutual Information score expresses the extent to which words co-occur compared to the number of times they appear separately) [там же]. Данный показатель высчитывается автоматически по следующей формуле¹:

$$\log_2 \frac{f_{AB}N}{f_A f_B}$$

С помощью программы Sketch Engine выявлено 58 единиц окружающих лексему *mission*. Среди них предлоги, союзы, артикли, притяжательные прилагательные, указательные прилагательные, относительные местоимения, вспомогательные глаголы, технические значки, которые предлагается не рассматривать. При составлении моделей глаголы être (быть) и avoir (иметь) не являются информативными без привлечения дополнительного контекста, поэтому также не будут рассмотрены в рамках данной статьи.

В ежедневной французской газете «Libération» можно выявить следующие лексемы окружающие исследуемую единицу и показатель совместной встречаемости которых более 5:

- nations (нации, государства);
- international (международный);
- MINUSMA (La mission multidimensionnelle intégrée des Nations unies pour la stabilisation au Mali) (Многопрофильная комплексная миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали);

¹N – corpus size,

fA – number of occurrences of the keyword in the whole corpus (the size of the concordance),

fB – number of occurrences of the collocate in the whole corpus,

fAB – number of occurrences of the collocate in the concordance (number of co-occurrences).

- soutien (поддержка, помощь);
- unir (объединить);
- Serval (Сервал);
- MISMA (Mission internationale de soutien au Mali sous conduite africaine) (Международная миссия под африканским руководством по поддержке Мали);
- accomplir (выполнять);
- Mali (Мали);
- français (французский);
- MISCA (Mission internationale de soutien à la Centrafrique sous conduite africaine) (Международная миссия под африканским руководством по поддержке в Центральноафриканской Республике).

Представим в таблице показатели о совместной встречаемости словосочетаний (соосцененции), количество данных сочетаний (candidates) и степени связности (MI Score).

Таблица 1. Окружение леммы mission в газете «Libération»

Rank	Word	Cooccurrences	Candidates	MI
1	nations	17	60	9.19
2	international	16	153	7.75
3	MINUSMA	12	66	8.55
4	soutien	11	120	7.56
5	unir	10	66	8.29
6	Serval	9	397	5.55
7	MISMA	9	27	9.42
8	accomplir	8	16	10.01
9	Mali	8	1.055	3.97
10	français	7	1.168	3.63
11	MISCA	5	18	9.16

С помощью программы Sketch Engine были получены контексты с исследуемыми ЛЕ и построены следующие структурно-семантические модели:

Таблица 2. Структурно-семантические модели («Libération»)

mission + ... + nations (17)	mission + international (15) international + ... + mission (1)	MINUSMA + mission (11) mission + ... + MINUSMA (1)
mission + ... + soutien (11)	mission + ... + unir (10)	mission + Serval (6) mission + de + Serval (3)
MISMA + mission (8) mission + ... + MISMA (1)	mission + ... + accomplir (5) mission + accomplir (2) accomplir + ... + mission (1)	mission + ... + Mali (6) Mali + ... + mission (2)
français + ... + mission (4) mission + ... + français (2) mission + français (1)	MISCA + mission (5)	

После проведенного анализа, видится необходимым объединение некоторых моделей, так как они в целом репрезентируют название организации, представленное в виде аббревиатуры. Рассмотрим первое объединение, которое относится к аббревиатуре MINUSMA (La mission multidimensionnelle intégrée des Nations unies pour la stabilisation au

Mali) (Многопрофильная комплексная миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали): MINUSMA + mission (11), mission + ... + nations (17), mission + ... + unir (10). Приведем пример:

*Mais la France a aussi décidé de participer directement à la force onusienne, la **Minusma (Mission des Nations unies de stabilisation du Mali)**, à hauteur de 150 hommes répartis au sein de l'état-major et de détachements de liaison auprès des contingents africains (6500 hommes aujourd'hui) (Но Франция решила принять непосредственное участие в силах ООН, МИНУСМА (Многопрофильная комплексная миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали), в количестве 150 человек в штабе и подразделениях связи с африканскими войсками (6500 человек по состоянию на сегодня) [Libération].*

Следующее объединение, которое видится необходимым сделать, относится к аббревиатуре MISMA (Mission internationale de soutien au Mali sous conduite africaine) (Международная миссия под африканским руководством по поддержке Мали): MISMA + mission (8), mission + international (15), mission + ... + soutien (11), mission + ... + Mali (6). Приведем пример:

*Pour ne pas s'exposer aux critiques sur l'éternel «retour de la Françafrique», pour l'instant encore timides, la France fait tout ce qu'elle peut pour accélérer le déploiement des contingents africains prévus au sein de la **Misma (Mission internationale de soutien au Mali)** (Чтобы не подвергать себя критике о вечном «возвращении к Франсафрик (опеке над своими бывшими колониями)», на данный момент все еще аккуратно, Франция делает все возможное для ускорения развертывания африканских войск членами АФИСМА (Международная миссия под африканским руководством по поддержке Мали) [Libération].*

К данной группе также можно отнести аббревиатуру MISCA (Mission internationale de soutien à la Centrafrique sous conduite africaine) (Международная миссия под африканским руководством по поддержке в Центральноафриканской Республике), представленную моделью MISCA + mission (5). Пример:

*Soutenue financièrement par Bruxelles, l'Union africaine a promis de tripler les effectifs de la **Misca (Mission de soutien à la Centrafrique)**, mais sans fournir de calendrier précis (При финансовой поддержке Брюсселя, Африканский союз обещал утроить численность состава АФИСМЦАР (Международная миссия под африканским руководством по поддержке в Центральноафриканской Республике) [Libération].*

Рассмотрим оставшиеся модели, которые включают такие компоненты как название операции Serval (Сервал), глагол accomplir (выполнить), а также прилагательное français (французский, -ая). Приведем пример для каждой модели. Пример для модели mission + Serval (6):

*Quelque 1 700 militaires français participent à la **mission Serval** lancée le 11 janvier 2013 pour stopper la progression des islamistes armés et soutenir les troupes maliennes (Около 1700 французских военных принимают участие в миссии Сервал начавшейся 11 января 2013, чтобы остановить продвижение вооруженных исламистов и оказать поддержку малийским войскам) [Libération].*

С прилагательным français (французский, -ая), было зафиксировано две модели français + ... + mission, которая встречается 4 раза и модель mission + ... + français, встречается два раза. Приведем пример:

*S'exprimant devant les soldats **français** de la mission **Serval**, le chef de l'Etat a dit: «Les Français sont fiers de vous partout... (Выступая перед французскими солдатами участвующими в миссии Сервал, глава государства сказал: «Французы гордятся вами ...») [Libération].*

Последняя модель mission + ... + accomplir, встречается лишь 2 раза. Приведем пример: «La **mission** de Serval parfaitement **accomplie**» (Миссия Сервала полностью выполнена) [Libération].

Полученную информацию можно представить в виде структурно-семантической схемы:

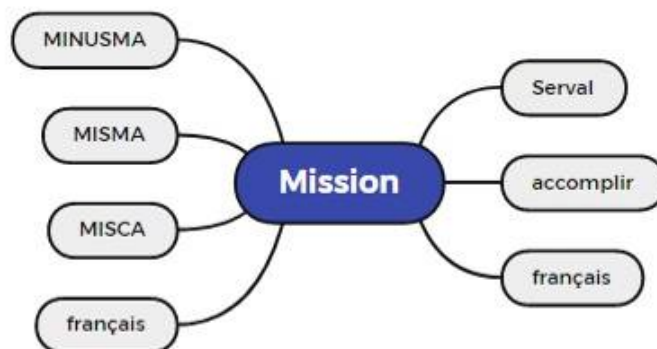

Рис. 1. Структурно-семантическая схема ЛЕ mission («Libération»)

Перейдем к рассмотрению моделей в следующей газете «Le Figaro». С помощью программы Sketch Engine выявлено 69 единиц окружающих лексему *mission*. При составлении моделей глаголы être (быть) и avoir (иметь) не являются информативными без привлечения дополнительного контекста, поэтому также не будут рассмотрены в рамках данной статьи.

В ежедневной французской газете «Le Figaro» можно выявить следующие лексемы окружающие исследуемую единицу и показатель совместной встречаемости которых более 5:

- Mali (Мали);
- international (международный);
- nations (нации, государства);
- soutien (поддержка, помощь);
- unir (объединить);
- accomplir (выполнять);
- MISMA (Mission internationale de soutien au Mali sous conduite africaine) (Международная миссия под африканским руководством по поддержке Мали);
- français (французский);
- Serval (Сервал);
- premier (первый, главный);
- MINUSMA (La mission multidimensionnelle intégrée des Nations unies pour la stabilisation au Mali) (Многопрофильная комплексная миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали);
- soldat (солдат);
- effectuer (проводить, осуществлять);
- ONU (Organisation des Nations unies) (Организация Объединенных Наций);
- armée (армия, вооруженный);
- africain (африканец, африканский).

Представим в таблице показатели о совместной встречаемости словосочетаний (соосcurrences), количество данных сочетаний (candidates) и степени связности (MI Score).

Таблица 3. Окружение леммы mission в газете «Le Figaro»

Rank	Word	Cooccurrences	Candidates	MI
1	Mali	21	1.018	4.91
2	international	18	147	7.48
3	nations	11	56	8.16
4	soutien	10	106	7.10
5	unir	10	67	7.76
6	accomplir	9	18	9.51
7	MISMA	9	43	8.25
8	français	8	1216	3.26
9	Serval	7	368	4.79
10	premier	7	280	5.18
11	MINUSMA	7	40	7.99
12	soldat	7	307	5.05
13	effectuer	6	18	8.92
14	ONU	5	100	6.18
15	armée	5	444	4.03
16	onusien	5	21	8.44
17	africain	5	167	5.44

С помощью программы Sketch Engine были получены контексты с исследуемыми ЛЕ и построены следующие структурно-семантические модели:

Таблица 4. Структурно-семантические модели («Le Figaro»)

mission + ... + Mali (18) Mali + ... + mission (3)	mission + international (18)	mission + ... + nations (11)
mission + ... + soutien (10)	mission + ... + unir (10)	accomplir + ... + mission (5) mission + ... + accomplir (3) mission + accomplir (1)
MISMA + mission (9)	français + ... + mission (5) mission + ... + française (2) mission + française (1)	mission + Serval (7)
première + mission (6) mission + ... + première (1)	MINUSMA + mission (7)	soldat + ... + mission (5) mission + soldat (2)
effectuer + ... + mission (5) mission + ... + effectuer (1)	mission + ... + ONU (5)	mission + ... + armée (4) armée + ... + mission (1)
mission + onusienne (3) onusien + ... + mission (2)	mission + ... + africaine (3) africain + ... + mission (2)	

Как и прежде необходимо выполнить объединение некоторых моделей, так как они в целом репрезентируют название организации, представленное в виде аббревиатуры. Рассмотрим первое объединение, которое относится к аббревиатуре MISMA (Mission internationale de soutien au Mali sous conduite africaine) (Международная миссия под африканским руководством по поддержке Мали): MISMA + mission (9), mission + international (18), mission + ... + soutien (10), mission + ... + Mali (9), mission + ... + africaine (3). Приведем пример:

La France va "apporter un soutien logistique au contingent de la Misma (Mission internationale de soutien au Mali) en cours de déploiement (...) de l'ordre de 40 millions d'euros",

a déclaré Laurent Fabius (Франция будет "оказывать материально-техническую поддержку развернутую в настоящее время контингентом Мисма (Международная миссия поддержки в Мали) (...) порядка 40 миллионов евро", заявил Лоран Фабиус) [Le Figaro].

Следующее объединение, которое видится необходимым сделать, относится к аббревиатуре MINUSMA (La mission multidimensionnelle intégrée des Nations unies pour la stabilisation au Mali) (Многопрофильная комплексная миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали): MINUSMA + mission (7), mission + ... + nations (11), mission + ... + unir (10), mission + ... + Mali (7). Приведем пример:

*Ce sont les troupes onusiennes de la **Minusma (Mission des Nations unies au Mali)** et la force française Serval qui sont chargées de la sécurisation du vote (Войска ООН в МИНУСМА (Миссия ООН в Мали) и французские силы Сервал отвечают за обеспечение безопасности голосования) [Le Figaro].*

Приведем примеры для остальных моделей. Пример для глагола accomplir, с которым было зафиксировано три модели accomplir + ... + mission (5), mission + ... + accomplir (3), mission + accomplir (1):

*La France a-t-elle **accompli sa mission** au Mali? (Выполнила ли Франция свою миссию в Мали?) [Le Figaro].*

Как и в газете «Libération» в газете «Le Figaro» мы встречаем прилагательное français (французский, -ая), с которым были построены следующие модели français + ... + mission (5), mission + ... + française (2), mission + française (1).

*Sa montée en puissance sera accompagnée «le temps qu'il faudra», ont promis les responsables **français**, par la **mission** des Nations unies et par les forces françaises de l'opération Serval (Приход к власти (прим. малийской армии) будет сопровождаться «столько, сколько потребуется» миссией ООН и французскими войсками в рамках операции Сервал, обещали французские чиновники [Le Figaro].*

В двух газетах встречаем модель mission + Serval (7):

*Les pilotes qui participent au dispositif aérien français de la **mission «Serval»** assurent n'avoir constaté aucun dommage collatéral (Пилоты, которые принимали участие в воздушной французской миссии «Сервал» гарантируют отсутствие ущерба) [Le Figaro].*

В газете «Le Figaro» встречаем прилагательное premier (первый, главный), с данной лексемой было построено 2 модели première + mission (6) и mission + ... + première (1):

*Sa «**première mission** sera de rétablir l'ordre», a dit le chef de l'État... (Его «первой миссией будет восстановление порядка» сказал глава государства...) [Le Figaro].*

Следующая модель soldat + ... + mission (5), приведем пример:

*Un **soldat** français en **mission** au Niger a été mortellement blessé jeudi par "un tir accidentel" ... (В четверг французский военнослужащий, выполнявший миссию в Нигере, был смертельно ранен ...) [Le Figaro].*

С лексемой ONU (ООН) была построена одна модель mission + ... + ONU (5):

*A Gao, le ministre français doit rencontrer ces hommes de l'opération Serval, ainsi que des soldats africains de la **mission** de l'ONU au Mali, la Minusma (В Гао французский министр должен встретиться с участниками операции Сервал, а также с африканскими солдатами миссии ООН в Мали, МИНУСМА) [Le Figaro].*

Последняя модель mission + ... + armée (4), armée + ... + mission (1). Приведем пример:

*Mais le nouveau document a conservé les trois grandes **missions** des **armées** françaises: protection du territoire, dissuasion et opérations à l'extérieur (Но в новом документе сохранены три основные миссии французской армии: защита территории, политика сдерживания и проведение операции за пределами государства) [Le Figaro].*

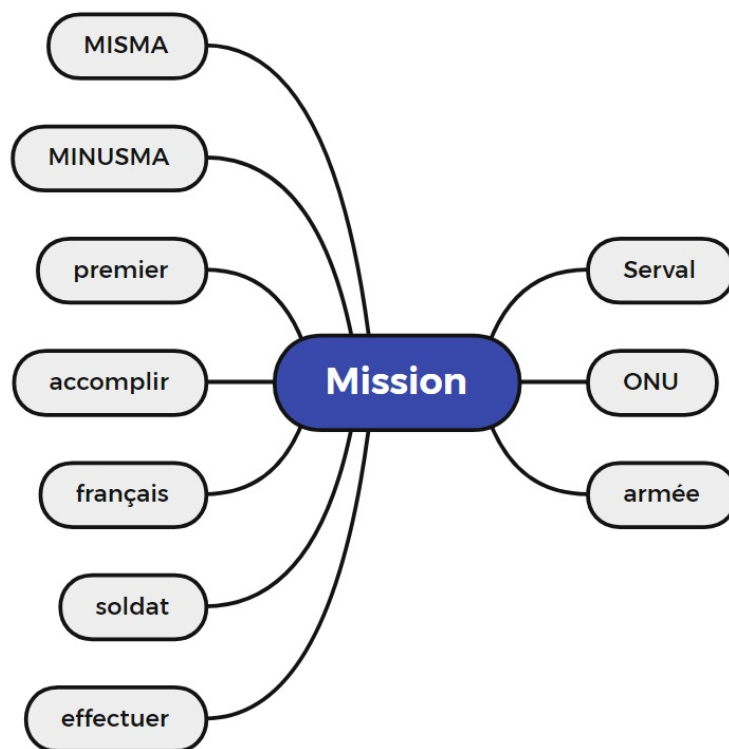

Рис. 2. Структурно-семантическая схема ЛЕ mission («Le Figaro»)

Заключение

В газете «Le Figaro» выявлено больше единиц окружающих лексему *mission*. Однако необходимо отметить, что больше половины единиц совпадают в двух газетах. Данное исследование позволяет выявить семантическую структуру изучаемой лексики, построить семантические модели и обобщить в структурно-семантическую схему лексической единицы *mission*.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL.: <http://tapemark.narod.ru/les/233d.html> (дата обращения: 16.10.2021).
2. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 16.10.2021).
3. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Изд-во «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», 2007. 819 с.
4. Попова Д.С., Стернин И.А. Общее языкознание. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 408 с.
5. Alain R. Le Robert dictionnaire historique de la langue française. Tome 2. Editions Le Robert. 1998.
6. Bloch O. Dictionnaire étymologique de la langue française. Septième édition. Presses Universitaires De France. 1988.
7. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/2013/07/26/01003-20130726ARTFIG00471-dimanche-les-maliens-jouent-leur-avenir-a-la-presidentielle.php> (дата обращения: 31.10.2021).
8. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/mon-figaro/2013/04/28/10001-20130428ARTFIG00144-la-france-a-t-elle-accompli-sa-mission-au-mali.php> (дата обращения: 31.10.2021).
9. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/2013/07/12/01002-20130712ARTFIG00550-defile-du-14-juillet-un-detachement-de-l-armee-malienne-a-l-honneur.php> (дата обращения: 31.10.2021).

10. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/2013/02/10/01003-20130210ARTFIG00164-les-pilotes-francais-assurent-mener-des-raids-chirurgicaux.php> (дата обращения: 31.10.2021).
11. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/2013/09/25/01003-20130925ARTFIG00554-l-onu-au-chevet-de-la-centrafrique.php> (дата обращения: 31.10.2021).
12. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/2013/12/27/97001-20131227FILWWW00239-niger-mort-accidentelle-d-un-soldat-francais.php> (дата обращения: 31.10.2021).
13. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/2013/12/31/97001-20131231FILWWW00238-mali-arrivee-de-jean-yves-le-drian-a-gao.php> (дата обращения: 31.10.2021).
14. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/2013/04/29/01003-20130429ARTFIG00549-l-armee-francaise-au-regime-de-rigueur.php> (дата обращения: 31.10.2021).
15. Le Figaro. URL: <http://premium.lefigaro.fr/flash-actu/2013/01/29/97001-20130129FILWWW00365-mali-une-aide-logistique-a-47-me.php> (дата обращения: 31.10.2021).
16. Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/04/10/mali-un-premier-retrait-sur-la-pointe-des-pieds_895263 (дата обращения: 31.10.2021).
17. Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/01/14/quelle-strategie-face-a-un-ennemi-insaisissable_874045 (дата обращения: 31.10.2021).
18. Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/12/10/sangaris-operation-difficile-au-coeur-de-tensions-communautaires_965599 (дата обращения: 31.10.2021).
19. Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2014/07/15/un-soldat-francais-tue-au-mali_1064005 (дата обращения: 31.10.2021).
20. Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/09/20/hollande-pret-a-une-livraison-controlee-d-armes-aux-rebelles-syriens_933337 (дата обращения: 31.10.2021).
21. Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2014/07/15/au-mali-la-lutte-antiterroriste-ne-fait-que-commencer_1064101 (дата обращения: 31.10.2021).
22. Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu> (дата обращения: 31.10.2021).

Информация об авторе

Е.М. Химинец – старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

*E.M. Khiminets – Senior Lecturer,
Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.*

Статья поступила в редакцию 12.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 04.10.2021.

The article was submitted 12.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 04.10.2021.

Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 48–55.

Eurasian humanitarian journal. 2021. No. 4. P. 48-55.

Научная статья

УДК 81-26'06.053. 56

ПРОБЛЕМА МАНИПУЛЯТИВНОГО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СИТУАЦИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Наталья Владимировна Хорошева¹, Анастасия Дмитриевна Банникова²

^{1,2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹romanphyl@gmail.com

²anastasiia.bannikova98@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу перевода дипломатического дискурса с позиций возможного манипулятивного воздействия на реципиента. Материалом исследования стала запись синхронного перевода президентов В.В. Путина и Э. Макрона в ходе совместной пресс-конференции 2019 г. на французский и русский языки соответственно. Критика перевода имела широкий общественный резонанс, в связи с чем авторы ставят целью исследовать степень манипулятивности действий переводчиков. Анализ показал, что в ряде случаев переводчики прибегают к различным манипулятивным стратегиям и приемам: опускают важную информацию, либо, напротив, разворачивают структуры, используют перифразы и эвфемизмы, меняют модальность высказывания, нейтрализуют острые оценочные высказывания. При этом речевая манипуляция в дипломатическом переводе не всегда может иметь негативный характер, если результат отвечает интересам обеих сторон переговоров. Авторы приходят к выводу: если осознанная манипуляция в сфере дипломатии чаще всего призвана защищать и укреплять имидж государства и его интересы, то неосознанная манипуляция может объясняться психологическими особенностями личности переводчика и иметь обратные последствия. В любом случае переводчик – это полноценная дискурсивная личность, оказывающая определенное прагматическое воздействие на реципиента, разница лишь в том, насколько сознательным или бессознательным является это воздействие.

Ключевые слова: синхронный перевод, дипломатический дискурс, речевая манипуляция, переводческая стратегия, переводческие приемы

Для цитирования: Хорошева Н.В., Банникова А.Д. Проблема манипулятивного речевого воздействия в ситуации синхронного перевода дипломатического дискурса // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 48–55.

Original article

THE PROBLEM OF MANIPULATIVE SPEECH IMPACT IN THE SITUATION OF SYNCHRONOUS TRANSLATION OF A DIPLOMATIC DISCOURSE

Natalia V. Khorosheva¹, Anastasia D. Bannikova²

^{1,2}Perm State University, Perm, Russia

¹romanphyl@gmail.com

²anastasiia.bannikova98@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the translation of diplomatic discourse from the standpoint of possible manipulative influence on the recipient. The research material was a recording of simultaneous translation of Presidents Vladimir Putin and E. Macron during a joint press conference in 2019 into French and Russian, respectively. The criticism of the translation had a wide public response, in connection with which the authors aim to investigate the degree of manipulateness of the translators' actions. The analysis showed that in some cases translators resort to various manipulative strategies and techniques: omit important information, or, on the contrary, expand structures, use periphrases and euphemisms, change the modality of utterance, neutralize acute evaluative statements. At the same time, speech manipulation in diplomatic translation may not always have a negative character if the result meets the interests of both sides of the negotiations. The authors come to the conclusion: if conscious manipulation in the field of diplomacy is most often designed to protect and strengthen the image of the state and its interests, then unconscious manipulation can be explained by the psychological characteristics of the translator's personality and have the opposite consequences. In any case, the translator is a full-fledged discursive person who exerts a certain pragmatic influence on the recipient, the only difference is how conscious or unconscious this influence is.

Keywords: simultaneous translation, diplomatic discourse, speech manipulation, translation strategy, translation techniques

For citation: Khorosheva N.V., Bannikova A.D. The problem of manipulative speech impact in the situation of synchronous translation of a diplomatic discourse. Eurasian humanitarian journal. 2021;4:48-55. (In Russ.).

Введение

Дипломатический дискурс – один из видов институционального дискурса, «устойчивая система статусно-ролевых отношений, которые существуют в коммуникативном пространстве дипломатического института» [Кожетева 2012: 255]. С позиций дипломатического права под институтом дипломатии, определяющим характеристики дипломатического дискурса, понимается «совокупность норм, направленных на регламентацию внешних отношений государств, форм их представительства за границей, вопросов дипломатического этикета, подготовки и создания дипломатических актов» [Соловьев 2005: 5].

По мнению Т.А. Волковой, среди институциональных характеристик дипломатического дискурса можно выделить «стремление к сотрудничеству, интеграции, многосторонний, многовекторный характер взаимодействия и широкое информационное влияние» [Волкова 2007: 17].

Поскольку в большинстве случаев приходится констатировать «наложение характеристик разных видов дискурса в одном тексте» [Шейгал 2000: 24], дипломатический дискурс, помимо черт институционального дискурса, содержит признаки политического дискурса. Если говорить про связь политики и дипломатии, то её проявление можно проследить через особое использование языка, который в обеих сферах служит «потаянным источником власти» [Ажеж 2006: 192], что позволяет участникам коммуникации с его помощью оказывать непосредственное воздействие на ход событий.

«С помощью языка создается особое, востребованное государством и определенными политическими силами видение этих отношений как в сознании партнеров по переговорам, так и в общественном сознании» [Терентий 2010].

В связи с этим ответственность переводчика, обеспечивающего речевое взаимодействие в сфере международной дипломатии, невероятно велика. В данной сфере коммуникации встаёт вопрос не только о качестве перевода и необходимости минимизировать вероятность переводческих ошибок, но и о переводческой этике и особенном статусе переводчика в сфере дипломатии, в том числе вопрос о возможности переводческих речевых манипуляций с целью поддержания имиджа государства, что стало предметом нашего исследования.

Основная часть

Материалом исследования послужила видеозапись встречи и пресс-конференции президентов В.В. Путина и Э. Макрона 19 августа 2019 г. в г. Брегансон (Франция) общей продолжительностью 45 минут 52 секунды. Выбор материала обусловлен важностью личных встреч президентов России и Франции для поддержания двухсторонних отношений между странами. Материалы, анализируемые нами, представляют собой вступительные речи политиков и ответы на вопросы прессы. Во время встречи в Брегансоне речь французского президента переводил на русский язык переводчик французской стороны, а речь В.В. Путина переводили на французский язык переводчики МИД РФ.

Немаловажным фактором при выборе материала для данного исследования явилась не только важность обсуждаемых событий, но также широкое обсуждение данных событий в средствах массовой информации и критика перевода пресс-конференции, получившая широкий общественный резонанс.

В последнее время в контексте современной психолингвистической парадигмы перевода учёные отходят от понимания роли переводчика как инструмента перекодирования текста одного языка на другой и приходят к тому, что переводчик – это полноценная дискурсивная личность, оказывающая определенное прагматическое воздействие на адресата, разница лишь в том, насколько сознательным или бессознательным является это воздействие.

Проблема речевой манипуляции в переводе разрабатывалась, в частности, представителями манипулятивной школы (Manipulation School of translation studies), одним из основателей которой был французский философ Андре Лефевр. По их мнению, перевод в любом случае подразумевает некоторую степень манипуляции, ведь переводчик манипулирует исходным текстом с целью оказать воздействие на реципиента [Климович 2016: 245].

В связи с этим в переводе могут проявляться два вида манипуляции. На первый вид влияют идеологические, политические, социальные, экономические и культурные факторы. Подобные манипуляции могут быть определены как сознательные. Второй вид является следствием невысокого профессионального уровня переводчика, его незнания или даже неспособности правильно и полностью воспринять и декодировать информацию оригинала. Такие манипуляции могут быть определены как бессознательные, возникающие под сильным воздействием психологических факторов [Kramina 2004: 37–38].

Понимание манипуляции как социально-психологического феномена, нацеленного на изменение восприятия или поведения других людей, позволяет рассматривать данный феномен в предметном поле перевода как вид психологического, социального воздействия, которое реализуется скрытно и ставит своей задачей установить контроль над поведением адресата информации, лишить объект воздействия свободы выбора через изменение его представлений. Манипуляция в переводе, несомненно, интересна тем, что в большинстве случаев реципиенты не осознают, что они подвергаются воздействию.

Более того, следует понимать, что перевод как вторичный текст по отношению к оригиналу является первичным текстом в восприятии реципиента перевода, поэтому нельзя недооценивать влияние переводчика на процесс перевода. Вопрос о соотношении сознательности или бессознательности при переводе и речевом манипулировании переводчика остаётся открытым, и его рассмотрение требует особой степени деликатности.

Ещё М.М. Бахтин обращал внимание на ситуативность любого высказывания, его прямую зависимость от той коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. Для того, чтобы полностью актуализировать смысл высказывания в целостности его вербального и невербального контекстов, необходимо соблюдать три условия, определяющие именно невербальный контекст, то есть те ассоциации и интенции, которые действительно вкладываются в высказывание:

- 1) общий для говорящих пространственный кругозор (единство видимого);
- 2) общие для обоих знания и понимания положения;
- 3) общие для них оценки этого положения, то есть совпадение взглядов и оценки текущей ситуации как одно из условий взаимодействия [Бахтин 1979: 250].

В ситуации политического дискурса именно совпадение или расхождение взглядов на текущие события играют решающую роль и могут стать полем для манипуляций как со стороны самого говорящего, так и переводчика. Переводчик, стремясь произвести текст, приемлемый для общества языка перевода, вынужден учитывать различные ограничения, обусловленные политическими и идеологическими структурами в данном обществе [Shuttleworth 1997: 37].

Способом реализации манипуляций могут послужить манипулятивные переводческие стратегии. В типологии Н.В.Климович выделяются следующие манипулятивные стратегии: стратегия «опущения», стратегия «замещения», стратегия «антонимичного перевода» [Климович 2016: 547].

Согласно этическому кодексу переводчиков, в ситуациях международных контактов на высоком уровне переводчик оказывается лицом, облеченным также и дипломатическими полномочиями. Если эти дипломатические полномочия за переводчиком признаны, он имеет право погрешить против точности исходного текста, выполняя функцию вспомогательного лица в поддержке дипломатических отношений, препятствуя их осложнению, но не обязан при этом защищать интересы какой-либо одной стороны. Особый статус дипломатического переводчика ещё больше подчёркивает возможность манипулятивного воздействия с его стороны.

С данных позиций переводчик будет находиться в контексте господствующей идеологии и социально-экономических условий. Целью использования политической идеологии может быть «внедрение в сознание массового адресата собственных критериев оценки прошлого, настоящего и будущего, а также создание позитивного образа в глазах общественного мнения, предлагаемых ею целей и задач политического развития» [Камовникова 2016: 268].

Манипуляции в процессе синхронного перевода чаще всего будут проявляться в ситуации публичных выступлений при переводе стороны-представителя «не своего» государства с целью укрепления имиджа «своего» государства. При этом подходить к анализу подобных примеров необходимо с четким пониманием деликатности ситуации и сложности разграничения сознательных и бессознательных манипуляций, фоновых экстралингвистических знаний о природе коммуникативной ситуации и политической обстановки.

Обратимся к материалу встречи президентов Российской Федерации и Французской Республики В.В. Путина и Э. Макрона в городе Брегансон (Франция) 19 августа 2019 г.

Кульминационным моментом встречи президентов России и Франции стало обсуждение темы протестных демонстраций в обеих странах в 2019 г., так как отношение к подобным выступлениям в двух государствах заметно различалось. Именно с этой темой было связано большинство критических высказываний по поводу качества перевода.

Рассмотрим следующий пример (приводятся транскрипты исходного текста (ИТ) речи Э. Макрона и синхронного перевода (ПТ)):

ИТ: *C'est le corrélat de la liberté de manifester. Et en France, je le dis aussi ici clairement, c'est pour ça que comparaison ne vaut pas raison, ceux qui ont manifesté se sont présentés librement aux élections. Les gilets jaunes ont été aux élections européennes. Ils iront aux municipales, et c'est très bien comme ça. Je souhaite qu'ils s'expriment librement, aux élections. Parce que ça réduit la conflictualité.*

ПТ: *Но вы знаете, что все эти люди, которые захотели выставить свои кандидатуры в ходе европейской избирательной кампании, смогли бы представить свою кандидатуру, смогли это сделать свободно, без каких бы то ни было преград. Конечно, всё это возможно, но нельзя смириться с тем, чтобы эти люди нарушали общественный порядок, потому что в таком случае они нарушают права других граждан.*

Прежде всего, Э. Макрон характеризует протестные выступления как *le corrélat de la liberté* – коррелят свободы, отражение одной из трёх базовых ценностей и основного принципа Французской Республики. В переводе данный момент опускается и никак не эксплицируется.

Другой момент, который комментировался в СМИ, – перевод данного отрывка: *«ceux qui ont manifesté se sont présentés librement aux élections»* как *«все эти люди, которые захотели выставить свои кандидатуры в ходе европейской избирательной кампании, смогли бы представить свою кандидатуру, смогли это сделать свободно, без каких бы то ни было преград»*. В данном варианте перевода, как и в ряде других случаев, опускается слово «выборы». Данная лексическая единица заменяется перифразами *«выставлять кандидатуру в ходе избирательной кампании»*, *«представлять кандидатуру»*. Более того, меняется модальность высказывания. Если Э. Макрон говорит о свершившемся факте – «жёлтые жилеты» представлены на выборах, то в переводе появляется эвентуальность высказывания: *«смогли бы представить кандидатуру»*.

Исходя из структуры исходной фразы, прямого порядка слов, её лексического и грамматического состава, не включающих сложных модальных отношений, мы понимаем, что фраза *«ceux qui ont manifesté se sont présentés librement aux élections»* не должна была представлять трудности для дипломатического переводчика столь высокого уровня. Тем не менее, в русском языке, несмотря на обязательную компрессию в синхронном переводе, переводчик не редуцирует данный отрывок, а, напротив, разворачивает его, наполняет многословными эвфемизмами и меняет модальность высказывания так, что уже имеющийся, свершившийся факт приобретает вид лишь потенциальной возможности.

По всей видимости, данный пример представляет собой случай осознанной манипуляции. Более того, при публикации официальной стенограммы данной встречи на сайте Кремля перевод был ещё видоизменен: в стенограмме содержалась информация о том, что, по словам французского президента, баллотироваться во время европейской кампании «жёлтые жилеты» не смогли.

На наш взгляд, здесь наблюдается использование манипулятивной стратегии антонимического перевода. Данная «ошибка» стенограммы была очень скоро замечена как русскоязычными, так и зарубежными СМИ, и после общественного резонанса эту ошибку исправили в русской и английской версиях на сайте Кремля. Спустя ещё некоторое время ее изъяли из Интернет-пространства или ограничили доступ к материалам, скриншотам и фрагментам пресловутой стенограммы.

Следующий пример представляет ответную реплику В.В. Путина на слова Э. Макрона о выступлениях «жёлтых жилетов». Российский лидер приводит данные о количестве жертв данных протестов и таким образом обосновывает более жесткое, чем во Франции, отношение к таким событиям:

ИТ: *Мы все знаем события, связанные с так называемыми желтыми жилетами, в ходе которых, как нам кажется, по нашим подсчётам, погибло 11 человек, 2500 – получили ранения, 2000 полицейских в том числе. Мы бы не хотели, чтобы подобные события происходили в российской столице, и будем делать всё для того, чтобы наша внутривнутриполитическая ситуация развивалась строго в рамках действующего закона.*

ПТ: *Vous savez tous que pendant les manifés des gilets jaunes, il y avait plusieurs dizaines de personnes qui avaient été blessées, il y avait aussi des policiers qui avaient été blessés. Et on ne veut pas du tout que des... des événements pareils se passent dans la capitale russe, mais on respectera toujours la loi.*

«Тысячи раненых» в оригинале превращаются в «десятки» в переводе. Более того, если В.В. Путин, приводя конкретные данные, делает на них акцент, выделяет их интонационно, переводчик игнорирует это и переводит так, что создаётся практически обратный эффект – нет ни слова о погибших, число раненых уменьшено в сотню раз. Тем не менее, в отличие от предыдущего примера, здесь встаёт вопрос, манипуляция ли это в смысле средства продвижения определенной политической идеологии.

По имеющимся данным российской пресс-службы Би-Би-Си, перевод на французский язык с русского осуществляла переводчица МИД РФ. Мы понимаем, что она представитель своего государства и его идеологии, но перевод будто бы говорит об обратном, потому что интенции президента в переводе нейтрализованы. Тем более, что в конце ответа В.В. Путин однозначно говорит: *«мы будем делать всё для того, чтобы наша внутривнутриполитическая ситуация развивалась строго в рамках действующего закона»*. В переводе же появляется: *«Et on ne veut pas du tout que des... des événements pareils se passent dans la capitale russe, mais on respectera toujours la loi.»*. В переводе стирается вся категоричность и однозначность заявления президента, появляется ненужное противление *mais*. Таким образом, мы можем констатировать явление бессознательной манипуляции.

Как средство влияния и идеологического продвижения манипуляция в переводе может восприниматься как явление сугубо отрицательные. Рассмотрим вопрос французского журналиста в ходе пресс-конференции и синхронный перевод:

ИТ: *Et M. le président Macron, depuis votre arrivée au pouvoir, vous avez renforcé la relation avec la Russie. Alors même pourtant que le président Poutine se pose plus que jamais en adversaire, en concurrent, des démocraties libérales, qu'il juge dépassées. Il soutient toujours autant les séparatistes dans le Donbass, où le conflit s'enlise. L'aviation russe, alliée de Damas, bombarde la région d'Idleb en Syrie, là justement où la France souhaite que le conflit cesse, et Moscou ne semble guère peser sur l'Iran pour qu'il respecte ses obligations du JCPOA. Alors, quel avantage la France et l'Europe ont-ils retiré de votre position?*

ПТ: *Господин Макрон, Вы сближаетесь с Россией господина Путина, в то время как господин Путин не разделяет ваши чаяния по поводу либеральной демократии, в то время как на востоке Украины кризисная ситуация становится всё более глубокой, в то время как существует настоящая гуманитарная катастрофа в Идлибе. Итак, что же может для себя вынести Франция из этого?*

Мы видим, что здесь прослеживается негативное отношение к действиям России. Россия представлена оппонентом, страной, не разделяющей либерально-демократические ценности. Более того, журналист напрямую противопоставляет Россию и Францию в их действиях по отношению к ситуации в Идлибе. Понимая нацеленность дипломатического дискурса на установление мира и сотрудничества в области международных отношений, полный перевод данного вопроса журналиста, с передачей всех оттенков оценочности, мог бы поставить участников встречи – президентов – в очень непростое положение.

Реакция Э. Макрона на вопрос журналиста была максимально дипломатичной, и, прежде чем отвечать, он подчеркнул стремление к налаживанию дружественной коммуникации с Россией. Поскольку дипломатический переводчик обладает особым статусом, и его цель – установление успешной межгосударственной коммуникации, в случаях, как в примере выше, он имеет право опустить часть негативного содержания

вопроса, тем более, когда такое отношение исходит не от участника переговоров, а от представителя прессы и дискредитирует лидеров. Переводчик нейтрализует большую часть негативной оценочности, и в данной ситуации это работает не только в интересах его государства, но и французской стороны.

Пример перевода вопроса прессы, который мы рассмотрим ниже, также содержит, по нашему мнению, некоторые элементы манипуляции:

ИТ: *Господин Макрон, Вы сейчас сказали, что в ходе этого саммита можете согласовать условия проведения саммита уже в «нормандском формате» встречи четырёх лидеров. При этом Вы, Владимир Владимирович, не раз говорили о том, что для проведения такого саммита нужны необходимые предпосылки.*

ПТ: *M. Macron, vous venez de dire que lors de ce sommet, il est possible que vous pourrez négocier des conditions du sommet en format Normandie, donc une rencontre des quatre leaders. Mais il a été dit plusieurs fois que pour organiser un sommet de ce genre, il faut avoir des conditions.*

Обращаясь к В.В. Путину, журналист отмечает: «*Вы не раз говорили...*», отсылая к прошлым высказываниям президента. В переводе же эта часть вопроса была полностью деперсонализирована, и комментарий президента по поводу условий организации встречи приобрел неопределенно-личную форму (*не раз говорилось...*). В целом, как показывают наши наблюдения, использование речевых манипуляций может быть как сознательным, так и бессознательным, поэтому изучение данного вопроса исключает возможность категоричной оценки действий переводчика и может рассматриваться на уровне выделения некоторых закономерностей, при этом источники возникновения манипуляций определяются комплексом факторов: политических, дипломатических, психологических.

Заключение

В ситуации синхронного перевода дипломатического дискурса помимо осуществления перевода с задействованием всех когнитивных механизмов, переводчику необходимо соотносить перевод с существующей государственной идеологией и в некоторых случаях адаптировать его, порой вопреки специфике того типа перевода, который переводчик реализует. Речевая манипуляция в дипломатическом дискурсе не всегда может иметь негативный характер, если результат данной манипуляции в переводе отвечает интересам обеих сторон переговоров. Как осознанные, так и не осознанные манипуляции влияют на качество перевода, но если осознанная манипуляция в сфере дипломатии чаще всего призвана защищать и укреплять имидж государства и его интересов, то неосознанная манипуляция связана с психологическими особенностями личности переводчика и может иметь обратные последствия.

Как речевые манипуляции в переводе, так и переводческие ошибки приводят к искажениям в тексте перевода по отношению к смыслу и содержанию оригинала. Разница в том, что лежит в их основании: осознанная речевая манипуляция – тот шаг, на который переводчик идёт намеренно, понимая, в связи с чем он это делает и как видоизменять текст в соответствии в теми интересами, которые он преследует. Бессознательная речевая манипуляция же чаще всего – результат некомпетентности или неуверенности переводчика. И то, и другое ведет к искажению оригинала и переводческим ошибкам, но отождествлять эти понятия, на наш взгляд, не следует.

Список литературы

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / пер. с фр. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2006. 304 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.

3. Волкова Т.А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: дис. ... к. филол. н. Челябинск, 2007. 231 с.
4. Камовникова Н.Е. Перевод как инструмент манипуляции общественным мнением в условиях политических ограничений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 2. С. 267–271.
5. Климович Н.В. Manipulative strategies in the translations of literary texts carried out in the Soviet Union. [Электронный ресурс] // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulative-strategies-in-the-translations-of-literary-texts-carried-out-in-the-soviet-union> (дата обращения: 06.06.2021).
6. Кожетева А.С. Языковая объективация адресанта и адресата в дипломатическом дискурсе. [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-obektivatsiya-adresanta-i-adresata-v-diplomaticheskom-diskurse> (дата обращения 24.05.2021).
7. Соловьев Э.Я. Основы дипломатического права: учеб. пособие. М.: Ось-89, 2005. 143 с.
8. Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации. [Электронный ресурс] // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskii-diskurs-kak-osobaya-forma-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 27.04.2021).
9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Волгоград: Перемена, 2000. 440 с.
10. Kramina A. Translation as Manipulation: Causes and Consequences, Opinions and Attitudes // Studies about languages. 2004. №6. P. 37–41.
11. Shuttleworth M., Cowie M. Dictionary of Translation Studies. St Jerome Publishing. Manchester, UK, 1997. 233 p.

Источники

12. <http://kremlin.ru/events/president/news/61336> (видео и транскрипт встречи на русском языке) (дата обращения: 01.04.2020).
13. <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/20/declaration-de-presse-demmanuel-macron-president-de-la-republique-avec-vladimir-poutine-president-de-la-federation-de-russie> (видео и транскрипт встречи на французском языке) (дата обращения: 01.04.2020).
14. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62277/videos> (дата обращения: 01.04.2020).
15. https://www.youtube.com/watch?v=k03Pz7kPz_Q (дата обращения: 01.04.2021).

Информация об авторах

Н.В. Хорошева – кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;
А.Д. Банникова – студент,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

N.V. Khorosheva– PhD (Philology), Associate Professor,
Linguistics and Translation Department,
Perm State University;
A.D. Bannikova– Student, Perm State University

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 29.10.2021; принята к публикации 29.10.2021.

The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 29.10.2021; accepted for publication 29.10.2021.

Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 56–63.

Eurasian humanitarian journal. 2021. No. 4. P. 56-63.

Научная статья

УДК82.0:81'42

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ДОГОВОРА О ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ АСУНСЬОНСКОГО ДОГОВОРА О СОЗДАНИИ МЕРКОСУР)

Мария Алексеевна Хрусталева¹, Татьяна Александровна Гильманова²

^{1,2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹cristalik1982@list.ru

²yearzero59@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена переводу международного договора с позиций когнитивно-дискурсивного подхода в рамках дипломатического дискурса. В статье сформулированы основные принципы организации международных договоров и традиции их оформления. Предпринята попытка создания когнитивной модели концептов на основе российского и испанского документа международного права. Актуальность изучения способов репрезентации концептов TRATADO INTERNACIONAL и МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР обусловлена применением когнитивно-дискурсивного подхода, направленного на изучение механизмов мышления человека. В настоящей статье проводится изучение дипломатического дискурса как лингвокогнитивной деятельности в сфере международного права, с помощью обращения к внутренней организации концепта. Научная новизна исследования состоит в когнитивном подходе к переводу текста дипломатического дискурса благодаря обращению к концептуальным схемам исходного текста (ИТ) и переводного текста (ПТ). Полагаем, что моделирование фрейма концептов позволяет выявить сходства лексических компонентов, вербализующих данные концепты, а также их различия, представляющие собой переводческие трудности. Преодоление переводческих трудностей включает в себя обращение к дополнительным лексикографическим источникам (словари, положения международных конвенций и другие).

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный подход, дипломатический дискурс, концепт, фрейм, слот, языковая репрезентация/реализация, МЕРКОСУР

Для цитирования: Хрусталева М.А., Гильманова Т.А. Специфика перевода договора о торгово-экономическом сотрудничестве: когнитивный аспект (на материале асунсьонского договора о создании меркосур) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 56–63.

Original article

THE SPECIFICITY OF THE TRADE AND ECONOMIC TREATY TRANSLATION: COGNITIVE ASPECT (BASED ON THE TREATY OF ASUNCIÓN ON THE ESTABLISHING OF MERCOSUR)

Maria A. Khrustaleva¹, Tatiana A. Gilmanova²

^{1,2}Perm State University, Perm, Russia

¹cristalik1982@list.ru

²yearzero59@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the translation of an international treaty based on the cognitive-discursive approach. The article deals with the basic principles of the execution of international treaties. We have attempted to create a cognitive model of the Russian and Spanish documents of international law. The study relevance of the ways of representing the concepts TRATADO INTERNACIONAL and МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР is due to the use of a cognitive-discursive approach aimed at studying the mechanisms of human mind. This article studies diplomatic discourse as a linguo-cognitive activity in the international law by referring to the internal organization of the concept. The novelty of the research lies in the cognitive approach to the translation of the text of diplomatic discourse due to the appeal to the conceptual schemes of the source text and the translation. The modeling of the integral frame allows to identify the similarities of the lexical components that verbalize these concepts, as well as their differences, which represent translation problems. Their solutions include referring to additional lexicographic sources (dictionaries, provisions of international conventions, etc.).

Keywords: cognitive-discursive approach, diplomatic discourse, concept, frame, slot, verbal representation, MERCOSUR

For citation: Khrustaleva M.A., Gilmanova T.A.. The specificity of the trade and economic treaty translation: cognitive aspect (Based on the Treaty of Asunción on the establishing of mercosur). Eurasian humanitarian journal. 2021;4:56-63. (In Russ.).

Введение

В настоящее время, в эпоху взаимодействия мировых держав наблюдается активная интеграция культур и сближение народов, что отражается на международных отношениях: появляется необходимость в урегулировании отношений между государствами на постоянной основе. Как известно, источником международного права является дипломатия, выступая главным инструментом защиты национальных интересов. Учитывая, что дипломатический язык как особая подсистема языка имеет свою семантику, стилистику, свою динамику, которая отражает в языке дипломатии любые изменения в политической сфере деятельности, изучение языковых средств современной дипломатии «может позволить наглядно наблюдать успешность дипломатической коммуникации» [Кожетева 2012: 16]. Тематика текстов дипломатического дискурса касается проблем сотрудничества и поиска согласия с иностранными государствами, следовательно, лингвистическими особенностями текстов данного подстиля является употребление языковых средств, направленных на достижение указанных целей. В рамках настоящей статьи мы обращаемся непосредственно к дипломатическому дискурсу, рассматривая его как лингвокогнитивную деятельность в сфере международного права, направленную на осуществление целей и задач внешней политики государств, а дипломатический текст как результат этой деятельности.

Утверждение интегрального подхода в лингвистике обусловило появление когнитивной лингвистики, ведущего направления в языкознании XX–XXI вв., занимающегося изучением особенностей кодирования, усвоения, обработки и трансформации информации с использованием языковых знаков [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 433]. Исходный текст (ИТ) и переводной текст (ПТ) рассматриваются авторами статьи сквозь призму когнитивно-дискурсивного подхода, предполагающего изучение форм взаимодействия языка и мышления, а именно роли языка в процессах познания мира. Представляется, что понятия концепта и фрейма являются центральными для когнитивной лингвистики, поскольку позволяют построить модель понимания текста и, тем самым, проследить процесс формирования человеческой мысли.

Анализируя определения ряда исследователей [Краткий ... 1996; Попова, Стернин 2007; Минченков 2008; Гатаулина 2021], можно заключить, что концепт – это некий идеальный образ, формирующийся в человеческом сознании, который является не только

единицей психических ресурсов индивида, но и отражением культуры и истории отдельной нации. Следовательно, концепт можно трактовать как дискретную ментальную единицу, обладающую относительной упорядоченностью, представляющую собой информацию о явлениях и предметах окружающего мира и полученном человеком опыте, имеющую вербальное выражение.

Рассматривая концепт как неделимую ментальную единицу и учитывая его прямую связь с языком, необходимо рассмотреть один из способов его представления – фрейм, который представляет собой структуру данных, элементы которой организованы иерархически и взаимодействуют между собой. В данном случае фрейм становится своеобразной моделью, содержащей наиболее релевантную информацию о явлении, а слоты содержат конкретные знания о его атрибутах (языковые реализации концепта).

Основная часть

Когнитивное моделирование в настоящее время рассматривается как важный инструмент когнитивной лингвистики, которая изучает язык в его неразрывной связи с интеллектуальной деятельностью человека. Данный метод представляется основным методом семантических исследований, эффективным средством усвоения знаний и активно применяется при переводе. Кроме того, метод моделирования может использоваться при изучении процессов порождения и восприятия текста (дискурса). Исследование дипломатического дискурса в рамках когнитивного моделирования позволит изучить причинно-следственные связи, объясняющие, почему для данного стиля характерна определённая система обозначения и форма выражения мыслей.

Отметим, что в настоящее время понятие «модели» становится неотъемлемой частью научных исследований, а широкое использование моделирования является одним из важнейших достижений общенаучной методологии последних лет. Полагаем, что сущность моделирования в науке заключается в построении искусственного объекта на основании типологических свойств реального объекта. Вслед за Е.С. Кубряковой, под когнитивным моделированием мы понимаем процесс построения модели понимания текста как результата естественной обработки языковых данных, позволяющего представить содержание концепта в вербализованном виде [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 56].

В этом отношении модель перевода является неким условным построением процесса перевода, которое отображает главные этапы этого процесса и действия переводчика на каждом из этих этапов. Поскольку основу когнитивной модели перевода составляет мысль об оперировании фреймовыми структурами знаний, представляется целесообразным смоделировать фрейм концептов TRATADO INTERNACIONAL и МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР, которые являются ключевыми, на наш взгляд, в тексте дипломатического соглашения. Полагаем, что на этапе редактирования перевода построение фрейма концепта и его дальнейшее соотнесение с оригиналом позволит понять, «насколько верно были интерпретированы структуры знания, выраженные средствами иностранного языка, и насколько полно и точно они были переданы через языковые формы на языке перевода» [Хрусталева 2018: 82]. Считаем, что применение метода моделирования в качестве алгоритма перевода дипломатических документов позволит описать последовательность действий, с помощью которых можно решить данную переводческую задачу.

Поскольку дипломатическая коммуникация в целом предполагает стремление к миру и достижение согласия, думается, что основным письменным документом, охватывающим данные аспекты, является международный договор. Согласно Венской конвенции 1969 г., международный договор – это «регулируемое международным правом соглашение,

заключенное государствами и другими субъектами международного права в письменной форме, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном, двух или более связанных между собой документах, а также независимо от конкретного наименования» [Венская конвенция о праве международных договоров: эл. ресурс]. Такие официальные документы налагают на государство определённые юридические обязательства в различных сферах (например, в политике, культуре, торговле) и поэтому имеют единые стандарты оформления.

Структурные и языковые особенности международных договоров обусловлены спецификой их создания: многократные повторы, устойчивая структура, использование клише, специальных терминов (соответствуют предмету договора), аббревиатур и стереотипных сочетаний [Волкова 2007: 62], что принципиально важно учитывать при переводе такого рода документов. Традиционно в международном договоре выделяют название (соответствует предмету договора), преамбулу (содержит указания на обстоятельства, послужившие поводом к изданию соответствующего акта, на мотивы и цели), основную часть (разделена на статьи), заключительных положений (указание о месте и дате заключения, числе аутентичных экземпляров и языках, на которых составлены тексты договора) и (при необходимости) приложений (см.: [Пенчева 2012]), причём каждый из этих элементов строится соответствующим образом.

В свете вышесказанного логичным видится отметить, что международный договор представляет собой заключённое субъектами международного права письменное соглашение, характеризующееся устойчивой структурой на всех языках. Следовательно, терминология, используемая в договоре, должна соответствовать терминологии, используемой в международной практике. Исходя из вышеизложенного, к особенностям дипломатического подстиля предлагаем относить лишённый экспрессии и двусмысленности стиль изложения, достигаемый за счёт использования терминов, специализированных клише, тенденцию к перечислению однородных членов, а также логичность повествования с преобладанием распространённых предложений. Все вышеперечисленные характеристики дипломатических текстов имеют особое значение и поэтому требуют от переводчика соблюдения данных традиций. Материалом для исследования концептов TRATADO INTERNACIONAL и МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР выступают Асунсьонский договор о создании Южноамериканского общего рынка на испанском языке (Tratado para la Constitución de un Mercado Común, 1991) и Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве 1999 г. на русском языке.

Для начала обратимся к сути экономического соглашения МЕРКОСУР. МЕРКОСУР – (Mercado Común del Sur) – экономическое и политическое соглашение стран Южной Америки об образовании Общего рынка. Договор был заключен 26 марта в 1991 г. между Аргентиной, Бразилией, Уругваем и Парагваем в г. Асунсьон (Республика Парагвай). Данная интеграция носит рыночный характер и основана на стратегии либерализации взаимной торговли, следовательно, предметом договора является создание свободного рынка между странами-участниками (см. [Tratado para la Constitución de un Mercado Común: эл. ресурс]). Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве также представляет собой соглашение, целью которого является создание единого интегрированного рынка. Как можно увидеть, представленные соглашения имеют схожий смысловой вектор – формирование некой торгово-экономической зоны, что даёт возможность использовать русскоязычный договор в качестве примерного ориентира для создания прообраза ментальной схемы переводного текста.

В данной статье представлены результаты проведённого когнитивно-дискурсивного анализа международных договоров на испанском и русском языках. На первом этапе была построена модель концепта TRATADO INTERNACIONAL на основе Асунсьонского договора (на испанском языке). Далее был осуществлён первоначальный вариант перевода и

построена модель концепта на материале текста перевода. Следующий шаг заключался в построении фрейма на основе русскоязычного договора, а именно Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, в качестве аналога первоначальной модели. На основе построенных моделей был создан интегральный фрейм, отображающий наиболее релевантные признаки обоих концептов, а также их различия, представляющие собой переводческие трудности. В результате изучения материала было обнаружено, что лексемы каждого соглашения организуются в одинаковые слоты. На основании этого был построен интегральный фрейм концептов TRATADO INTERNACIONAL и МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР, который представлен следующими слотами: Acuerdo/Соглашение, Participantes/Участники, Obligaciones/Обязательства, Comercio/Торговля.

Так, слоты интегрального фрейма содержат информацию о наиболее релевантных признаках международного соглашения, тем самым выявляя схожие лексемы, вербализующие концепты, а также их различия, представляющие переводческие трудности.

Рассмотрим слот Acuerdo/Соглашение, который был подразделён на подслоты *Partes/Части* и *Acciones/Действия*. В подслоте *Partes/Части* обратимся к вербальным репрезентантам *vigencia – duración – plazo*, образующим синонимический ряд, и проследим, каким образом их смыслы были транслированы в переводном тексте.

Таблица 1. Языковые репрезентации слота Acuerdo/Соглашение и их перевод на русский язык

ИТ	ПТ
<i>vigencia de este Tratado</i>	<i>срок действия</i> настоящего Договора
<i>antes del referido plazo</i>	до истечения указанного <i>срока</i>
<i>El presente Tratado tendrá duración indefinida</i>	Настоящий Договор является <u>бессрочным</u>

Обратим внимание на то, что в последнем фрагменте мы передали лексему *duración* несколько иначе, чем в предшествующих ей примерах (*срок*). Согласно всеиспанскому юридическому словарю, языковой репрезентант *indefinido* имеет следующую дефиницию: «*indefinido – indeterminado, que no tiene término señalado o conocido*», то есть неопределенный, не ограниченный сроком [Diccionario panhispánico del español jurídico: эл. ресурс]. Именно по этой причине данный фрагмент можно перевести как «*Настоящий договор заключается на неопределенный срок*». Согласно толковому словарю, «неопределённый – точно не установленный; неизвестный» [Ушаков 2008: 665]. В связи с этим, полагаем, что первоначальный вариант перевода не передаёт смысла «неограниченности», что явно присутствует в испанской языковой реализации. Таким образом, было принято решение транслировать заложенный в словосочетании ИТ *duración indefinida* смысл как *бессрочный*, что означает «не ограниченный сроком» [Ожегов, Шведова 1995: 71]. Далее рассмотрим слот Obligaciones/Обязательства, который представляет собой важный элемент договора как документа, устанавливающего их взаимные права и обязанности. Среди особенностей наполняемости данного слота мы выделили языковую реализацию *convocar una reunión*.

Таблица 2. Языковая реализация слота Obligaciones/Обязательства и ее перевод на русский язык

ИТ	ПТ
<i>Antes del establecimiento del Mercado Común, el 31 de diciembre de 1994, los Estados Partes convocarán a una reunión extraordinaria <...>.</i>	Непосредственно в день учреждения Общего рынка, 31 декабря 1994 года, Государства-участники <u>созывают</u> специальную <u>сессию</u> <...>.

Согласно словарю испанской королевской академии, глагол *convocar* имеет следующее определение: *citar, llamar a una o más personas para que concurran a lugar o acto determinado* [DRAE: эл. ресурс] / назначать встречу, встретиться с одним или несколькими людьми в каком-либо месте или для каких-либо целей.

Проанализировав представленные дефиниции, можно понять, что договор подразумевает созыв собрания/конференции для обсуждения вопросов. В рамках дипломатической коммуникации предполагается подбор устоявшихся выражений, что представляет собой переводческие трудности. В данном случае мы предлагаем перевод «созвать», поскольку «договариваться» не передаёт значения «собираться в одном месте». Кроме того, при обращении к контексту становится понятно, что в день установления Общего рынка Государства-участники созывают некое собрание или совещание.

Обратимся к словарю испанской королевской академии, чтобы изучить дефиницию языкового репрезентанта *reunión*: «*reunión – conjunto de personas reunidas*» [DRAE: эл. ресурс] / совместное присутствие группы людей. Сравним её с определением лексемы «собрание» в русскоязычном лексикографическом источнике: «собрание – совместное присутствие где-либо членов коллектива для обсуждения, решения каких-либо вопросов» [Ожегов, Шведова 1995: 683]; «совещание – заседание, собрание, посвященное обсуждению какого-либо специального вопроса» [там же: 689]. Как видим, «собрание» и «совещание» могут означать одно и то же явление действительности, однако лексема «собрание» может относиться и к неодушевленным предметам (собрание вещей). Согласно вышеуказанному словарю, лексема *заседание* также передаёт нужный нам смысл, так как «заседание – собрание членов какой-либо организации для обсуждения чего-либо» [там же: 256]. Соответственно, для осуществления успешного перевода необходимо рассмотреть типовые сочетания и клише, принятые в дипломатической практике. Для этого обратимся к словарю сочетаемости слов, в котором предлагается следующий вариант – «созвать собрание/сессию» [Словарь сочетаемости слов русского языка 1983: 576]. Проанализировав все предложенные дефиниции с учётом контекста, предлагаем перевести языковую реализацию *convocar una reunión* как «созывать сессию».

Подходя к анализу заключительного примера, отметим, что вербальный репрезентант *cesar* так же, как и предыдущая представленная языковая реализация *convocar una reunión*, относится к слоту Obligaciones/Обязательства.

Таблица 3. Языковая реализация слота Obligaciones/Обязательства и ее перевод на русский язык

ИТ	ПТ
<i>Formalizada la denuncia, cesarán para el Estado denunciante los derechos y obligaciones que correspondan a su condición de Estado Parte <...>.</i>	<i>После официального оформления денонсации права и обязанности, связанные со статусом Государства-участника, утрачивают свою силу в отношении государства, намеревающегося выйти из настоящего Договора <...>.</i>

Лексема *cesar*, согласно дефиниции, представленной в словаре испанской королевской академии обозначает «приостанавливаться, завершаться» – «*interrumpirse o acabarse*» [DRAE: эл. ресурс]. Данным понятием в Асунсьонском договоре обозначается окончание или прекращение действия прав и обязанностей в результате денонсации. В Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве данная лексема отсутствует, поскольку выход из договора автоматически предполагает прекращение действия прав и

обязанностей государства. В связи с тем, что в данном глаголе уже сосредоточено значение возвратности и он связан с подлежащими *derechos y obligaciones*, было решено перевести данную лексему как *утрачивать силу*, что потребовало дальнейшего преобразования предложения в соответствии с официально-деловым стилем документа.

Проведенное исследование показало, что построенный фрейм концептов TRATADO INTERNACIONAL и МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР двух различных культур позволяет сконцентрировать и сопоставить ключевые идеи документов, которые, в конечном счёте, формируют своеобразный смысловой ориентир для переводчика. Исходя из представленных примеров, неоспоримым преимуществом данного подхода можно считать не только выявление специфических признаков дипломатического дискурса (структурные особенности, дипломатические формулы, клише, формирующие особый стиль повествования), но и отображение переводческой рефлексии.

Заключение

В данной статье предпринята попытка рассмотреть дипломатический дискурс в свете когнитивно-дискурсивного анализа. На этапе предпереводческого анализа был создан интегральный фрейм, отображающий как схожие признаки концептов TRATADO INTERNACIONAL и МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР, так и их различия, представляющие собой переводческие трудности. Построение данной модели на этапе редактирования перевода и ее последующее сопоставление с исходным текстом помогло понять, насколько точно был передан смысл оригинала. Процесс преодоления переводческих трудностей включал в себя обращение к толковым словарям, а также к необходимым положениям договора и соответствующим официальным решениям. Таким образом, когнитивный подход к анализу дипломатического дискурса позволяет выявить специфику международных соглашений как особой формы организации международного права, закреплённой общемировыми традициями. Создание переводчиком когнитивной модели даёт возможность структурировать знание в рамках определённой области, что позволяет выявить семантические связи между языковыми реализациями концептов, а затем транслировать данные смыслы в текст перевода.

Список литературы

1. Волкова Т.А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации (на материале английского и русского языков): дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2007. 231 с.
2. Гатауллина Н.А. Когнитивно-семантические особенности терминологии американского договорного права: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2021. 205 с.
3. Кожетева А.С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса. Автореф... к. филол. н. М., 2012. 23 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во «Московский университет», 1996. 245 с.
5. Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка). Автореф. дис... д. филол. н. СПб., 2008. 43 с.
6. Пенчева А.И. Особенности языковой, структурной и композиционной оформленности текста международного договора (на материале дипломатических документов на русском и болгарском языке) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 4. С. 62–70.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Монография. М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. 314 с.

8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2008. 1239 с.
9. Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 27.09.2021)
10. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/nontariff/Pages/Dogovor_26021999.aspx (дата обращения: 27.09.2021).
11. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, Л.А. Новикова, В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 1983. 708 с.
12. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: АЗЪ, 1995. 907 с.
13. Хрусталева М.А. Моделирование концепта при переводе: этапы когнитивно-дискурсивного анализа // Евразийский гуманитарный журнал, 2018. № 4. С. 80–83.
14. Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. España. Madrid. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 27.09.2021).
15. Diccionario panhispánico del español jurídico (2020). España. Madrid. URL: <https://dpej.rae.es/> (дата обращения: 27.09.2021).
16. Tratado para la Constitución de un Mercado Común. URL: <https://www.mercosur.int/documento/tratado-asuncion-constitucion-mercado-comun/> (дата обращения: 27.09.2021).

Информация об авторах

М.А. Хрусталева – кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;
Т.А. Гильманова – магистр (лингвистика),
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

M.A. Khrustaleva – Ph.D. (Philology), Associate Professor,
Linguistics and Translation Department,
Perm State University;
T.A. Gilmanova – Master's degree,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 09.09.2021; одобрена после рецензирования 12.10.2021; принята к публикации 12.10.2021.

The article was submitted 09.09.2021; approved after reviewing 12.10.2021; accepted for publication 12.10.2021.

Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 64–73.
Eurasian humanitarian journal. 2021. No. 4. P. 64-73.

Научная статья
УДК 82.0:81'42

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПРАВИЛ ИГРЫ В БАСКЕТБОЛ LAS REGLAS OFICIALES DE BALONCESTO, 2018)

Мария Алексеевна Хрусталева¹, Екатерина Николаевна Казакова²

^{1,2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹cristalik1982@list.ru

²kazak.kate11@mail.ru

Аннотация. Актуальность применения когнитивно-дискурсивного подхода при переводе текстов, содержащих специальную терминологию, обусловлена интересом авторов статьи к категориям когнитивного терминоведения в контексте когнитивного переводоведения, поскольку всё большее количество специалистов сталкиваются с проблемами перевода спортивной терминологической лексики. В статье предпринята попытка обосновать действенность применения концептуального моделирования при переводе текстов спортивной тематики на основе создания терминосистемы исходного текста (ИТ). Авторами статьи предлагается своё видение процесса создания переводного текста (ПТ) на основе смоделированной в ИТ терминосистемы. На этапе предпереводческого анализа ИТ предложена методика моделирования ключевого концепта BALONCESTO (баскетбол), а этап редактирования ПТ заключается в «наложении» полученной языковой реализации концепта в ИТ на вербальные репрезентанты концепта в ПТ. Это даёт возможность переводчику не только более глубоко проникнуть в смысл ИТ, но и способствует сохранению единообразия терминов спортивного дискурса в ПТ. Скрупулёзно проведённый семантический анализ языковых реализаций концепта BALONCESTO на этапе предпереводческого анализа ИТ призван точно определить характер семантической связи, имеющейся между языковыми репрезентантами (терминами), что позволяет достоверно определить границы функционирования каждой терминологической единицы в ИТ. Данное обстоятельство видится чрезвычайно важным, поскольку полученная в результате предыдущего этапа анализа структура концепта BALONCESTO являет собой прообраз терминосистемы для создания ПТ: термины организуются переводчиком в терминосистему уже в соответствии с имеющейся в его сознании ментальной схемой и оформляются согласно нормам русского языка.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, терминосистема, термин, концептуальное моделирование, концепт, фрейм, языковая реализация / репрезентация

Для цитирования: Хрусталева М.А., Казакова Е.Н. Концептуальное моделирование при переводе спортивной терминологии (на материале официальных правил игры в баскетбол las reglas oficiales de baloncesto, 2018) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 64–73.

Original article

CONCEPTUAL MODELING IN THE TRANSLATION OF SPORT TERMINOLOGY (BASED ON THE OFFICIAL BASKETBALL RULES “LAS REGLAS OFICIALES DE BALONCESTO 2018”)

Maria A. Khrustaleva¹, Ekaterina N. Kazakova²

^{1,2}Perm State University, Perm, Russia

¹cristalik1982@list.ru

²kazak.kate11@mail.ru

Abstract. The relevance of using the cognitive-discursive approach when translating texts containing special terminology is due to the authors' interest in the categories of cognitive terminology in the context of cognitive translation studies, since an increasing number of specialists are faced with the problems of translating sports terminological vocabulary. The article attempts to substantiate the effectiveness of the application of conceptual modeling in the translation of texts on sports topics based on the creation of the source text terminology system (IT). The authors of the article offer their own vision of the process of creating a translated text (PT) based on a terminology system modeled in IT. At the stage of pre-translation analysis of IT, a methodology for modeling the key concept BALONCESTO (basketball) is proposed, and the stage of editing the PT consists in "imposing" the obtained linguistic implementation of the concept in IT on the verbal representatives of the concept in PT. This enables the translator not only to penetrate more deeply into the meaning of IT, but also contributes to the preservation of the uniformity of the terms of sports discourse in PT. A scrupulously carried out semantic analysis of language implementations of the BALONCESTO concept (basketball) at the stage of pre-translation analysis of IT is designed to accurately determine the nature of the semantic connection existing between linguistic representatives (terms), which allows to reliably determine the boundaries of the functioning of each terminological unit in IT. This circumstance is seen as extremely important, since the structure of the BALONCESTO concept obtained as a result of the previous stage of analysis is a prototype of the terminological system for creating a PT: the terms are organized by the translator into a terminological system already in accordance with the mental scheme in the mind of the translator and are drawn up according to the norms of the Russian language.

Keywords: cognitive terminology, terminology, term, conceptual modeling, concept, linguistic representation

For citation: Khrustaleva M.A., Kazakova E.N. Conceptual modeling in the translation of sport terminology (based on the official basketball rules "Las Reglas Oficiales de Baloncesto 2018"). Eurasian humanitarian journal. 2021;4:64-73. (In Russ.).

Введение

Терминоведение представляется междисциплинарной наукой, главным предметом изучения которой являются закономерности развития и функционирования терминов и их систем. По замечанию Е.И. Головановой, терминоведение является особой, активно развивающейся областью современного научного знания, находящейся в точке интеграции лингвистики, науковедения, теории информации, логики, философии и всей совокупности специальных областей знания и деятельности [Голованова 2013: 13]. Исследователь под термином понимает «единицу языков профессиональной коммуникации, соотносительную с соответствующей единицей сознания, которое нельзя рассматривать в отрыве от деятельности» [Голованова 2008: 70].

При этом каждая система терминов представляет собой *когнитивно-логическую модель* той или иной области человеческого знания и деятельности» [там же]. В рамках когнитивного терминоведения под термином понимается информационно-когнитивная структура, которая накапливает специальные знания [Комарова 2010: 17]. В связи с этим целесообразным видится заключить, что под влиянием когнитивной лингвистики цель терминоведения сместилась с исследования специфических свойств термина как языковой единицы на изучение его *внутренней семиотической природы*, что обусловлено взаимосвязью термина с профессиональным познанием и коммуникацией, а также на вопрос о представлении разных типов знаний в терминологических единицах [Голованова 2013: 14].

Заметим, что специализированный текст имеет грамматически организованную когнитивную структуру, состоящую из специализированных единиц знаний. В таком типе текста встречаются единицы как специального, так и общего значения, при этом первые приобретают терминологическую ценность в конкретной области, когда они интенсивно используются, поэтому именно поле применения данных единиц материализует их значение и условия их использования [Cabré: эл. ресурс]. Одним из видов специализированных текстов являются тексты спортивной тематики, которые включают в себя спортивную лексику, в основном, спортивные терминологические единицы.

Спортивная терминология видится одной из самых интенсивно развивающихся терминологий в современной лингвистике. Однако, как считает Е.И. Гуреева, системность данного вида терминологии сложилась только в последние десятилетия после того, как спорт был признан в качестве разновидности профессиональной деятельности [Гуреева 2011: 71]. Спортивная терминология активно развивается, расширяя терминологическую базу различными способами. Так, испанские исследователи терминологии отмечают, что одной из процедур, которые язык выполняет для расширения своей базы, является формирование неологизмов, под которыми понимаются недавно созданные лексемы или новые значения уже существующих слов, а главной функцией неологизмов видится обозначение новых понятий, которые постоянно появляются в языке [Aleixandre-Benavent, Agulló Albuixech, Agulló Calatayud, Valderrama-Zurián 2007: 118].

Также в качестве способа развития спортивной терминологической базы исследователи выделяют внедрение в язык заимствований и калькирование. Под заимствованиями понимаются слова, фразы или обороты, которые берут своё начало в каком-либо иностранном языке и переносятся в принимающий язык с помощью его графической системы. Калькирование, в свою очередь, определяется как лингвистические элементы, которые переходят из одного языка в другой посредством буквального перевода и интегрируются в принимающий язык [там же].

Заметим также, что полисемные лексические единицы также способствуют расширению спортивного терминологического поля. Полисемия является широко используемым ресурсом во всех языках и позволяет сократить количество терминов, которые необходимо изучать и использовать для успешного понимания спортивного текста. Проблема двусмысленности полисемических терминов решается с помощью принятия во внимание контекста, в котором они используются [там же: 120].

Полагаем, что применение когнитивно-дискурсивного подхода позволяет не просто организовать термины в терминосистему, но и чётко проследить характер семантической связи между вербальными репрезентантами исследуемого концепта, что исключает ошибочную интерпретацию семантического потенциала каждого терминологического элемента, а следовательно, способствует верной трансляции специального знания при переводе.

Основная часть

В настоящей статье предпринята попытка воссоздать терминосистему спортивной тематики на материале документа на испанском языке, в котором отражены официальные правила игры в баскетбол “Reglas oficiales de baloncesto 2018” [Reglas oficiales de baloncesto 2018: эл. ресурс]. Воссоздание терминосистемы происходит на основе проводимого фреймового анализа ключевого концепта BALONCESTO (баскетбол).

В словаре испанской королевской академии (Diccionario de Real Academia Española) представлена следующая дефиниция лексемы, именующей данный концепт:

m. Juego entre dos equipos de cinco jugadores cada uno, cuyo objetivo es introducir el balón en la cesta o canasta del contrario, situada a una altura determinada [DRAE: эл. ресурс] / Игра между двумя командами, включающими по пять игроков каждая, цель которой состоит в том, чтобы забросить мяч в корзину соперника, расположенную на определенной высоте.

Как можно заметить, данная лексема относится к сфере командных видов спорта. В русском языке существует абсолютный эквивалент слова-репрезентанта *el baloncesto* – баскетбол. Лексема *баскетбол* имеет следующие определения в русскоязычных лексикографических источниках:

1. Спортивная командная игра с мячом, который забрасывают руками в кольцо с сеткой, укрепленное на щите [Популярный толково-энциклопедический словарь русского языка: эл. ресурс].

2. Спортивная командная игра, в которой игроки стараются забросить мяч руками в корзину [Толковый словарь Ожегова: эл. ресурс].

3. Спортивная командная игра с мячом; в баскетбол играют две команды, каждая из которых состоит из пяти полевых игроков. Цель каждой команды – забросить руками мяч в кольцо с сеткой (корзину) соперника и помешать другой команде завладеть мячом и забросить его в свою корзину.

Проанализировав дефиниции, представленные в лексикографических источниках на русском языке, можно заметить, что данные определения не противоречат толкованиям, обнаруженным в испаноязычном словаре. Следовательно, можно сделать вывод о том, что лексема, именуемая концепт BALONCESTO в испаноязычной лингвокультуре, и лексема, называющая понятие *баскетбол* в русскоязычной культуре, обнаруживают сходные компоненты значений.

На основе контекстуального анализа данного свода правил и дефиниционного анализа приведённых в официальных правилах игры в баскетбол испаноязычных терминов, были выведены и организованы в виде фрейма следующие слоты: Reglas, Participantes, Partido, Equipamiento. Все выделенные слоты имеют разветвлённую организацию и включают в себя подслоты, некоторые из которых также имеют ответвления.

Первый слот фрейма – Reglas – делится на два подслота: *Violación* и *Falta*, каждый из которых включает в себя перечень вербальных репрезентантов. Второй слот Participantes разбивается на подслоты *Miembros de equipo* и *Control de juego*. Третий слот – Partido – состоит из подслотов *Reglamento temporal*, *Acciones de un jugador* и *Resultado del partido*. В последнем, четвёртом слоте Equipamiento выделены подслоты *Uniforme*, *Balón de baloncesto* и подслот *Terreno de juego*, который имеет ещё четыре ответвления.

В качестве иллюстрации методики анализа ИТ в русле когнитивно-дискурсивного подхода приведем подробное описание языковой реализации первого слота Reglas, в котором содержатся лексемы, являющие собой правила игры в баскетбол, установленные Испанской федерацией баскетбола (FEB: Federación Española de Baloncesto) и выраженные посредством разбора ошибок и нарушений, возможных во время игры.

Заметим, что само понятие *la regla*, согласно словарю Испанской Королевской академии, имеет более десяти определений, но, применительно к данному исследованию, используется следующая дефиниция:

Modo establecido de ejecutar algo [DRAE: эл. ресурс] / Определённый установленный способ действия.

В русском языке эта лексема соотносится со словом-репрезентантом «правило», которое является точным эквивалентом.

Подслоты слота *Reglas*, а именно *Violación* и *Falta*, вступают в семантические отношения «часть-целое», в которых понятие *las reglas* выступает целым, а понятия *la violación* и *la falta* – частными случаями.

Первым ответвлением слота *Reglas* является подслот *Violación*, который содержит вербальные репрезентанты, определяющие типы негрубых нарушений в баскетболе.

Все лексические единицы данного подслота – *el jugador fuera del terreno de juego y balón fuera del terreno de juego, el regate, el avance ilegal, 3 segundos, el jugador estrechamente marcado, 8 segundos, 24 segundos, el balón devuelto a pista trasera, la interposición* и *la interferencia* не находятся в отношениях контекстуальной синонимии или антонимии, но вступают в корреляционную зависимость.

Интересно, что только лексемы *el jugador fuera del terreno de juego y balón fuera del terreno de juego* и *el avance ilegal* непосредственно имеют общую сему *la violación*, которая выступает в роли рода в родовидовых семантических отношениях данных лексических единиц, и означают запрещенные действия.

Отметим, что семантика остальных лексем данного подслота не подразумевает нарушений правил, однако данные понятия в оригинальном тексте “Reglas oficiales de baloncesto 2018” отнесены к разделу нарушений. Особенностью лексем, включенных в данный подслот, является низкая степень тяжести нарушений, которые они означают. Типизация нарушений в баскетболе очень важна, так как она определяет тяжесть совершенного нарушения, его последствия и степень тяжести полагающегося наказания.

Второй выделенный подслот – *Falta* – связан непосредственно с грубыми нарушениями установленных правил. Лексема *la falta* многозначна, но в контексте спортивной терминологии она будет иметь следующее значение: согласно словарю Испанской Королевской академии:

f. Infracción de las reglas de un juego o deporte, sancionada por su reglamento [DRAE: эл. ресурс] / *Нарушение правил игры или спорта, подвергаемое санкциям согласно правилам.*

Приведенное выше определение является довольно общим. В нашем случае понятие *la falta* будет иметь следующую дефиницию, данную непосредственно в ИТ:

Una falta es una infracción de las reglas que implica un contacto personal ilegal con un adversario y/o un comportamiento antideportivo [Reglas oficiales de baloncesto 2018: эл. ресурс] / *Фол – это нарушение настоящих Правил, подразумевающее неправомерный личный контакт с соперником и/или неспортивное поведение.*

Подслот *Falta* содержит языковые единицы, которые вступают в родовидовые отношения с лексемой *la falta* и позволяют более детально рассмотреть данный лексический элемент, а именно типы явления *la falta*: *la falta personal, la falta doble, la falta técnica, la falta antideportiva, la falta descalificante* и *el enfrentamiento*. Конкретизация вида ошибки в баскетболе играет очень важную роль, так как зачастую является решающим фактором в спорном вопросе относительно игры либо в вопросе назначения необходимого наказания.

В результате проведенного семантического анализа языковых реализаций первого слота *Reglas*, стало понятно, что основной переводческой трудностью оказывается перевод спортивных терминов и многозначных слов. Для систематизации выделенных в ИТ терминологических единиц и с целью их верной трансляции в ПТ с сохранением их единообразия были составлены следующие таблицы.

Таблица 1. Спортивные термины слота Reglas и их перевод на русский язык

ИТ	ПТ
El jugador fuera del terreno de juego	Аут
El balón fuera del terreno de juego	Аут
El regate	Ведение
El avance ilegal	Пробежка
El jugador estrechamente marcado	Плотноопаеваемый игрок
El balón devuelto a pista trasera	Мяч, возвращенный в тыловую зону
La falta personal	Персональный фол
La falta doble	Обоюдный фол
La falta técnica	Технический фол
La falta antideportiva	Неспортивный фол
La falta descalificante	Дисквалифицирующий фол

Таблица 2. Многозначные слова слота Reglas и их перевод на русский язык

ИТ	ПТ
La interposición	Помеха попаданию мяча
La interferencia	Помеха мячу
El enfrentamiento	Драка
La falta	Фол

Второй слот фрейма концепта BALONCESTO Participantes представлен языковыми реализациями, определяющими участников игры, и подразделяется на два подслота по линии семантических отношений «часть-целое». Первый подслот *Miembros de equipo* включает в себе вербальные репрезентанты, представляющие участников, непосредственно входящих в основу баскетбольной команды. Отметим, что данный подслот подразделяется ещё на 3 подслота более низкого уровня – *Entrenador, Jugador, Acompañantes*.

Второй подслот *Control de juego* содержит лексические единицы, обозначающие людей, которые осуществляют контроль хода игры: *el árbitro, el comisario, el anotador, el ayudante de anotador, el cronometrador*, и *el operador del reloj de lanzamiento*. Данные вербальные репрезентанты объединены таким видом семантической связи, как синонимия в том случае, если интегрирующей семой мы будем считать сему *el controlador*. В ином случае данные лексические единицы вступают в родовидовые отношения с понятием *el control de juego*, выступая в данной ситуации видами лиц, осуществляющими контроль за игрой.

Как и в случае с предыдущим описанным слотом, на основе проведённого семантического анализа языковых реализаций слота Participantes была составлена таблица, в которой представлены терминологические единицы ИТ и их перевод на русский язык в ПТ.

Таблица 3. Спортивные термины слота Participantes и их перевод на русский язык

ИТ	ПТ
El jugador atacante	Нападающий
El anotador	Секретарь
El cronometrador	Секундометрист
El operador del reloj de lanzamiento	Оператор таймера для броска

Третий слот фрейма концепта BALONCESTO Partido состоит из 3-х подслотов, первый из которых – подслот *Reglamento temporal* – представлен лексемами *el tiempo de juego, la prórroga, el cuarto* и *el tiempo muerto*. Данные языковые реализации отражают временные промежутки, характеризующиеся особым образом поведения игроков. Сема *la duración* является интегральной семой (обобщающим компонентом данных понятий), но данные лексические единицы не вступают в синонимические отношения между собой, а выражают отношения по линии «род-вид», в которых родом выступает лексема *el reglamento temporal*. Особенностью вербализации второго подслота *Acciones de un jugador* является то, что он содержит только глаголы: *pasar, lanzar, palmear, rodar, impedir, agarrar, encestar, atacar* и *recoger*. Объединяющим фактором для этих лексем является то, что все они подразумевают активное действие субъекта игры, то есть игрока команды.

Данные вербальные репрезентанты выступают в роли видов, а лексема *la acción de un jugador* – в роли рода, тем самым образуются родовидовые отношения между языковыми реализациями концепта BALONCESTO.

Третий подслот носит название *Resultado del partido* и включает в себя два вербальных репрезентанта *el empate* и *el vencedor*. Интегрирующей для данных лексем выступает сема *el resultado*, однако вербальные репрезентанты характеризуют результат в разных отношениях, представляя виды в их родовидовых отношениях с лексемой *el resultado*.

Переходя к выявлению переводческих трудностей на основе организации языковых реализаций слота Partido, заметим, что стало очевидным значительно меньшее количество содержащихся в нём терминов, но при этом, были обнаружены многозначные слова.

Таблица 4. Спортивные термины слота Partido и их перевод на русский язык

ИТ	ПТ
La prórroga	Овертайм
El tiempo muerto	Тайм-аут

Таблица 5. Многозначные слова слота Partido и их перевод на русский язык

ИТ	ПТ
El partido	Матч
El cuarto	Четверть
Pasar	Передавать
Lanzar	Бросать
Palmear	Вести
Rodar	Катить
Agarrar	Выхватывать
Encestar	Забивать
Recoger	Подбирать

Последний слот фрейма концепта BALONCESTO Equipamiento является самым репрезентативным из всех рассмотренных ранее слотов. Он распадается на три подслота: *Balón de baloncesto, Uniforme* и *Terreno de juego*, которые объединены семантическими отношениями «часть-целое» с лексемой-именем слота *el equipamiento*.

Первый подслот *Balón de baloncesto* содержит в своём составе языковые репрезентанты, объединённые семой *el balón*, которая выступает родом в сложившихся семантических отношениях «род-вид».

Второй подслот *Uniforme* представлен такими лексическими единицами, как *la camiseta*, *los pantalones*, *los calcetines*, *los números*, *los protecciones*, *las zapatillas* и *el logotipo*. Все приведённые лексемы объединены семьей *la parte de indumentaria*, являющейся родом в сложившихся родовидовых отношениях, и означают элементы спортивной униформы, которые чётко регламентированы сводом правил.

Последний и самый репрезентативный по количеству вербализующих его языковых реализаций – подслот *Terreno de juego* – имеет четыре ответвления, каждый из которых относится к слоту как часть к целому.

Первый из подслотов *Pista* представлен лексическими единицами *la pista trasera* и *la pista delantera*, которые «дают дефиницию» типам игровой баскетбольной зоны. Следовательно, в данной ситуации мы можем говорить о родовидовых отношениях.

Следующий подслот второго уровня имеет название *Línea*, а содержащиеся в нём языковые реализации концепта определяют виды линий на баскетбольной площадке: *la línea limítrofe*, *la línea lateral*, *la línea central*, *la línea de fondo* и *la línea de tiro libre*.

Третье ответвление – *Zona* – так же строится по принципу типизации. Лексические единицы *la zona restringida*, *la zona de canasta de 3 puntos*, *la zona de canasta de 2 puntos* и *la zona neutral*, имея общую сему *la zona*, характеризуют типы этого понятия, тем самым выстраивая родовидовые семантические отношения. Так же, как и остальные элементы баскетбольной площадки, эти зоны имеют своё назначение, а именно: демонстрируют границы каких-либо игровых действий.

Последний подслот второго уровня – *Otros elementos* – состоит из вербальных репрезентантов, характеризующих остальные необходимые элементы баскетбольной площадки. В данный подслот были определены лексемы *el tablero*, *la canasta*, *los soportes del tablero*, *el reloj de partido*, *el reloj de lanzamiento*, *el cronómetro* и *el banco de equipo*, которые относятся к понятию *el terreno de juego* как части к целому.

Переходя к подведению итогов проведённого когнитивно-дискурсивного анализа языковых реализаций концепта BALONCESTO в ИТ, отметим, что спортивные термины и многозначные слова последнего слота также были организованы в таблицы.

Таблица 6. Спортивные термины слота Equipamiento и их перевод на русский язык

ИТ	ПТ
El balón vivo	Живой мяч
El balón muerto	Мертвый мяч
La pista trasera	Тыловая зона
La pista delantera	Передовая зона
La zona restringida	Ограниченная зона
La zona de canasta de 3 puntos	Зона 3-хочкового броска
La zona de canasta de 2 puntos	Зона 2-хочкового броска
La zona neutral	Нейтральная зона
La línea limítrofe	Ограничивающая линия
La línea lateral	Боковая линия
La línea de fondo	Лицевая линия
La línea de tiro libre	Линия штрафного броска
El tablero	Щит
La canasta	Корзина
El reloj de partido	Игровые часы
El reloj de lanzamiento	Таймер для броска
El banco de equipo	Скамейка команды

Таблица 7. Многозначные слова слота Equipamiento и их перевод на русский язык

ИТ	ПТ
El equipamiento	Экипировка и оборудование
Los pantalones	Шорты
Las zapatillas	Кроссовки

Репрезентация всех описанных выше слотов позволяет сделать следующее заключение: корректно проведенные типизация и детализация терминов, а также контекстуально верно подобранная дефиниция языковых реализаций концепта BALONCESTO в тексте спортивной тематики играют решающую роль на этапе предпереводческого анализа ИТ, а предложенная авторами статьи методика служит основой точного понимания и верной интерпретации терминологических единиц ИТ с целью их последующей трансляции в ПТ.

Заключение

Благодаря обращению к концептуальному моделированию концепта BALONCESTO на этапе предпереводческого анализа ИТ “Reglas oficiales de baloncesto 2018” [Reglas oficiales de baloncesto 2018: эл. ресурс] стало возможным выявить потенциальные переводческие трудности. Полученная структура концепта – фрейм концепта BALONCESTO – представленная описанными выше слотами и подслотами 2-го и 3-го уровней, а также тщательный анализ семантических корреляций между языковыми реализациями, наполняющими каждый слот/подслот, позволили детально рассмотреть семантический и логико-категориальный потенциал терминологических единиц в сфере спорта.

Основными переводческими трудностями, выявленными в ходе моделирования терминосистемы ИТ, стали спортивные термины баскетбола и многозначные слова, описывающие ход игры в баскетбол. Превалирующими способами преодоления обозначенных трудностей выступали следующие переводческие решения: анализ микроконтекстов специализированных текстов спортивной тематики (на испанском и русском языках), выявление ключевых слов, содержащих терминологический потенциал, анализ дефиниций баскетбольных терминов и их функционирования в текстах, а также метод логического рассуждения и соотнесение русско- и испаноязычных ментальных схем. Основным способом перевода многозначных слов явился контекстуальный анализ языковых реализаций, заполняющих каждый конкретный слот, а также выявление типа семантической связи между лексемами-репрезентантами концепта BALONCESTO.

Обращение к когнитивному моделированию на этапе предпереводческого анализа ИТ и редактирования ПТ позволило проанализировать составляющие фрейма концепта BALONCESTO, отсеять неприемлемые варианты перевода и выполнить перевод текста спортивной тематики с испанского языка на русский язык с сохранением семантического потенциала спортивной терминологии.

Подводя итог, можно заключить, что применение концептуального моделирования даёт переводчику возможность более глубоко и точно понять содержание текста, а также свести к минимуму проблемы понимания и интерпретации речевого произведения. Главная задача переводчика в таком случае состоит в точности трансляции специального знания, сконцентрированного в терминах, и оказывается выполненной на достаточно высоком уровне.

Список литературы

1. Гуреева Е.И. Разновидности специальных обозначений в современной спортивной терминологии // Вестник Челябинского университета. 2011. № 24 (239). С. 71–73.
2. Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: уч.пособие. Челябинск: Энциклопедия, 2008. 180 с.
3. Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского университета. 2013. Вып. 82. С. 13–18.
4. Комарова З.И. Проблемы языка науки // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Ч. 1. Материалы Международной научной конференции 5–6 февраля 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 7–24.
5. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 15.07.2021).
6. Aleixandre-Benavent R., Agulló Albuixech R., Agulló Calatayud V., Valderrama-Zurián J.C. Terminología y lenguaje deportivo del fútbol. Cultura, Ciencia y Deporte, vol. 2, núm. 6, junio, 2007. P. 117-123.
7. Cabré M.T. Terminología y lingüística: la teoría de las puertas // Terminologies nouvelles. Terminologie et diversité culturelle, 21. P. 10–15. URL: <http://elies.rediris.es/elies16/Cabre.html> (дата обращения: 16.07.2021)
8. Diccionario de Real Academia Española. DRAE. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 12.07.2021).
9. Reglas oficiales de baloncesto 2018. URL: <https://www.fiba.basketball/es/basic-rules> (дата обращения: 27.07.2021).
10. Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.07.2021).

Информация об авторах

М.А. Хрусталева – кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;
Е.Н. Казакова – бакалавр,
Пермский государственный национальный исследовательский.

Information about the authors

M.A. Khrustaleva– Ph.D. (Philology), Associate Professor,
Linguistics and Translation Department,
Perm State University;
E.N. Kazakova– Bachelor,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 03.10.2021; одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 20.10.2021.

The article was submitted 03.10.2021; approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 20.10.2021.

Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 74–82.

Eurasian humanitarian journal. 2021. No. 4. P. 74-82.

Научная статья

УДК 821.161.1

ПАМЯТЬ О РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ХЕЙДОКА

Ли Шуан

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
lstauren@gmail.com

Аннотация. В статье проанализирована тема памяти о России в рассказах писателя русского «восточного» зарубежья А. Хейдока. Материалом послужил сборник «Звезды Маньчжурии», содержание которого было основано на личном духовном опыте писателя, а также на некоторых реальных исторических событиях, в которых писатель принимал участие. Сборник свидетельствует о глубоких размышлениях писателя над историческими и социальными проблемами его времени. Научная новизна исследования заключается в изучении того, как в рассказах Хейдока воплощалась тема памяти о России. Рассказы, включённые в сборник, достоверно отражали жизнь русских эмигрантов в Китае, передавали их трагический опыт, полученный в период русских и китайских гражданских войн, и связанные с ним мысли и эмоции, раскрывали духовный мир эмигрантов, поднимали важные проблемы того времени. Эти размышления обогатили как русскую, так и китайскую литературу XX в. Писатель раскрывал разные аспекты трагической памяти представителей эмиграции: в рассказе «Безумие желтых пустынь», в частности, раскрыто «безумие» войны; в рассказе «Храм снов» показана глубокая связь всех мировых культур и одновременно отображена тоска по Родине и неизбежность грядущего «собрания» национальной культуры – исторического возвращения всех русских людей в Россию. А. Хейдок являлся глубоким и предельно объективным мыслителем, у которого имелся собственный уникальный взгляд на события революции и Гражданской войны, а также на будущее России. Память о России, постоянно присутствовавшая в сознании героев произведений и автора, оказалась своеобразной точкой отсчёта для оценки описываемых событий, поддерживала духовную связь эмигрантов с их Родиной.

Ключевые слова: Русская литература Китая, А. Хейдок, сборник «Звезды Маньчжурии», рассказ, образ России, тема памяти

Для цитирования: Ли Шуан. Память о России в творчестве А. Хейдока // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 74–82.

Original article

MEMORY OF RUSSIA IN THE WORK OF A. HAYDOCK

Li Shuang

Postgraduate student of Russian literature, Perm State University, Perm, Russia
lstauren@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to analyse the theme of "memory of Russia" on the material of the stories of the writer of Russian "eastern" abroad A. Haydock. The collection "Stars of Manchuria", which has been based on the writer's personal spiritual experience, as well as some real historical events, in which the writer participated, is considered in the article. The collection testifies to deep reflections of the writer on historical and social problems of his time. The scientific novelty of the work lies in the approach to the study of how the theme of "memory of Russia" was embodied in Haydock's stories. The stories in this collection accurately reflect the life of Russian émigrés in China, conveying their tragic experiences during the Russian and Chinese civil wars and their thoughts and emotions, revealing the spiritual world of émigrés and raising important problems of their time, and these reflections enrich both Russian and Chinese literature of the 20th century. The writer showed different aspects of the tragic memory of emigrants: in the story "The Madness of the Yellow Desert" the "madness" of war was revealed; in the story "The Temple of Dreams" the deep connection of all world cultures was shown, and simultaneously the homesickness and inevitability of the impending "gathering" of national culture – the historical return of all Russian people to Russia was displayed. A. Haydock was an objective deep thinker who had his own unique view of the events of the Revolution and the Civil War and the future of Russia. "Memory of Russia", constantly present in the minds of the heroes of works and the author, was a kind of point of reference to assess the events described, maintained the spiritual connection of emigrants with their homeland.

Keywords: Russian literature in China, A. Haydock, collection "Stars of Manchuria", story, image of Russia, theme of memory

For citation: Li Shuang. Memory of Russia in the work of A. Haydock. Eurasian humanitarian journal. 2021;4:74-82. (In Russ.).

Введение

Память о Родине – важнейшая тема литературы русской эмиграции. Почти каждый писатель-эмигрант так или иначе выражал свою любовь к России, описывая в своих произведениях пейзажи родного города или села.

XX в. был очень сложным для русской нации: политические беспорядки 1900-х гг., Первая Мировая война, Октябрьская революция и последовавшая за ней Гражданская война, Вторая мировая война, распад Советского Союза – эти события оказали глубокое воздействие на все аспекты жизни российского общества (экономику, образование, литературу) и привели к значительным изменениям.

Одно из самых оригинальных явлений русской культуры XX в. – литература, созданная русскими эмигрантами, разбросанными по всему миру, в том числе по разным городам Китая, прежде всего, в Харбине и Шанхае. «После многочисленных кровавых событий, произошедших в России в начале XX в., одним из мест, куда остатки русской армии и беженцы могли скрыться из объятай гражданской войной страны, были находившиеся на китайской территории города Харбин (и другие населённые пункты, расположенные вдоль Китайско-восточной железной дороги) и Шанхай» [Красноярова 2020: 144].

Русские интеллектуалы покидали родину по разным причинам. Например, по политическим: несогласие с политикой большевиков. А иногда причиной отъезда могло оказаться просто случайное стечение обстоятельств, из-за которых им приходилось покидать свою Родину. Какова бы ни была причина отъезда, русские люди, уехавшие из своей страны, продолжали творить в чужих странах.

В своих произведениях они выражали собственные мысли и чувства, сохраняли картины жизни их родины. Обретённый ими новый исторический опыт был своеобразно осмыслен и запечатлён в творчестве русских писателей-эмигрантов. Критически описывая жестокости войны, современную политическую ситуацию, русские писатели-эмигранты выражали собственное отвращение к войне и недовольство действиями властей, а также критиковали социальную ситуацию в Советской России.

Творчество русских писателей-эмигрантов, оказавшихся в Харбине и Шанхае, демонстрирует, как тесно переплетались в их произведениях размышления о Родине с изображением мест, в которых они оказались в «новой» жизни. «Русские анклав», существовавшие в городах Харбин и Шанхай, расположенных на китайской территории, представляют в культурологическом плане уникальное явление. Они стали «островами спасения» <...> и одновременно «анклавами» русской культуры на Востоке. Несколько сотен тысяч русских людей <...> воспринимали себя как последних носителей и «хранителей» русской культуры; они органично ощущали свою «включённость в культуру Серебряного века», ориентируясь на его поэтические традиции, и воспроизводили авторское мироощущение его «атмосферы» [Арустамова, Кондаков 2019: 96].

Основная часть

Один из наиболее известных русских писателей-эмигрантов, попавших в Китай, был А.П. Хейдок. В 1929 г. в Харбине Хейдок опубликовал свой первый рассказ «Человек с собакой». Рассказы и небольшие повести стали основной частью творчества Хейдока, и одной из отличительных особенностей было наличие отчётливых характеристик времени и особенностей регионов, в которых он жил.

В 1934 г. Хейдок издал сборник «Звезды Маньчжурии», который сделал его известным и долгое время был знаковым для его творчества. Сборник содержал 17 рассказов («Маньчжурская принцесса», «Призрак Алексея Бельского», «Храм снов», «Безумие желтых пустынь», «Таёжная сказка» и другие), содержание которых было основано на личном опыте писателя и описании некоторых реальных исторических событий, в которых он принимал участие. Этот сборник свидетельствовал о глубоких размышлениях писателя над социальными проблемами его времени.

Рассказы, раскрывающие разные аспекты жизни эмиграции, объединялись описываемой исторической эпохой, тематикой и проблематикой (взаимодействие между цивилизациями разных народов; общие социальные проблемы), системой постоянно повторяющихся мотивов – смерти, сна, размышлений о будущем и т. п.

В произведениях Хейдока, созданных в Харбине, с одной стороны, развивались традиции русской классической литературы: в них содержались размышления о проблемах России и выражались чувства современников писателя (эмигрантов, заброшенных судьбой в Маньчжурию); с другой стороны, в них нередко обнаруживалось обращение к китайским национальным традициям, присутствовали описания трудностей жизни китайского народа, его быта и культуры. В его произведениях образы Китая и России нередко оказывались тесно связанными, а русские люди показывались интегрированными в атмосферу китайского общества.

Например, в рассказе «Маньчжурская принцесса», опубликованном в сборнике «Звезды Маньчжурии», описывалась любовь китайки и русского, такая любовь, которой не препятствуют различия в жизненных привычках, национальных традициях или религиозных представлениях, а также исторические эпохи. Любовь героя и героини проходит через несколько «телесных перерождений», их воспоминания о прошлой жизни раскрывают сложные процессы взаимодействия культур и условность национальных и сословных препятствий.

Основное место событий, описываемых в сборнике, – Маньчжурия и прилегающие к ней регионы тогдашнего Северного Китая – Внутренняя и Внешняя Монголия, северо-запад Китая – провинция Синьцзян. Именно сюда бежали из России остатки войска Колчака – белогвардейцы, которых описал в своих рассказах Хейдок. Конечным пунктом назначения

был для них город Харбин, ставший новым местом жительства, прибежищем, замещающим Родину. Солдаты, прибывшие в этот город, стали важной частью русского населения Харбина.

В рассказе «Безумие жёлтых пустынь», опубликованном в том же сборнике, Хейдок описал события войны 1919–1921 гг., в результате которой Внешняя Монголия, являвшаяся до конца династии Цин территорией Китая, была отделена от него. 3 февраля 1921 года войска барона Унгерна захватили город Урга (современный город Улан-Батор), и предводитель армии на некоторое время стал фактическим правителем Монголии.

Писатель стремился максимально объективно описать события, которые происходили во время этой войны. В рассказе, с одной стороны, показана храбрость белогвардейцев, с другой стороны – «безумие» и бессмысленность войны, развязанной для достижения непонятных людям целей, во время которой неизбежно гибнет множество представителей мирного населения, а действия армии оказываются бесчеловечными.

Рассказ «Безумие жёлтых пустынь» глубоко раскрывал противоречивую и трагическую эпоху. Само название рассказа оказывалось символом коллективного сумасшествия Гражданской войны в России, превращавшей окружающее пространство в пустыню и втягивавшей в свой смертельный круговорот окружающие земли. «Они шли, пожирая пространство Азии, и впитывали в себя ветры древней Гоби, Памира и Такла-Макана, несущие с собой великое беззаконие и дерзновенную отвагу древних завоевателей» [Хейдок 1934: 39]. Автор показывает отсутствие у воюющих каких-либо осмысленных целей и идеалов: «Шли – чтобы убивать, или – быть убитыми...» [там же].

Писатель предлагал собственную оценку происшедших событий, раскрывая их с особой точки зрения – с точки зрения заботы о будущем развитии России. Именно такой позицией Хейдок отличался от большинства других русских эмигрантов, заброшенных судьбой в Китай (которые нередко выступали за начало нового этапа Гражданской войны, призванной покончить с «советской властью»).

Размышляя о войне и о судьбе России, он проявлял мудрость – в его описаниях событий не было злобы: он вёл себя как объективный и трезвый мыслитель, у которого имелся собственный уникальный взгляд на события революции и Гражданской войны, собственные взгляды на будущее России. «Память о России», постоянно присутствовавшая в сознании как героев произведения, так и автора, оказывалась своеобразной точкой отсчёта для оценки описываемых событий.

В конце рассказа «Безумие жёлтых пустынь» А. Хейдок воспроизвёл картину бессмысленной смерти, характеризующую войну, в которую оказались втянуты русские люди: «В этот именно момент [утро «жестокого дня», когда караваны верблюдов по древним дорогам пустыни отправились в Тибет, Гималаи, Среднюю Азию, а монголы из соседних с Ургой сёл повели коней на водопой. – Л.Ш.] Жданов [главный герой рассказа, близкий по своей позиции автору. – Л.Ш.] отправился в одну страну, где он ещё не побывал и откуда не возвращаются...» [Хейдок 1934: 39–41]. Смерть и жизнь героя интерпретируются, как очередной этап бесконечного всеобщего путешествия, в котором находятся тела и души всех людей.

А. Хейдок прожил в Китае 26 лет, и всё это время он испытывал сильную тоску по Родине. Многие из его произведений содержали воспоминания о России, но в наиболее яркой и символической форме они выразились в рассказе «Храм снов», опубликованном в сборнике «Звезды Маньчжурии».

Рассказ «Храм снов» написан от первого лица – прапорщика Рязанцева, который – вместе со своим другом Кострецовым – бежал из расположенного в Китайском Туркестане концентрационного лагеря, где находились интернированные войска атамана Анненкова.

Кострецов, как и многие другие русские эмигранты, оказавшиеся в Северном Китае, был «высокообразованным человеком», изучавшим восточные языки; до начала войны он занимался археологией и «даже посещал в составе научной экспедиции те же места, по которым лежал наш путь» [там же: 25].

В пустыне Кострецов случайно обнаруживает камень с изображением бога Тота, символом которого являлась птица ибис, и понимает, что «знак ибиса в Китайском Туркестане как раз подтверждает вывод, к которому он пришёл в Египте, занимаясь раскопками» [там же: 26]. Это вывод о существовании устойчивых связей между древними цивилизациями, которые не только характеризуют прошлое человечества, но и оказывают постоянное воздействие на его будущее.

Представления о боге Тоте – одном из наиболее архаичных богов человечества – уходят в глубокое прошлое. Согласно египетской (и греческой) мифологии, бог Тот соотносился с Луной, являлся Владыкой Неба, Земли и подземного мира, одним из разделителей стихий и создателей человеческого мира, возникшего из первичного хаоса, а также был посредником между богами и людьми [Мифы народов мира 1992: 521–522]. Кроме того, он отождествлялся с глубокими познаниями, тайнами мироздания, считался создателем иероглифической письменности и книг [там же].

Особая роль Тота заключалась в том, что он рассматривался как создатель календаря и властитель *памяти*, определявший *судьбы* людей, и считался их сопроводителем в Царство мёртвых [Тураев 1898].

Мифологизированными были и представления о воплощении Тота – священной птице Ибис (почитавшаяся многими древними народами (египтянами, иудеями, греками, ранними христианскими народами), которая была соотнесена как с солнечным, так и с лунным миром, и символизировала справедливость и истину, а также настойчивость души [там же] Поэтому указание в рассказе на бога Тота и Ибиса сразу же вводило в произведение темы *памяти* и *судьбы* человека.

Обращение Хейдока к мифологическим образам бога Тота и священной птицы Ибиса, а также к теме провидческих снов неслучайно. В китайских мифологических представлениях не было бога, которого можно было бы назвать полным аналогом египетского Тота, однако некоторые аналогичные функции выполняла «лунная» богиня в китайской мифологии по имени Чанси [常羲], которая занималась «регулированием» начал Ян и Инь, а также наблюдала за ходом времени. Творцом мира, преобразовавшим изначально царивший в мире бесформенный хаос, в китайской мифологии считался родившийся из вселенского яйца первый человек Паньгу, который отделил Инь от Ян и сотворил «мутную» часть мира – землю (Инь) и его «светлую», «прозрачную» часть – небо (Ян).

Создателем первой иероглифической письменности – пиктограмм – считался мифологический учёный-историограф Цан Цзе [仓颉]. Журавль (птица, немного похожая на Ибиса) рассматривался в качестве символа долголетия, а его появление или упоминание считалось как пожелание бессмертия. В Китае не существовало каких-либо специальных «Храмов снов», однако с древних времен китайцы придавали большое значение сновидениям и верили, что сны – это особое предзнаменование, которое боги (или Небо, или Дао) время от времени посылают каждому человеку.

Так, например, Конфуций однажды сказал своим ученикам: «Я слишком стар, и Чжоу-гун («чжоуский князь» Zhōu Gōng – 周公. – Л.Ш.) давно не появлялся в моём сне». С тех пор люди полагали, что Чжоу Гун может помогать людям предсказывать будущее посредством анализа снов и что он является во сне счастливым, что оказывает им огромную помощь в жизни.

А. Хейдок, несомненно, знал о вере китайцев в «вещие» сны, но он хотел в своём рассказе раскрыть связи, существовавшие между культурами древних народов (эта мысль писателя соотносилась с представлениями его друга – великого художника и мыслителя Н. Рериха, знакомство с которым произошло в Харбине примерно в тот же период, когда шла работа над сборником «Звезды Маньчжурии») и показать важность связей между настоящим, прошлым и будущим.

Следуя таинственным указаниям, идущим от Тота-Ибиса – Лунного бога египтян – герои рассказа находят затерянный Храм Снов. «Овальное основание, колоннада со всех сторон: плоская крыша без всяких шпилей (современное: шпилей. – Л.Ш.) и башенок, – только зубчатый карниз; весь он сосуд, отверзший небу, ухо земли!» [Хейдок 1934]. В этом храме «все страждущие и обиженные судьбой могли видеть сны, в которых воплощались все их желания и восстанавливалось утерянное счастье...» [там же].

Для Хейдока как писателя всегда были важны *поступки* героев его произведений, а также то, какие *следствия* они имеют для жизни человека. В рассказе «Храм снов» показывается другой аспект жизненного выбора человека – отказ от действия, *недеяние*, на которое провоцирует человека затерянное в пространстве и времени святилище. Его посещение имело для людей одно следствие: если они начинали предаваться «прекрасному ложному сну», отказываясь от реальной жизни в пользу жизни иллюзорной, то это неизбежно приводило их к смерти. «Монахи вынесли ещё два трупа – жертв нечеловеческой радости, которая убивает. Их бросают в овраг, где днём и ночью грызутся шакалы» [Хейдок 1934: 28].

Оказавшись в таинственном Храме, главный герой видит во сне символическую сцену, передающую обобщённую мечту большинства российских эмигрантов – возвращение на Родину.

«Суэта на вокзале... [можно предположить, что это вокзал – харбинский. – Л.Ш.]. На перроне полно народа – негде поместиться... Все – русские... Несут без конца баулы, чемоданы, корзинки. Носильщики в помятых картузах и запачканных передниках катят тележки с багажом. Тележки скрипят, визжат, носильщики переругиваются – никак не проедешь... Гам, смех, веселая толкотня... Ничего не могу разобрать, где я, что такое творится...»

– Скажите, пожалуйста, – обращаюсь я к бородатому человеку купеческой складки, в картузе и поддевке, у которого все лицо – сплошное благодушие и радость, – куда же весь этот народ едет?

– Как куда? – удивляется он. – С луны вы свалились¹?.. Домой – в Россию едем! Большевиков прогнали – всей нашей маяте конец пришёл... Можно сказать, народ так обрадовался, так обрадовался...» <...>

Я стою, опешивши, а потом спохватываюсь: ведь правда, в самом деле! Люди сказали... Надо и мне обратно, в Тамбовскую губернию! <...>

Ещё другие – живые и мёртвые, шкурники и герои, – все спешат возвратиться... А тут, рядом, на веером раскинувшихся запасных путях – эшелоны, без конца эшелоны... И все вагоны украшены зелёными берёзками (зелёные берёзки – традиционное в России украшение «свадебного поезда». – Л.Ш.); на орудийных лафетах – венки; звуки дюжины гармоник и веселого солдатского трепака несутся со всех сторон...» [Хейдок 1934: 30].

¹ Устойчивое в русском языке выражение «упасть/свалиться с луны/неба», обозначающее неожиданное появление или указывающее на человека, который не может правильно осмыслить очевидное и понятное всем окружающим явление, в данном случае приобретает ещё и буквальное значение: человек действительно как бы «пришёл с Луны»: он видит вещий сон в открытом Небу храме Лунного Бога.

Символическая сцена возвращения на Родину выражала стремления всех русских эмигрантов, разбросанных по разным странам. Неслучайно в действие, воспроизведённом в рассказе, принимают участие как живые, так и погибшие персонажи. Образы затерянного в китайской пустыне Храма Снов, харбинского железнодорожного вокзала и России в воображении героя сливаются в единое целое.

Храм Снов предоставляет главному герою возможность пережить воплощение мечты, которую было невозможно реализовать в ту эпоху, но которая вполне могла быть осуществима в немного более отдалённой перспективе – в результате совместных *действий* всех русских людей, находящихся по обе стороны границы (что и произошло в реальной жизни самого писателя).

Символическое возвращение в Россию, описанное в рассказе Хейдока, указывает на важнейший аспект события: возвращаться должны не только живые люди, но и *погибшие*. Только сохранение *памяти* о прошлом и его героях позволяет переходить к будущему и создаёт основу для проявлений *истинного* патриотизма.

Академик Ли Яньлин писал в статье «Прекрасный цветок в мировой литературе»: «Как и вся русская литература, литература русской эмиграции в Китае является литературой патриотической. Россия – это место, где родились и выросли они и их матери. У них была глубокая привязанность к России. Её горы, реки, леса, поля, дома – все это навсегда было запечатлено в их душах»¹ [Ли Яньлин 2002: 8].

Вопрос о месте творчества А. Хейдока в литературе русского китайского зарубежья и о его значении для развития национальной культуры решается литературоведами по-разному. Китайская исследовательница Ван Ямин указывала, что, хотя статус Хейдока в литературе русской эмиграции был не столь высок, как у А. Несмелова, его любовь к китайской культуре была не так глубока, как у В. Перелешина, а международный авторитет его произведений не так значителен, как у Н. Байкова, уникальный стиль, оригинальность образов и использование разнообразных китайских «элементов» сделали его одним из наиболее ярких писателей Харбина [Ван Ямин 2005: 54].

Другой точки зрения придерживался известный переводчик и литературовед профессор Сюй Чжэнья, который считал, что понимание Хейдоком китайской культуры и жизни китайского общества – несмотря на то, что в его рассказах нередко описывались пейзажи и архитектура Китая, воспроизводилась китайская религиозная мысль, – было поверхностным, исходящим из стереотипных представлений о «восточных людях» [Сюй Чжэнья 2002: 42].

В российском литературоведении дискуссия о творчестве Хейдока протекала в несколько ином аспекте: исследователей прежде всего интересовал вопрос о том, в какой степени в принципе оказывается возможным «духовное соединение» Китая и России.

Так, Е.Г. Иващенко отмечает, что «Звезды Маньчжурии» «являют некий сплав духовных культур китайцев, монголов, русских»; книгу можно рассматривать «как попытку русского эмигранта интегрироваться в чужую культурную среду», «найти общее в духовной традиции русского и восточного народов», когда «объединяющим началом становятся мистические основания древних культур» [Иващенко 2008: 104].

Заключение

Образ Китая в творческом сознании русских эмигрантов нередко выполнял функцию «временного заместителя» образа России. Герои повестей и рассказов Хейдока, пытаясь «войти» в китайскую культуру и в жизнь китайского общества, исходили из опыта, полученного ими в

¹ Перевод цитаты на русский язык осуществлен автором статьи.

период российской Гражданской войны. Творчество А. Хейдока стало органичной частью «китайского текста» русской литературы, который начал формироваться в XIX в. и достиг своего расцвета в 1920–1930-е гг. в русской эмигрантской литературе, существовавшей на территории Маньчжурии. Как отмечают современные исследователи, «возникновение в русской культуре <...> «китайского контекста» и связанного с ним «китайского текста» способствовало <...> развитию у российских читателей представления об истории, природе, быте, традициях, религии и философии Китая» [Кондаков, Красноярова 2017: 127].

Описывая природу Маньчжурии или изображая реку Сунгари, представители русской эмиграции стремились разглядеть в них пейзажи своей Родины. Русские писатели-эмигранты родились и выросли под воздействием образов прекрасной природы своей родины, они учились и развивались в рамках своей национальной культуры. Религиозные верования, обычаи и привычки, характерные для людей России, были глубоко запечатленные в их душах, отразились в образах их произведений, связанных с их любимой родиной.

Образ исчезнувшей Родины воссоздавался при помощи описания небольших русских городов, посёлков и деревень, а также существовавшей в них оригинальной местной культуры (например, рассказ «Волки» А. Несмелова), и в ряду таких «региональных» образов, сохранявших память о России, несколько парадоксально стал город Харбин, являвшийся отдалённой провинцией Китая – регионом, далёким от центра и от исторических китайских столиц.

Рассказы А. Хейдока достоверно отражали жизнь русских эмигрантов в Китае, передавали их мысли и эмоции, раскрывали их духовный мир, поднимали важные социальные проблемы своего времени. Размышления писателя и его героев обогатили как русскую, так и китайскую культуру XX в. Произведения А. Хейдока помогают современному читателю объективно оценить культурно-историческое значение уникального исторического явления – русской эмиграции – и понять созданную ею литературу.

Крупнейший деятель русской эмиграции, писатель и критик З.Н. Гиппиус писала: «Многомиллионная Русь на своей земле, и миллионная Русь на чужой, – та же Русь, как и та же будет океанская вода, сколько её ни зачерпнуть» [Гиппиус 1930: 11].

В рассказах А. Хейдока показано, как память о России помогала поддерживать духовную связь русских людей с Родиной и одновременно укрепляла связи с окружающим миром, с культурой других народов, среди которых эмигрантом довелось жить. Эти воспоминания оказались своеобразной «теплой гаванью» в глубине их душ.

Список литературы

1. Арустамова А.А., Кондаков Б.В. Начало пути: стратегии поэтического самоопределения в ранней лирике О. Скопиченко, М. Визи, Е. Грот // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 90–97.
2. Гиппиус З.Н. Наше прямое дело / З.Н. Гиппиус, К.Р. Кочаровский Что делать русской эмиграции. Париж, 1930 // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 13: У нас в Париже: Литературная и политическая публицистика 1928–1939 гг. Воспоминания. Портреты. М.: Дмитрий Сечин, 2012. 656 с.
3. Иващенко Е.Г. Пересечение культурных традиций в сборнике А. Хейдока «Звёзды Маньчжурии» // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 2: Литературоведческая россика. Благовещенск, 2008. С. 104–108.
4. Кондаков Б.В., Красноярова А.А. Китайский текст и китайский контекст в русской литературе XIX в. (к постановке проблемы) // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 123–127.
5. Красноярова А.А. «Китайский текст» в русской литературе XX в. (на примере произведений Б. Пильняка и Е. Полевого) // Филология в XXI в. 2020. № 1 (5). С. 150–157.
6. Мифы народов мира / Главный редактор Токарев С.А. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. 720 с.

7. Тураев Б.А. Бог Тот. Лейпциг: Типография Бокгауза, 1898. 226 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/file/23290-Бог-Тот.pdf> (дата обращения 27.10.2021).

8. Хейдок А.П. Звёзды Маньчжурии: рассказы с предисловием академика Н. Рериха. New York: New-Syndicate, 1934. 148 с.

9. 王亚民. 论俄侨作家阿尔弗雷德·黑多克的短篇小说. 兰州大学学报 (社会科学版). 2005. № 5. 54–59 页. Ван Ямин. О рассказах русского писателя-эмигранта А. Хейдока // Вестник Ланьчжоуского университета. Сер. Общественные науки. 2005. № 5. С. 54–59.

10. 李延龄. 世界文学园地中的一簇奇葩 // 俄罗斯文艺. 2002. № 6. 8–15 页. Ли Яньлин. Прекрасный цветок в мировой литературе // Русская литература и искусство. 2002. № 6. С. 8–15.

11. 徐振亚. 俄罗斯侨民作家黑多克和他的《满洲之星》 // 俄罗斯文艺. 2002. № 6. 36–42 页. Сюй Чжэнья. Писатель русской эмиграции А. Хейдок и его «Звезды Маньчжурии» // Русская литература и искусство. 2002. № 6. С. 36–42.

Информация об авторе

Ли Шуан – аспирант кафедры русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

Li Shuang – Postgraduate student,
Department of Russian Literature,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021.

The article was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021.

Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 83–88.
Eurasian humanitarian journal. 2021. No. 4. P. 83-88.

Научная статья
УДК 811.134(09)

«ПРОКЛЯТИЕ» ЯЗЫКА В РОМАНЕ М. ПУИГА “MALDICION ETERNA A QUIEN LEA ESTAS PAGINAS”

Анастасия Петровна Чагина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
liolio@list.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается шестой роман аргентинского писателя-постмодерниста Мануэля Пуига (Manuel Puig, 1932–1990) «Вечное проклятие на того, кто прочтёт эти страницы» (Maldición Eterna a Quien Lea Estas Páginas, 1980). Писатель ранее уже обращался к размышлению над языковыми особенностями разных вариантов испанского языка, но в рассматриваемом романе его внимание сосредоточено на языке как социальном феномене. Произведение изначально написано на английском языке под впечатлением от знакомства с молодым ньюйоркцем, а после переведено самим писателем на испанский язык. Роман, основанный на личных переживаниях писателя, представляет собой попытку приблизиться к пониманию Другого и через него познать Я. Представляется, что одним из основных препятствий на пути взаимопонимания является язык как средства общения, поскольку он искажает реальность, мысли и чувства, порождает ложь. Кроме того, в романе демонстрируется «сила слова», иначе говоря, способность языка и слов оказывать значительное влияние на жизнь человека, менять судьбы. Центральное место языка в произведении стало предметом нашего интереса. В статье анализируется роль языка, в том числе многоязычия (в художественной системе романа и сюжете значимое место занимает французский язык), и речи, как социальных явлений, в сюжетно-образной системе романа. Сделан вывод о том, что автор не только стремится воссоздать живую речь людей, являющихся прототипами романских героев, но и уделяет большое внимание размышлению о роли языка в жизни человека. Осмысление героями языка занимает центральное место в сюжетно-образной системе романа, раскрывает характеры персонажей и авторский замысел.

Ключевые слова: Мануэль Пуиг, роман, язык, речь, многоязычие, сюжетно-образная система

Для цитирования: Чагина А.П. «Проклятие» языка в романе М. Пуига “Maldicion eterna a quien lea estas paginas” // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 83–88.

Original article

«CURSE» OF LANGUAGE IN THE NOVEL BY M. PUIG «MALDICIÓN ETERNA A QUIEN LEA ESTAS PÁGINAS»

Anastasia P. Chagina

Perm State National Research University, Perm, Russia, liolio@list.ru

Abstract. This article examines the sixth novel by the Argentine postmodern writer Manuel Puig (1932–1990), Eternal Curse on the Reader of These Pages (Maldición Eterna a Quien Lea Estas Páginas, 1980). The writer has previously turned to thinking about the linguistic features of different variants of the

Spanish language, but in the novel under consideration, his attention is focused on language as a social phenomenon. The work was originally written in English under the impression of meeting a young New Yorker, and then translated by the writer himself into Spanish. The novel, based on the personal experiences of the writer, is an attempt to get closer to understanding the Other and through him to know the I. It seems that one of the main obstacles to mutual understanding is language as a means of communication, since it distorts reality, thoughts and feelings, generates lies. In addition, the novel demonstrates the "power of the word", the ability of language and words to have a significant impact on a person's life, to change destinies. The centrality of the language in the work has become the subject of our interest. The article analyzes the role of language, including multilingualism (the French language occupies a significant place in the artistic system of the novel and the plot), and speech, as social phenomena, in the plot-figurative system of the novel. It is concluded that the author not only seeks to recreate the living speech of people who are prototypes of novel heroes, but also pays great attention to thinking about the role of language in human life. The understanding of the heroes of the language takes a central place in the plot-figurative system of the novel, reveals the characters inner world and the author's intention.

Keywords: Manuel Puig, novel, language, speech, multilingualism

For citation: Chagina A.P.. «Curse» of language in the novel by M. Puig «Maldición eterna a quien lea estas páginas». Eurasian humanitarian journal. 2021;4:83-88. (In Russ.).

Введение

Аргентинский писатель Мануэль Пуиг (Manuel Puig, 1932–1990) считается одним из первых представителей постмодернистского течения в Латинской Америке и жанра «поп-арт» в литературе (см.: [Amido эл. р.; Vocchino 2001; Levine 2021; Speranza, 2000]). Элементы массового искусства органично вплетаются в ткань его романов, создавая яркие и пёстрые картины повседневной жизни обычных людей. Лингвист и литературный критик Н. Каррикабуро отмечает, что М. Пуиг во многом обращается к устной традиции, которая всегда играла значимую роль в культуре латиноамериканских стран [Carricaburo 2003]. В изустном творчестве часто основной объём текста составляют речи героев, а их действия описываются кратко и скудно [Идельбаев 2001]. Схожую картину мы наблюдаем в романах М. Пуига. Писатель позволяет героям самим рассказывать историю, используя такие повествовательные формы, как диалоги без слов автора, телефонные разговоры, стенографические и дневниковые записи, письма, отчёты и другие. Автор уделяет особое внимание тому, что и как говорят его герои, стремясь воспроизвести естественную речь определённого социального уровня.

Одержимость М. Пуига зарубежным кинематографом пробудила в писателе интерес к языкам: ведомый желанием смотреть фильмы в оригинале и вырваться за рамки аргентинской культуры, он овладел английским, итальянским, французским, португальским языками на достаточно высоком уровне, чтобы работать переводчиком и в дальнейшем править или осуществлять переводы собственных романов на эти языки. Благодаря желанию творить «кино», М. Пуиг оказался в Европе, а позднее сложная политическая ситуация в Аргентине вынудила писателя покинуть родину навсегда и провести остаток жизни в «изгнании», преимущественно в Мексике, США и Бразилии. Такой тесный контакт с чуждой языковой и культурной средой находит своё отражение в творчестве М. Пуига. Так, он пишет первые сценарии на английском, а не на родном испанском языке, стремясь получить признание на международном уровне [Logie, Romero 2008: 4]. Персонажи романов часто повторяют судьбу писателя и также оказываются за границей. Сначала контакты с чужой культурой носят временный характер: один из героев «Крашеных губок» («Voquitas Pintadas», 1969) уезжает в Испанию на лечение, главная героиня «Любови в Буэнос-Айресе» («The Buenos Aires Affair», 1973) некоторое

время живёт в Нью-Йорке, герои «Поцелуя женщины-паука» («El Beso de la Mujer Araña», 1976) открывают для себя другие страны через погружение в сюжеты кинолент. В поздних произведениях всё действие протекает за рубежом, отражая ситуацию «изгнания», в которой находился писатель. Представляется, что язык для М. Пуига не только является художественным материалом, как мрамор для скульптора, но и играет активную роль в настроении сюжетно-образной системы произведения и важен для понимания идей, заложенных автором.

Основная часть

Сюжет романа «Вечное проклятие на того, кто прочтёт эти страницы» («Maldición Eterna a Quien Lea Estas Páginas», 1980) развивается в Нью-Йорке и сосредоточен на отношениях и разговорах двух полярных персонажей, как это было и в романе «Поцелуй женщины-паука». Один из главных героев, аргентинец, покидает родину по политическим причинам и попадает в больницу совершенно чужой ему страны – США. Он слаб и одинок, поэтому нуждается во внимании. Роман, как и большинство произведений М. Пуига, во многом автобиографичен: сеньор Рамирес представляет собой своего рода Alter Ego писателя, который был вынужден бежать из Аргентины, подвергнувшись жёсткой цензуре и критике со стороны властей за роман «Любовь в Буэнос-Айресе», и в 1976 г. оказывается в Нью-Йорке. Второй главный герой по имени Ларри подрабатывает в больнице, и в его обязанности входит забота об аргентинском господине. Прототипом Ларри является молодой американец, знакомый писателя. Хорошо известно, что М. Пуиг неоднократно изображал в произведениях родственников, друзей и просто знакомых. Например, в «Предательстве Риты Хейворт» («La Traición de Rita Heuworth», 1968) или в «Крашенных губках» автор воссоздаёт родной город и его обитателей. Однако в анализируемом романе впервые источником вдохновения М. Пуига становится иностранец. Роман в некотором роде является разговором автора с этим человеком, попыткой осмыслить их отношения, преодолеть пропасть недопонимания, вызванную культурной и возрастной разницей, и таким образом понять другого. «Вечное проклятие на того, кто прочтёт эти страницы» – первый и единственный роман М. Пуига, написанный изначально на английском языке и лишь потом переведённый самим писателем на испанский. И. Лохи и Х. Ромеро полагают, что выбор английского языка обусловлен двумя причинами: во-первых, как символ личного предпочтения автора; во-вторых, как протест против идеологической и эмоциональной нагрузки¹, которую несёт аргентинский вариант испанского [Logie, Romero 2008: 4]. На наш взгляд, такое решение связано с тем, что автор стремился воспроизвести образ реального человека через его речь, манеру общения, язык, и в данном случае этим языком является английский. Похожая ситуация сложилась и со следующим романом писателя – «Кровь взаимной любви» («Sangre de Amor Correspondido», 1982), который основан на рассказах бедного бразильского каменщика. Изначально произведение было написано на португальском языке и переведено на испанский. В последнем романе автора «Падает тропическая ночь» («Caе la Noche Tropical», 1988) главные героини, две сестры преклонных лет, разговаривают на аргентинском испанском, характерном для поколения родителей писателя. Как отмечал сам М. Пуиг, он больше не знал, как разговаривает молодёжь на его родине [Carricaburo 2003: 18]. Как видим, автор считает очень важным элементом произведения правдоподобность речевого портрета персонажей и его соответствие реальным людям – прототипам персонажей.

¹ Язык как отражение консервативной патриархальной системы и тоталитарного режима Перона.

В романе появляется и французский язык. Будучи политическим заключённым, герой романа Рамирес оставил зашифрованные послания на страницах французских романов («Les liaisons dangereuses», «La Princesse de Clèves», «Adolphe»), пронумеровав слова или целые абзацы. Ларри увлечён идеями Маркса и Ленина, одержим желанием разрушить и перестроить существующую систему, однако не решается на активные действия, он может лишь говорить, поскольку это не запрещено законом: «No, en este país se puede hablar de cualquier cosa. Basta con que no actúe. Pero puede leer lo que quiera» [Puig 1980: 105]. Ларри заинтересован в прошлом сеньора Рамиреса, так как тот был частью антиправительственной группировки и применял на практике то, на что самому Ларри решиться сложно. Но аргентинец потерял память и не может поделиться своим опытом, более того, он не хочет ни вспоминать своё революционное прошлое, ни разговаривать об этом. Поэтому, когда Ларри обнаруживает послания на страницах романов, он с упоением погружается в их расшифровку, в надежде найти там ответы на свои вопросы, вернуться к научной деятельности и реализовать своё стремление к бунту через «слова». Заметим, что первая фраза, которую ему удалось прочитать, – «malédiction... éternelle... à... qui lise... ces pages» – означает «вечное проклятие на того, кто прочтёт эти страницы». Представляется, что «проклятием» является прошлое Рамиреса, груз ужасных деяний, о которых старик предпочитает забыть, ведь его действия, убеждения и образ жизни привели к гибели жены и сына. Кроме того, в произведении упоминается письмо, которое сын отправил Рамиресу, когда тот был в заключении. И хотя сам текст письма не приводится в романе, так как оно было изъято сотрудниками тюрьмы, известно, что письмо также написано на французском языке. Таким образом, французский язык, чужой для обоих героев, является своеобразным воплощением тайны (утраченное письмо, зашифрованные записи) и хранителем утраченной «правды», недоступной или нежеланной для героев.

Заметим, что проблема отцов и детей, наряду с социально-политическими вопросами, является одной из центральных в романе: Рамирес пытается через Ларри понять погибшего сына, для которого никогда не был примерным отцом, Ларри же находит в сеньоре Рамиресе отца и наконец может высказать то, что не смог. Тем интереснее, что во многом функции, соответствующие отношениям родитель/ребёнок, оказываются перевёрнуты. Ларри заботится о немощном старике, возит его на инвалидном кресле и даже объясняет значения слов. Так, роман начинается с того, что Рамирес не понимает, почему площадь названа в честь Вашингтона и что вообще значит «в честь»:

– No, le pusieron este nombre en honor a él.

– ¿Qué es eso de «le pusieron este nombre»? [Ibid: 8]

Сначала Ларри считает, что старик плохо знает английский язык, но это не так. Сеньор Рамирес прекрасно знает английский, французский, итальянский языки (как и сам М. Пуиг), знает слова, но не может уловить, «прочувствовать» смысл тех из них, которые обозначают абстрактные вещи. Рамирес не только потерял память, но утратил способность воспринимать связь между словами и эмоциями, которые за ними скрываются. Иначе говоря, он не может понять то, что не испытывал сам. Даже прочитав определение того или иного понятия в словаре, он не в состоянии воспринять его значение. Такая «неспособность» показывает, насколько сильно было эмоциональное потрясение, которое герой испытал ещё до начала повествования. Кроме того, постоянные просьбы Рамиреса объяснить то или иное слово подталкивают героев к спорам и рассуждениям. Например, когда Рамирес просит объяснить, что значит «улыбка», что заставляет нас поднимать уголки рта, Ларри с трудом находит слова для этого. Объяснение получается длинное и путанное, Рамирес едва ли его понимает. Ларри раздражается и говорит, что в улыбках нет смысла, что часто они фальшивы и не соответствуют тому, что человек испытывает на самом деле:

– De acuerdo, demasiadas palabras, ¿pero qué importancia tiene eso de sonreír? Sé que usted no entiende pero una sonrisa puede no significar nada. Se puede sonreír y no sentir nada. La gente lo hace y nada más. Me importa una mierda que sonrían o no.

– No me gusta ese lenguaje.

– Sonreír es una mierda, es falso, vacío, en la mayoría de los casos [Ibid: 21].

Рамиресу не нравится язык, в котором слова обманчивы, но он запоминает объяснение Ларри, и когда позже юноша улыбается, пытаясь ободрить старика, тот воспринимает это как издёвку, повторяя слова самого Ларри: «Sonreír es falso, vacío... una mierda, según sus palabras» [Ibid: 45]. При помощи рассуждений о значении слов автор показывает неоднозначность языка и скрывающихся за ним эмоций. Если улыбка, предназначенная продемонстрировать радость, бывает фальшивой и обманчивой, то и слёзы могут быть вызваны радостью, а не горем и болью: «Cuando los ojos se llenan de lágrimas, dice la Enciclopedia, a veces es de alegría, no siempre de dolor. Parece ser que ciertas emociones muy profundas, aunque positivas, placenteras, hacen llorar» [Ibid: 48]. Иначе говоря, слова ненадёжны, могут трактоваться и пониматься по-разному, им нельзя доверять.

Вместе с тем есть слова, которые трудно произнести, так как они обозначают то, в чём люди не хотят говорить или в чём не могут признаться. Такие слова обнажают слабые места, делают человека уязвимым: «Pero mantuve la fachada, sin ceder, incapaz de decir «no te vayas, te necesito». Creo que eso era lo difícil. Decir «te necesito, soy una persona incompleta, me falta algo. Sin ti me debilito». Eso no lo pude admitir. Parecía tan doloroso, admitir esa necesidad» [Ibid: 218]. И если для Ларри такими словами оказалось признание в том, что он нуждается в другом человеке (своей возлюбленной), то для сеньора Рамиреса самым невыносимым является содержание шифровок на страницах французских романов и письмо его сына.

Сеньор Рамирес не сдаётся, он читает определения в словарях, пытаясь постичь значение того или иного слова. Как человек, потерявший всё и забывший многое, он снова стремится обрести утраченное и научиться понимать мир, других людей и себя самого, старательно избегая при этом правды о своём прошлом. Однако именно он активно втягивает Ларри в процесс осмысления языка, заставляя его иначе взглянуть на мир и подталкивая к откровенным разговорам (об отношениях с матерью, отцом, девушкой и т. д.), которых юноша пытается избежать. Можно сказать, что иногда сеньор Рамирес берёт на себя роль психоаналитика или психотерапевта (герои часто прибегают к теориям З. Фрейда, хотя и в несколько наивной трактовке) и стремится помочь Ларри разобраться в собственной жизни. Представляется, что герои вступают в своеобразную речевую игру: каждый старается глубже проникнуть в жизнь Другого посредством разговоров, сохранив при этом свои тайны.

Заметим, что в определённый момент в романе остаётся только голос, только слова, а реальность – осязаемый видимый мир – утрачивает свою значимость: «Señor Ramírez, por alguna razón especial usted oye mis palabras y hasta siente casi el aliento de mi boca, como si estuviera a su lado. Yo estoy muy lejos en realidad, perdido una vez más» [Ibid: 453]. Сны или галлюцинации сеньора Рамиреса усиливаются, граница между ними и явью утончается. Если сначала «Ларри» появлялся по ночам в темноте больничной палаты и представлял собой пусть и силуэт, но вполне осязаемый, то ближе к концу произведения от него остаётся лишь голос, звучащий в голове Рамиреса, в то время как сам Ларри находится далеко.

Заключение

М. Пуиг уделяет большое внимание речевому портрету героев и роли языка в жизни человека. Он не только скрупулёзно воссоздаёт манеру речи людей, являющихся прототипами его героев, но и рассуждает, размышляет о языке как важной части жизни

человека, которая во многом определяет восприятие окружающего мира, себя и других. Вместе с тем отношение к языку в романе неоднозначно. На одной чаше весов находится Ларри, убеждённый в том, что лишь «слова» не способны повлиять на мир, изменить его. Разочарованный в преподавательской и научной деятельности на историческом факультете, он бросает дело своей жизни. Однако познакомившись с Рамиресом и найдя его записи, он вновь обретает «вдохновение». Послания, зашифрованные на страницах книг, становятся для него важнее, чем их автор. Рамирес, напротив, знает «цену» и «силу» слова, а потому так страшится записей, которые хранят правду о его прошлом, отказывается доверять словам. В итоге Рамирес запрещает Ларри работать с его записями, старик уносит свои тайны в могилу и освобождает юного друга от этого бремени, что сам Ларри расценивает как предательство. Таким образом, отношение героев к языку не только показывает их характеры, но и раскрывает авторский замысел.

Список литературы

1. Идельбаев М.Х. Основные жанры изустной литературы. 2001. [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197436516.pdf> (дата обращения: 01.04.2021).
2. Amido M. H. Cine y literatura. La transposición de Pubis Angelical de Manuel Puig, Sevilla. 98 p. URL: <https://www.academia.edu/27984169> (дата обращения: 17.08.2021).
3. Vocchino A. A. Esa (loca travesti) escritura de Manuel Puig // CeleHis: Revista del Centro de letras Hispanoamericanas. n°13. Mar del Plata. 2001. P. 125–141.
4. Carricaburo N. Un abordaje lingüístico del texto. La sintaxis de la oralidad en *Cae la noche tropical* de Manuel Puig // Letras n° 46/47 (Julio 2002 – Junio 2003). Buenos Aires. 2003. P. 15-32.
5. Corbatta J. Encuentros con Manuel Puig // Revista Iberoamericana. 1983. P. 591–620.
6. Levine S. J. Edipo Ronda la Rampa // Cuadernos de literatura. n°31. 2012. P. 48–64.
7. Logie I., Romero J. Extranjería: Lengua y Traducción en la Obra de Manuel Puig // Revista Iberoamericana, Vol. LXXIV, Núm. 222, Enero–Marzo 2008. P. 1–20.
8. Puig M. La traición de Rita Hayworth. 2000. 203 p. Mode of access: URL: http://recursosbiblio.url.edu.gt/publicjlg/curso/trai_rit.pdf (дата обращения 17.01.2021).
9. Puig M. Maldición eterna a quien lea estas páginas. Barcelona: Seix Barral, 1980. URL: <https://damelibros.com/?sec=ebook&id=10640> (дата обращения: 05.03.2021).
10. Speranza G. Después del fin de la literatura. Buenos Aires: Norma. 2000. 238 p.

Информация об авторе

*А.П. Чагина – старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.*

Information about the author

*A.P. Chagina – Senior Lecturer,
Linguistics and Translation Department,
Perm State University.*

Статья поступила в редакцию 10.10.2021; одобрена после рецензирования 30.10.2021; принята к публикации 30.10.2021.

The article was submitted 10.10.2021; approved after reviewing 30.10.2021; accepted for publication 30.10.2021.

Научная статья

УДК 37

ОТБОР ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ¹

Ван Минь

Шаньдунский женский университет, Цзинань, Китай, wmrussia@163.com

Аннотация. В статье рассматриваются трудности, с которыми сталкиваются китайские студенты при изучении русского языка, особенно на начальном этапе. Студенты, специализирующиеся в области русского языка, в основном обучаются «с нуля», им очень трудно произносить и запоминать большое количество новых слов, а также одновременно понимать и осваивать сложную грамматику. Для преодоления этих трудностей автор предлагает применять лексические единицы в обучении РКИ. В статье анализируются определение и классификация лексических единиц, на этом основании выдвигается три критерия их идентификации. Лексические единицы – эффективные единицы коммуникации, соединяющие лексику и грамматику, они могут быть представлены тремя категориями: 1) устойчивыми словосочетаниями, которые состоят из нескольких слов с фиксированной формой и используются как фраза; 2) идиомами (пословицы, афоризмы, социальные идиомы и другие привычные выражения); 3) лексическими единицами, которые предоставляют композиционную конструкцию для построения полного выражения. Автором показан процесс применения лексических единиц в обучении РКИ, включая идентификацию лексических единиц, составление таблиц и практические упражнения с их использованием. Осознание студентами лексических единиц и овладение ими очень важно в процессе обучения иностранным языкам, а также в преподавании. Положительная оценка дана автором функции лексических единиц в обучении РКИ. Именно они уменьшают когнитивную нагрузку обучающихся во время оформления коммуникативного намерения, с одной стороны, а с другой – они легче усваиваются целиком. Особенно на начальном этапе, опираясь на лексические единицы, студенты могут без проблем решать конкретные коммуникативные задачи в типичных ситуациях; данные конструкции обеспечивают точность, беглость и аутентичность речи учащихся.

Ключевые слова: лексические единицы, русский язык, практическое обучение, начальный период обучения, китайские студенты

Для цитирования: Ван Минь. Отбор лексических единиц при обучении рки на начальном этапе // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 89–95.

Original article

THE USE OF LEXICAL UNITS IN TEACHING RUSSIAN IN THE INITIAL PERIOD

Wang Min

Shandong Women's University, Jinan, China, wmrussia@163.com

¹ ПОДДЕРЖКА ГРАНТОВ Исследование поддержано грантами №2015SD0087B и №NXGDJY03.

© Ван Минь, 2021

Abstract. The article discusses the difficulties faced by Chinese students in studying Russian as a foreign language, especially in the initial period. Students majoring in Russian are beginners who don't have any foundation of Russian. So it is very difficult for them to pronounce and memorize a large number of new words, as well as simultaneously understand and master complex grammar. In order to help students overcome these difficulties, the author suggests the use of lexical units in teaching Russian as a foreign language. The article analyzes the definition and classification of lexical units, on which the author put forward three criteria for identifying lexical units. Lexical chunks are effective communication units that combine vocabulary and grammar, including the following three categories: stable phrases that consist of several words with a fixed form and are used as a phrase; idioms that are stored in memory as language units, including proverbs, aphorisms, social idioms and other familiar expressions; lexical units that provide a compositional structure for constructing a complete expression. The author shows the process of using lexical units in teaching Russian as a foreign language, including the identification of lexical units, the compilation of a table of lexical units and practical exercises using lexical units. Awareness of lexical units and mastering them is very important in the process of learning foreign languages, as well as in teaching. In the article the author gives a positive assessment the functions of lexical units in the teaching of Russian as a foreign language. They reduce the cognitive load of students during the formation of a communicative intention, on the one hand, and on the other – lexical units are easier to assimilate entirely. Especially at the initial stage, relying on lexical units, students can easily implement communicative tasks in typical situations, ensuring accuracy, fluency and authenticity of students' speech.

Keywords: Lexical units, Russian language, practical training, initial period, Chinese students

For citation: Wang Min. The use of lexical units in teaching Russian in the initial period. History and philology. 2021;4:89-95. (In Russ.).

Введение

Расширение международного сотрудничества между Китайской Народной Республикой и России во всех областях экономики, культуры и образования требует от будущего специалиста активного владения русским языком на китайском рынке труда. Следовательно, в Китае увеличивается численность студентов по специальности «Русский язык». В контексте обучения РКИ актуальными и важными задачами являются овладение определённым запасом знаний и получение навыков и умений общения с носителями русского языка, особенно в начальный период. В данной статье рассмотрен способ, позволяющий упростить овладение русским языком китайскими студентами; а также приведён пример практических упражнений для начинающих на основе использования лексических единиц.

Основная часть

Трудности китайских студентов в изучении русского языка

Русский язык – это языковая система, абсолютно отличающаяся от китайской. Русский язык – типичный флективный язык с очень сложной грамматикой. Такие понятия, как род, число и падеж существительных, а также вид и спряжение глаголов, совершенно незнакомы студентам из Китая. Поскольку студенты, специализирующиеся на русском языке, в основном обучаются «с нуля», им очень трудно произносить и запоминать большое количество новых слов, а также одновременно понимать и осваивать сложную грамматику. Ограниченный лексико-грамматический запас напрямую влияет на речевое высказывание.

Профессор Ли Гочэнь отметила, что есть три основные причины трудностей, с которыми сталкиваются студенты в изучении русской лексики: во-первых, их словарный запас слишком мал; во-вторых, у них плохая способность подбирать слова; в-третьих, они не могут различать синонимы [Ли Гочэнь 2008]. Поэтому при обучении русскому языку лексический навык всегда был в центре внимания исследователей и практиков.

Лексический навык представляет собой один из фундаментальных и основных навыков в начальном периоде обучения русскому языку. Е.Н. Соловова в своем пособии «Методика обучения иностранным языкам» определяет сущность лексического навыка как «способность мгновенно вызывать из долговременной памяти эталон слова в зависимости от конкретной речевой задачи, а также включать его в речевую цепь» [Соловова 2005].

По Е.И. Пассову, «лексический навык есть синтезированное действие по выбору лексической единицы адекватно замыслу и ее правильному сочетанию с другими, совершаемый в навыковых параметрах, обеспечивающий ситуативное использование данной лексической единицы и служащий одним из условий речевой деятельности» [Пассов 2007]. Студенты на базовом этапе обучения ещё не сформировали полную систему знаний по грамматике русского языка. Поэтому для того чтобы проводить практическое обучение на базовом этапе и развивать у студентов навыки вербального общения и использования языка, необходимо «усилить» усвоение лексических единиц при обучении, чтобы лексическое и грамматическое значения могли быть взаимосвязаны.

С помощью лексических единиц можно «укреплять связь» между ними и ситуационной коммуникацией, тем самым помогать студентам, как можно скорее более свободно общаться с носителями русского языка.

Например, когда на уроке впервые произносится предложение «Как тебя (вас) зовут?», предпочтительней, чтобы студенты выучили его как целостную лексическую единицу. Дело в том, что это простое предложение содержит сложную лексическую, грамматическую и культурную информацию: например, о спряжении глагола и о склонении личных местоимений. Оно является неопределённо-личным, более того, в нём содержится и этикетная разница между «ты» и «вы».

Всё это очень сложно запомнить студентам, впервые столкнувшимся с изучением русского языка. Для них лучше всего выучить предложение как языковую единицу, чтобы можно было напрямую общаться и вести беседы. Постоянно накапливая количество таких лексических единиц, объединяющих лексику и грамматику, начинающие могут улучшать своё общее восприятие структуры русских предложений, тем самым увеличивать практические способности в применении языка.

Применение лексических единиц в обучении иностранным языкам

В последние годы, в связи с изучением «междисциплинарных предметов», связанных с лингвистикой, таких как психолингвистика, когнитивная лингвистика и корпусная лингвистика, лексические единицы становятся одним из важных объектов исследования. Что касается определения языковых единиц, признана точка зрения А. Wray, согласно которой лексические единицы представляют собой ряд последовательных или непоследовательных устойчивых словосочетаний, идиомов или части предложений, которые хранятся в памяти в готовой форме и извлекаются целиком при использовании [Wray 2002: 9].

Согласно этой концепции, существуют три основные характеристики использования языковых единиц: предварительная подготовка, общее хранение и отсутствие необходимости использования грамматических знаний. Именно благодаря этим характеристикам языковые единицы могут помочь студентам быстро освоить некоторые готовые языковые блоки и выполнять коммуникативные задачи. Особенно на начальном этапе, опираясь на лексические единицы, учащиеся могут без проблем реализовать коммуникативные задачи в типичных языковых ситуациях.

В настоящее время применение лексических единиц в обучении иностранному языку в Китае в основном сосредоточено на двух аспектах: 1) теоретическом обсуждении и

2) эмпирическом исследовании. В первом случае некоторые учёные исследовали теорию о лексических единицах. В частности, Ван Лифэй и Ван Дафэн проанализировали существующие исследования по приобретению готовых лексических единиц второго языка в английских странах, объяснили природу и классификацию лексических единиц второго языка и представили три основных метода исследования, описали современное состояние проблемы и опыт применения данного метода в преподавании иностранных языков [Ван Лифэй, Ван Дафэн 2006].

Хуан Янь и Ван Хайсяо в основном рассмотрели и обобщили исследования «языковых блоков» за 10 лет и определили направление развития будущих исследований на основе сравнения с зарубежными работами в этой области [Хуан Янь, Ван Хайсяо 2011]. Другие учёные сочетают теорию лексических единиц с аспектом преподавания: Ло Яньнянь, например, изложила преимущества использования лексических единиц для преподавания лексикологии на основе анализа традиционной университетской модели преподавания английского языка и теории коннотации лексических единиц [Ло Яньнянь 2009].

Цюй Дяньнин и Дэн Цзюнь использовали эмпирические методы для выявления влияния применения лексических единиц на преподавание английского языка [Цюй Дяньнин, Дэн Цзюнь 2010].

Описанная ими модель усвоения лексических единиц на основе Корпуса может помочь учащимся улучшить способность к обобщению и «выводу» лексических единиц, повысить их осведомлённость, уменьшить зависимость от учителей и улучшить способность к самостоятельному изучению лексики. Использование лексических единиц в практике обучения иностранному языку получило достаточно широкое распространение и поддержку среди учителей и учёных. Китайские исследователи считают, что роль лексических единиц в изучении и преподавании иностранных языков становится всё более заметной [Хуан Янь, Ван Хайсяо 2011].

В ходе анализа корпуса лингвисты обнаружили, что языковые единицы часто используются, и большинство видов деятельности по общению на человеческом языке реализуется в форме языковых единиц (словосочетаний), а не слов. J. Nattinger и J. Decarrico считают, что свободное владение языком зависит не от того, сколько правил грамматики хранится в мозгу учащегося, а от количества готовых языковых единиц [Nattinger, Decarrico 1992]. Именно они уменьшают когнитивную нагрузку обучающихся во время оформления коммуникативного намерения, с одной стороны, а с другой – лексические единицы легче усваиваются целиком и могут воспроизводиться в речи также целиком.

Вышеуказанное исследование основано на изучении способов преподавания английского языка. В настоящее время теория языковых блоков в преподавании русского языка также вызывает интерес ученых [Хэ Ли 2013; Тун Ин 2016]. Основное внимание в их работе уделяется использованию лексических единиц в обучении РКИ в начальный период.

Пример применения лексического подхода в обучении РКИ

J. Nattinger и J. Decarrico разделяют готовые языковые единицы на три категории с точки зрения формальной структуры [Nattinger, Decarrico 1992].

1. Устойчивые словосочетания, которые состоят из нескольких слов с фиксированной формой и используются как фраза, например: Как дела?; Как две капли. Подобные речевые блоки в основном относятся к фиксированным фразам, которые мы используем при необходимости без какой-либо грамматической обработки.

2. Идиомы, которые хранятся в памяти в виде языковых единиц, включая пословицы, афоризмы, «социальные идиомы» и другие привычные выражения. Например: *приятного*

аппетита; тише едешь, дальше будешь; как грибы после дождя. Этот вид языковых единиц тесно связан с коммуникативным контекстом и обычно несёт весомую культурную нагрузку. Правильное использование таких единиц может улучшить способность учащихся к языковому выражению.

3. Лексические единицы, которые предоставляют композиционную конструкцию для построения «полного выражения».

Мы стараемся применить лексические единицы на уроке согласно представленной классификации. Проанализируем процесс обучения на третьем уроке в учебнике для второго курса на тему «НИХАО – ЗДРАВСТВУЙТЕ».

1. Идентификация лексических единиц. Выбор лексических единиц проходит в соответствии с определением Wray [Wray 2002: 9] и классификацией Nattinger и Decarrico [Nattinger, Decarrico 1992: 1]. Мы считаем, что существуют три основных критерия для идентификации языковых единиц:

- 1) структурная целостность, то есть отбор тех языковых единиц, которые строятся на основе лексики и грамматики и могут в целом использоваться на практике;
- 2) семантика относительно полная, подходящая для типичных ситуаций;
- 3) высокая частота использования, то есть выбранные языковые единицы могут использоваться в качестве общих материалов для ежедневного устного общения.

В качестве примера возьмём словосочетание «заниматься спортом (занятия спортом)». Данная лексическая единица может храниться в памяти целиком и является обычной фразой, используемой в повседневной жизни. Во время предварительного просмотра перед занятием учащиеся обращают внимание на языковые единицы в тексте и извлекают их, а также изучают контекст их использования. На уроке преподаватель дополняет и объясняет языковые единицы, выбранные учащимися.

2. Составление таблицы лексических единиц. На основе первого этапа преподаватель и студенты вместе составляют таблицу лексических единиц, встречающихся на уроке (табл. 1).

Таблица 1. Типы единиц

Тип единицы	Пример
Устойчивые словосочетания	первые впечатления 第一印象; неожиданная встреча 不期而遇; образ жизни 生活方式; «китайский самовар» 火锅; политика открытости 开放政策; врезаться в память 铭记; кивать головой 点头; пользоваться успехом 取得成绩
Идиомы как лексические единицы	время пролетело незаметно 时光飞逝; пить «пустой чай» 喝淡茶; «китайские церемонии» 中国式客套; капля в море 九牛一毛
Конструкции (сочетания лексических единиц)	где бы...ни... 不管(无论).....; чем... тем... 越.....越.....; расскажу о том, что... 我要讲的是关于.....; что ни говори, ...不管怎么说.....

Психолингвистические исследования показали, что объём памяти мозга ограничен примерно 7 ± 2 единицами за один раз [Ма Чэн, Ван Туншунь 2011: 41–47].

Если единицей памяти изучающих иностранный язык будут языковые блоки, а не простые слова, это значительно увеличит объём языковой информации, которую они смогут запомнить; это повысит эффективность изучения иностранного языка. Поэтому некоторые ученые считают, что необходима разработка «комплексного» словаря языковых единиц, который может оказывать учащимся помощь в письме [Ван Лифэй, Ван Дафэн 2006: 20]. Это одна из тенденций применения языковых единиц в преподавании и исследованиях иностранного языка. В практическом обучении владение определённым количеством лексических единиц служит основой и условием дальнейшей практики.

3. Упражнения с использованием лексических единиц. На практическом занятии обращаем внимание студентов на семантическое поле лексических единиц. Например, на выбранном уроке следующие лексические единицы, возможно, включены в семантическое поле «китайское страноведение»: *образ жизни; китайский самовар (хого); пить пустой чай; китайские церемонии.*

Данные лексические единицы могут быть использованы в языковой практике при ознакомлении с китайской национальной культурой. Поскольку лексическим единицам на занятии было уделено большое внимания, это обеспечивает точность, беглость и аутентичность речи учащихся. Практика такого вида особенно важна для студентов на начальном этапе, и таким образом одновременно совершаются языковые ввод и вывод.

Заключение

Существует мнение о функциональности и эффективности применения «готовых» лексических единиц (разного рода сочетаний слов) при обучении иностранным языкам: считается, что это может способствовать системному обучению [Дай Маньчунь 2012: 52]. Другие ученые эмпирическими методами доказали преимущество использования такого рода лексических единиц в обучении иностранным языкам [Юй Сюлянь 2008; Хэ Ли 2013; Ву Пин 2014].

Конечно, изучение иностранного языка не может опираться только на один метод, но практика показывает, что усвоение «готовых» лексических единицы играет важную роль на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному. Применение лексического подхода при преподавании таких предметов, как русско-китайский и китайско-русский перевод, торговля на русском языке, туризм на русском языке и письмо, требует дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Ван Лифэй, Ван Дафэн. Зарубежные исследования лексических единиц в обучении иностранным языкам // Иностраный язык и обучение иностранным языкам. 2006. № 05. С. 17–21.
2. Ву Пин. Исследование эффективности модели обучения с применением лексических единиц, ориентированной на выполнение задач // Теория и практика изучения иностранных языков. 2014. № 01. С. 34–93.
3. Дай Маньчунь. Обучение блокам, обучение конструкциям и обучение «заплатам» // Мир иностранных языков. 2012. № 01. С. 52–60.
4. Ли Гочэнь. Как учить русский язык. Харбин: Хэйлуунцзянское народное издательство, 2008. 409 с.
5. Ло Яньян. Исследование модели преподавания английской лексики в университетах на основе теории языковых блоков // Исследование иностранного языка. 2009. № 06. С. 168–170.

6. Ма Чжэн, Ван Туншунь. Влияние способности к изучению иностранного языка и рабочей памяти на чтение на иностранном языке // Шаньдунское обучение иностранным языкам. 2011. № 03. С. 41–47.

7. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов педвузов и учителей. 3-е изд. Москва: Просвещение, 2005. 239 с.

8. Пассов Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 2007. 348 с.

9. Тун Ин. Исследование по применению теории «лексические единицы» в обучении русско-китайскому переводу // Вестник профессионального колледжа Цзямуси. 2016. № 04. С. 404–405.

10. Хуан Янь, Ван Хайсяо. Китайская картина исследования лексических единиц иностранного языка: состояние и тенденция // Мир иностранных языков. 2011. № 03. С. 74–81.

11. Хэ Ли. Применение педагогики лексических единиц на основе метапознания в преподавании русского языка // Русский язык в Китае. 2013. № 05. С. 83–88.

12. Цюй Дяньнин, Дэн Цзюнь. Исследование моделей усвоения лексических единиц на основе корпуса // Мир иностранных языков. 2010. № 01. С. 47–53.

13. Юй Сюлянь. Экспериментальное исследование метода преподавания лексических единиц для улучшения способности к применению английского языка // Мир иностранных языков. 2008. № 03. С. 54–61.

14. Nattinger J., DeCarrico J. Lexical Phrases and Language Teaching. Oxford: Oxford University Press, 1992. 240 p.

15. Wray A. Formulaic Language and the Lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 332 p.

Информация об авторе

Ван Минь – кандидат филологических наук, доцент,
Шаньдунский женский университет.

Information about the author

Wang Min – Associate professor,
Shandong Women's University.

Статья поступила в редакцию 09.10.2021; одобрена после рецензирования 22.10.2021; принята к публикации 22.10.2021.

The article was submitted 09.10.2021; approved after reviewing 22.10.2021; accepted for publication 22.10.2021.

Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 96–105.
Eurasian humanitarian journal. 2021. No. 4. P. 96-105.

Научная статья
УДК 372.881.111.1

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВУЗА

Наталья Анатольевна Друцко

Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия,
drutsko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам построения модели языковой среды в условиях нелингвистического вуза, позволяющей обучающимся использовать иностранный язык как инструмент получения информации научного или профессионального характера. Проанализирована важность создания языковой среды для достижения эффективности иноязычной подготовки студентов неязыковых вузов. Языковая среда – это основное средство и условие коммуникативно-ориентированного обучения. Выделяются два типа языковой среды: естественная и искусственная. Обучение в естественной языковой среде предполагает нахождение в стране изучаемого языка. Под искусственной языковой средой подразумевается воссоздание естественной языковой среды с помощью различных средств обучения. Использование иностранного языка в качестве средства поиска, анализа и творческого применения информации, а также средства коммуникации становится особенно актуальным в условиях современного рынка труда. В статье приводится описание алгоритма подготовки студентов к выступлению на научно-практической конференции, которую автор рассматривает как ценный образовательный ресурс формирования иноязычной культуры будущего специалиста. В качестве наиболее эффективного метода подготовки студентов к участию в конференции рассматривается такой вид самостоятельной работы как проектная деятельность. Обращение к проектному методу как средству организации деятельности студентов по подготовке к конференции позволяет расширить временные рамки действия языковой среды. В статье обобщается опыт создания искусственной языковой среды как условия реализации проектов студентов по подготовке к научно-практическим конференциям.

Ключевые слова: языковая среда, проектное обучение, научно-практическая конференция, иностранный язык

Для цитирования: Друцко Н.А. К вопросу о формировании языковой среды в условиях нелингвистического вуза // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 96–105.

Original article

ON THE ISSUE OF THE LANGUAGE ENVIRONMENT FORMATION IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

Natalja A. Drutsko

Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russia, drutsko@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of constructing a model of the language environment in a non-linguistic university, which allows students to use a foreign language as a tool for obtaining information of a scientific or professional nature. The importance of creating a language environment to achieve the

effectiveness of foreign language training of students of non-linguistic universities is analyzed. The language environment is the main means and condition of communication-oriented learning. There are two types of language environment: natural and artificial. Learning in a natural language environment involves education in the country of the language being studied. The artificial language environment means the recreation of the natural language environment with the help of various learning tools. The use of a foreign language as a means of searching, analyzing and creatively applying information, as well as a means of communication, is becoming especially relevant in the conditions of the modern labor market. The article describes an algorithm for preparing students to speak at a scientific and practical conference, which the author considers as a valuable educational resource for the formation of a foreign language culture of a future specialist. As the most effective method of preparing students to participate in the conference, such a type of independent work as project activity is considered. Turning to the project method as a means of organizing students' activities in preparation for the conference makes it possible to expand the time frame of the language environment. The article summarizes the experience of creating an artificial language environment as a condition for the implementation of students' projects to prepare for scientific and practical conferences.

Keywords: language environment, project training, scientific and practical conference, foreign language

For citation: Drutsko N.A. On the issue of the language environment formation in a non-linguistic university. Eurasian humanitarian journal. 2021;4:96-105. (In Russ.).

Введение

В связи с глобализацией и интернационализацией предъявляются новые требования к специалистам в различных сферах деятельности. Ежегодно растёт спрос на работников, которые обладают мультилингвальной компетенцией, а знание иностранного языка существенно облегчает решение задач личного, делового и производственного характера. Всё это объясняет новую задачу, которая стоит перед преподавателями нелингвистических вузов – обеспечить студентам максимально возможное в данных условиях погружение в иностранный язык.

Здесь перед нами встаёт вопрос формирования языковой среды, то есть окружения, в котором происходит изучение языка. Говоря о языковом существовании личности, Б.М. Гаспаров отмечал, что в этом процессе «язык выступает одновременно и как объект, над которым говорящий постоянно работает, приспособляя его к задачам, возникающим в его текущем жизненном опыте, и как среда, в которую этот опыт оказывается погружен и в окружении которой он совершается» [Гаспаров 1996: 18]. Характеризуя языковую среду таким образом, мы разделяем её на естественную и искусственную.

Языковая среда называется естественной, если изучение иностранного языка происходит в стране, в которой на нём говорят. Стоит отметить, что в естественной языковой среде преобладают естественные речевые ситуации с вербальным и невербальным общением, которые значительно расширяют возможности обучения и делают усвоение языковых, коммуникационных и поведенческих нюансов этноса всесторонним. Кроме того, в естественной языковой среде акт коммуникации сиюминутен, и чтобы он состоялся нужно быстро и правильно считывать коммуникативный посыл, верно его интерпретировать и адекватно отреагировать.

Искусственная языковая среда выстраивается преподавателем так, чтобы максимально походить на естественную. При грамотном её формировании такая среда служит одновременно и стимулом, и катализатором изучения иностранного языка.

В естественной языковой среде обучение зачастую происходит, не требуя от обучающегося активного участия и мотивации, например, при наблюдении речевых ситуаций. В то время как в искусственной языковой среде важную роль играет мотивация студентов, их субъективное отношение к процессу обучения. Субъективными мотивами студентов могут выступать: желание работать за границей, путешествовать, общаться с носителями языка,

обучаться в зарубежном вузе, иметь преимущества в профессиональной сфере и т. д. Таким образом, задача преподавателя при формировании искусственной языковой среды – использовать личностно-деятельностный подход, оперировать не только объективными, но и субъективными факторами обучения, стимулировать и мотивировать студентов.

Основная часть

Формирование искусственной языковой среды во многом строится на воспроизведении речевых ситуаций и отработке коммуникативного поведения, которое включает в себя нормы, стереотипы и традиции общения на иностранном языке. При этом следует учитывать, что речевые ситуации в естественной языковой среде всегда будут отличаться от учебных ситуативностью, наглядностью и актуальностью. В искусственной языковой среде преподаватель стремится максимально «оживить» учебные речевые ситуации, используя ситуативный принцип, зрительную наглядность, естественный видеоряд и т. д. Кроме того, преподавателю нужно отслеживать и обновлять учебные речевые ситуации, так как искусственная языковая среда должна готовить человека к максимально эффективному существованию в естественной языковой среде, которая постоянно изменяется.

Как правило, в непрофильных вузах мотивация зачастую падает из-за невозможности студентов использовать полученные знания вне занятий или из-за того, что обучающиеся не видят способов применения языка в профессиональной деятельности. Для формирования учебного интереса преподавателю важно задействовать задачи, которые требуют от студентов творческой и поисковой деятельности, а также сформировать профессионально-языковую среду, в которой обучающиеся смогут практически применять полученные знания.

Специфика современных лингвистических вузов приводит к тому, что мы можем говорить только об искусственной языковой среде. При этом формирование языковой среды происходит «в жестком регламенте», сопряжённом с объективными причинами: загруженность студентов профильными курсами, непродолжительность курса преподавания иностранного языка, ограниченное количество часов, низкая мотивация студентов к непрофильному предмету. Всё это затрудняет выстраивание полноценной искусственной языковой среды и вынуждает преподавателя искать новые методы для достижения целей [Долматова 2014].

Преподаватель иностранного языка постоянно находится в поиске наиболее эффективных путей обучения с целью повышения сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, так как в реальных условиях лингвистического вуза затруднена реализация целей формирования практического владения иностранным языком как средством общения в сфере профессиональной деятельности [Симеонова 2017: 443].

Формирование иноязычной коммуникативной компетенции будет гораздо эффективнее в специально созданной преподавателем учебной профессионально-языковой среде. Это такое коммуникативное пространство, в котором, в отличие от искусственной языковой среды практического занятия, иностранный язык оказывается реально востребованным. Такое пространство позволяет осуществлять обучение компетентностными формами и методами, которые имеют не только учебное, но и жизненное обоснование.

Искусственная языковая среда помогает создать стимулы к изучению иностранного языка, установить потребность общаться на нём, ускоряет его усвоение, служит источником информации, устраняет психологические барьеры и закрепляет полученные знания. Очень часто студенты теряют всякий интерес к изучению английского языка в университете (речь идёт только о лингвистических специальностях) именно потому, что не видят ценности приобретаемых практических навыков, поскольку не имеют возможности применить их вне урока или же недостаточно мотивированы для поиска подобных возможностей. Отсутствие языкового

окружения, как и отсутствие желания искусственно его моделировать, значительно сужают границы сферы деятельности студентов, снижают их коммуникативные потребности, заставляют воспринимать навыки в различных видах деятельности, как не связанные между собой, и ведут к неумению использовать их в реальной ситуации общения [Поздеева, Стринюк 2013].

Существенный вклад в формирование языковой среды вуза вносят преподаватели иностранного языка. На них приходится основная работа по формированию лексически богатой и грамотной речи будущего специалиста, а также мотивирование преподавателей-предметников к более широкому и успешному освоению иностранного языка [Абакумова, Фахрутдинова 2020: 46].

Принято считать, что языковая среда выполняет несколько функций, среди которых большинство исследователей выделяют информативную, мотивационную и коммуникативную. Целью данной статьи является обобщение опыта преподавателей кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Уральского государственного университета путей сообщения (УрГУПС) по подготовке студенческой молодежи к участию в конференциях в условиях искусственной языковой среды.

Создание иноязычной среды во внеурочное время должно рассматриваться как важная часть работы преподавателя. В Уральском государственном университете путей сообщения таким коммуникативным пространством востребованности иностранного языка является площадка проводимой ежегодно научно-практической конференции молодых ученых “Languages, science and business”.

Перемещение площадки конференции в 2021 г. в виртуальное пространство, продиктованное объективной реальностью, ни в коей мере не повлияло на условия проведения, а скорее всего, позволило воспользоваться преимуществами видео-конференц-связи: достичь более высокой оперативности общения и увеличить охват территории и контингента. Грамотно построенная видеоконференция способствует реализации таких особенностей данной цифровой образовательной среды как персонализация, междисциплинарность, формирование компетенций XXI в.

Англоязычная среда конференции привлекает иностранных участников (Белоруссия, Индонезия, Финляндия, Китай, Узбекистан). Она способствует вовлеченности не только студентов, но и профессорско-преподавательского состава, принимающего участие в подготовке контингента участников. Таким образом, в университете происходит активное развитие международной коммуникации. В 2021 г. 43 участника конференции выступили с 35 докладами.

Формирование иноязычной лингвокультурной компетенции у студентов осуществляется в основном средствами английского языка, поскольку сегодняшний спрос на образованную личность детерминирован распространенностью именно англоязычной лингвокультуры во всём мире.

Тематика работы секций известна заранее и сохраняется из года в год: «Развитые экономики мира», «Актуальные проблемы в области современного транспорта», «Вызовы в современной культуре». Именно потому что участники конференции знакомы с её форматом, разработка тем будущих докладов может и должна быть результатом спланированной и организованной совместной деятельности преподавателя и студента.

Автор данной статьи предлагает рассмотреть научно-техническую конференцию в качестве образовательного ресурса, умелое использование которого не только создаёт предпосылки к повышению мотивации к изучению конкретного предмета, но и является эффективным средством иноязычной коммуникативной подготовки молодых специалистов к международному профессиональному сотрудничеству. Студент приходит в вуз не только за знаниями предмета, но и за возможностью практически использовать эти знания ещё в стенах вуза.

Отличительными чертами научно-практических конференций, проводимых в университете с 2014 г., являются:

- организация мероприятия с применением информационных технологий;
- расширение аудитории участников конференции (приглашение студентов и аспирантов зарубежных вузов);
- свобода в выборе темы исследования;
- организация выступлений участников через работу секций;
- использование метода проектного обучения для подготовки студентов к участию в конференции [Друцко 2020: 93].

В основу организации внеаудиторной научной деятельности студентов положена проектная технология. Существует несколько причин, говорящих в пользу именно такого методического сопровождения самостоятельной работы студентов по подготовке к научно-методической конференции.

Проектная технология обучения предполагает вовлечение студента в активный творческий процесс и одновременно в познавательный процесс, то есть процесс получения новых и закрепления старых знаний. Цель проектного обучения в вузе – создать условия, при которых студенты самостоятельно и охотно приобретают недостающие знания из разных источников и учатся пользоваться приобретёнными знаниями для решения практических и познавательных задач [Цапко 2014]. Данная модель обучения является своеобразным ответом системы образования на социальный заказ государства и общественности. Возрастает потребность в профессионально ориентированных, конкурентоспособных специалистах, умеющих самостоятельно и творчески подходить к решению проблем, выбирать, синтезировать и усваивать постоянно растущий объём информации, заранее прогнозировать различные жизненные ситуации и быстро адаптироваться [Проектирование... 2005: 10]. Проектный подход позволяет соотнести содержание обучения с требованиями рынка, так как он направлен непосредственно на конкретного человека и включает в себя работу с проблемами реального мира, что особенно важно в контексте формирования коммуникативной компетенции. Проектная технология особенно актуальна при изучении английского языка на всех его этапах, потому что именно она создаёт условия, в которых процесс обучения максимально приближается к процессу естественного овладения языком [Гозалова 2024: 89].

Научно-практическая конференция – это итоговая форма исследовательской работы, которая предполагает публичное выступление обучающихся с демонстрацией итогов и анализом выполненной работы. Целью проведения любой конференции является поддержка и развитие научного потенциала студенческой молодежи. Задачи конференции:

- формирование у обучающихся мотивации к саморазвитию;
- развитие аналитического и критического мышления обучающихся в процессе творческой деятельности;
- формирование профессиональной грамотности будущего специалиста;
- создание условий для самореализации студентов;
- организация и развитие совместного творчества преподавателя и студента.

Выполнение проекта – это всегда творческая практическая работа, предназначенная для получения определённого продукта. Такая работа подразумевает чёткое, однозначное формулирование поставленной задачи, определение сроков выполнения намеченного и требований к разрабатываемому объекту. У проектной деятельности должен быть осязаемый практический результат. Организация научно-технической конференции и планомерное осуществление проектной методики в процессе обучения взаимосвязаны и взаимозависимы.

Процесс формирования иноязычной коммуникативной компетенции будущего специалиста учитывает специфику обучения иностранному языку в неязыковом вузе и основывается на следующих педагогических условиях:

- определение состава содержания коммуникативной компетенции на анализе соответствующей профессиональной деятельности;
- поэтапности формирования иноязычной коммуникативной компетенции;
- интенсификации процесса формирования иноязычной коммуникативной компетенции;
- погружения в иноязычную среду посредством проведения конференций, ролевых и деловых игр, чтением оригинальной литературы [Бушуева 2009: 1].

Выбор для подготовки к конференции групповых и долгосрочных проектов позволяет расширить временные рамки действия языковой среды и реализовывать задачи проекта поэтапно. Алгоритм достижения практических целей проекта и параллельного формирования исследовательских умений и навыков представлен в виде таблицы, в основу которой положены принципы особенностей поэтапного выполнения задач проекта, разработанные В. А. Чистяковой [Чистякова 2016: 90] (см. таблицу 1).

Таблица 1. Этапы проектной деятельности

Этапы работы над проектом	Проектная деятельность студентов	Формируемые умения (в рамках исследовательской компетенции)
Выбор темы исследования	Выявление проблемы	Умение видеть проблемную ситуацию
Актуальность проблемы	Проведение анкетирования	Умение видеть практическую значимость задачи исследования
Анализ имеющейся на тему информации	Поиск информации по тематике исследования	Умение систематизировать, обобщать и творчески перерабатывать информацию
Планирование и организация работы	Определение промежуточных и конечных целей	Организационные навыки и умения
Оформление результатов работы	Оформление слайдов, подготовка текста выступления	Умение использовать компьютерное проектирование, умение логически верно строить устную и письменную речь
Выступление на конференции	Генеральная репетиция (выступление в группе)	Умение публично представлять и защищать результаты своей работ
Оценка результатов работы	Обсуждение результатов проектной деятельности	Умение критически оценивать достоинства и недостатки и находить пути устранения недостатков

Продуманная схема проектной работы способствует развитию всех компонентов коммуникативной компетенции в процессе иноязычной речевой деятельности, одновременно позволяя студенту:

- реализовать на практике усвоенные умения, навыки;
- выявлять и формулировать проблемы;
- проводить их анализ;
- находить пути их решения;
- работать с информацией;
- находить необходимый источник, например, данные в справочной литературе или в средствах массовой информации;
- применять полученную информацию для решения поставленных задач.

Языковая среда, в которой поэтапно ведётся работа над проектом, это то пространство, где студент имеет возможность психологически и коммуникативно адаптироваться к иноязычному общению самой конференции.

Моделирование естественной речевой ситуации общения на каждом этапе реализации проекта имеет свои особенности.

Выбор темы исследования. В рамках тематики секции студент свободен в выборе конкретной темы исследования. Активная позиция преподавателя проявляется уже на этом этапе. Если говорить о создании внеурочной языковой среды, то преподавателю предстоит посредством «скрытой» координации «настроить» ее на тот круг тем, который понятен и интересен студентам или в изучении которых студент по каким-либо причинам в настоящий момент заинтересован. Разнообразие секций позволяет студентам как технических, так и гуманитарных специальностей соотнести научный интерес с предметом, с особенностями будущей профессии. Работу секций можно рассматривать как действенную форму пропаганды профессии и школу формирования исследовательских и коммуникативных навыков.

Актуальность проблемы. В рамках выбранной темы студент формулирует задачу исследования. Актуальность проблемы проверяется с помощью опросника. Это верный способ убедиться в целесообразности выбранной темы. Студент получает ответ на вопрос, в какой степени тема, привлёкшая его, представляет интерес для других. Результаты опроса приводятся в докладе в виде схем, графиков или статистических данных.

Вот как представлена разработка темы *The Origin of Russian Terminology* участником конференции 2021 г., студентом электротехнического факультета УрГУПС, на этих двух этапах (см.: рис. 1, 2, 3).

Планирование и организация работы. Погружение в языковую среду развивает языковую привычку. Рабочий язык общения – обсуждение планирования, организационных моментов, аргументации – английский. Все участники соблюдают правило иноязычного общения. Обсуждается наполнение слайдов иноязычной информацией (см. рис. 4.)

Рис. 1. Фрагмент презентации

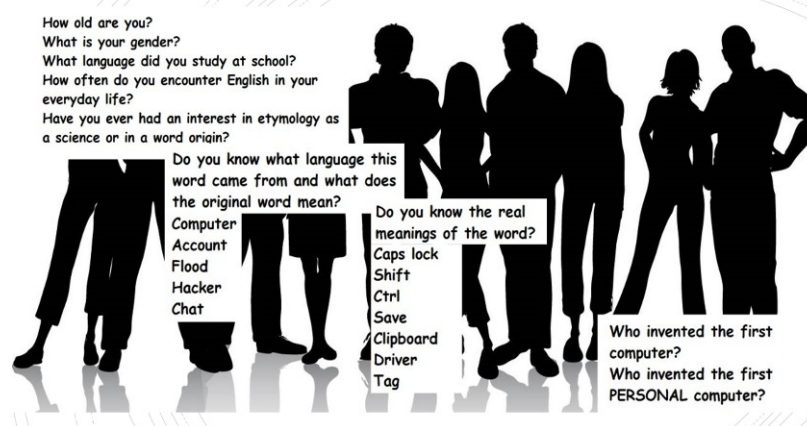

Рис. 2. Фрагмент презентации. Анкета

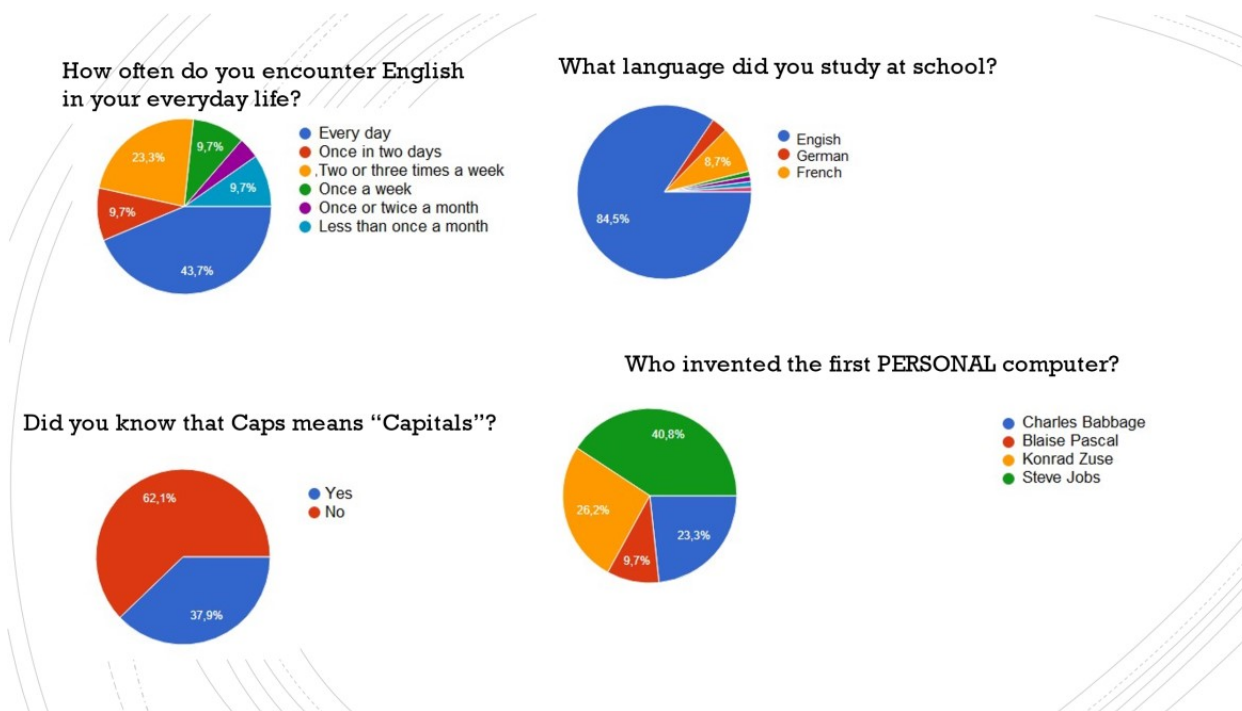

Рис. 3. Фрагмент презентации. Результаты опроса

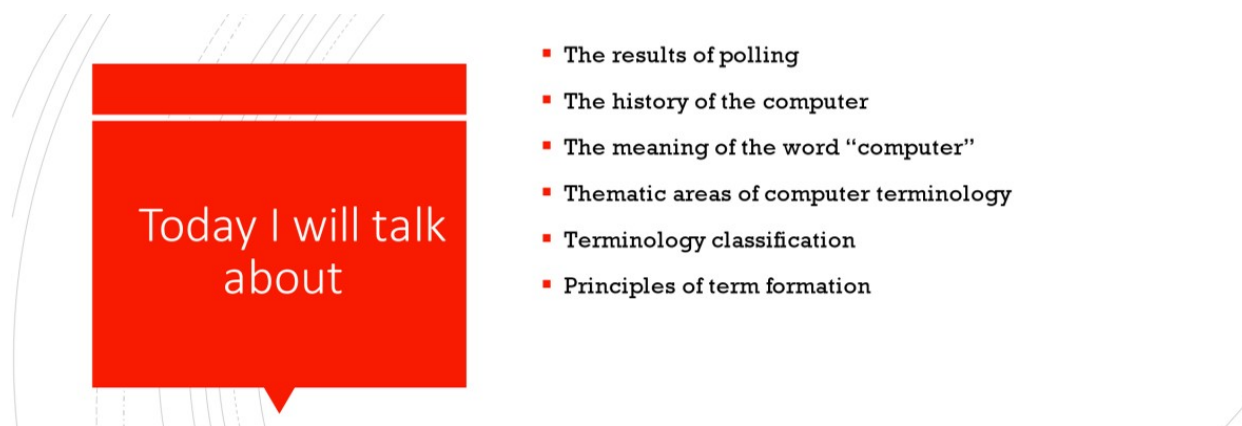

Рис. 4. Фрагмент презентации

Поиск информации и её анализ. Следующий этап посвящён поиску и отбору необходимой информации. Приобретенные на уроках иностранного языка навыки поискового и просмотрового чтения помогают сделать правильный отбор необходимого материала. Отталкиваясь от этого компилятивного материала, студенты пишут эссе по теме, приводя свои собственные суждения. Изложение собственных мыслей в виде эссе помогает студенту более чётко сформулировать идеи и структурировать речь, тем самым подготовить текст презентации и преодолеть скованность и чувство неуверенности во время презентации.

Генеральная репетиция. Особый интерес представляет генеральная репетиция – выступление в академической группе, где доклад заслушивается «согруппниками» выступающего. В рамках этого процесса происходит включение в групповую беседу на предметную тематику; обмен мнениями и суждениями, рассуждение на предложенную тему; выработка умения начинать общение, продолжать и логично завершать его. Выступление на конференции. С точки зрения преподавателя, научно-техническая конференция – это итог его активной деятельности по привлечению талантливого мотивированного студента к творческому труду вне рамок учебной программы. Для студента такое традиционное

мероприятие превращается в площадку, где демонстрируются и оцениваются его индивидуальные достижения, учитывается точка зрения, где его ожидает публичная похвала с описанием его личных достоинств, что прибавляет студенту уверенности в себе, повышает его внутреннюю мотивацию и вызывает желание снова достигать аналогичного результата.

«Languages, Business and Science» – это многогранное событие, в котором участвуют не только люди науки, от профессоров до студентов, но и представители бизнеса и международные деятели. По мнению участников, конференцию отличают динамичный формат, хороший профессиональный уровень докладов, актуальная проблематика. Это возможность повысить языковые умения, получить новый научный опыт, а также способ преодолеть себя [Languages 2018: 10].

Оценка результатов работы. По завершении проекта при обсуждении результатов использовался SWOT-анализ – современная модель оценки любого вида деятельности. Эта простая методика заключается в рассмотрении сильных сторон (Strengths), которые должны реализоваться в возможности (Opportunities), и слабых (Weaknesses) сторон, представляющих угрозу (Threats). Она очень важна для поддержания должного уровня мотивации и повышения коммуникативной компетентности каждого участника. SWOT-анализ применялся на всех этапах разработки проекта в качестве весьма привлекательного средства мозгового штурма. Создание языковой среды с позиции проектности предполагает выполнение ряда последовательных пошаговых действий со стороны организатора проекта.

В сферу ответственности преподавателя входит задача ознакомления студентов первого курса с видами и формами научно-исследовательской деятельности университета и возможностью студентов принять участие в ней. Как известно, учебный проект может быть краткосрочным, средней продолжительности и долгосрочным [Полат 2015]. Качественный продукт, который может быть представлен как итог исследовательской деятельности на конференции, безусловно, должен быть результатом участия студента в долгосрочном проекте. В данном случае речь идёт об организации самостоятельной работы студентов с первого дня их обучения в университете. Необходимо обеспечить регулярность «погружения» в языковую среду для участников проекта. Соблюдение поэтапности реализации поставленных целей помогает формализовать языковую среду – студенты должны работать по плану, соблюдая график. Строгое соблюдение принципа иноязычного взаимодействия преподавателя и всех участников проекта обеспечивает основу мотивированной коммуникативной деятельности в течение длительного периода.

Заключение

Моделирование естественной речевой ситуации общения для реализации практических целей, заявленных в проекте, способствует формированию прагматической составляющей изучения иностранного языка. Психологические и коммуникативные условия языковой среды, в которой реализуется проект, позволяют осуществить переход от учебно-познавательной деятельности студента к профессиональной деятельности будущего специалиста. Языковая среда способствует превращению знания в навыки. Работа над учебными проектами позволяет построить бесконфликтную педагогику и превратить образовательный процесс в эффективную творческую работу. В проектной деятельности, в активном взаимодействии её участников происходит развитие коммуникативных и организаторских способностей обучающихся. Комфортная рабочая атмосфера языковой среды способствует формированию осознанной мотивации для включения в речевую деятельность.

Список литературы

1. Абакумова Н.Н., Фахрутдинова А.В. Иноязычная среда вуза как ресурс развития ведущих университетов России. *Философия и история образования // Преподаватель XXI в.* 2020. № 3. С. 43–48.
2. Бушуева М.А. О формировании иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза. *Современные направления развития педагогической мысли и педагогика И.Е. Шварца: Материалы международной научно-практической конференции.* (1–2 июня 2009 г., г. Пермь). Пермь: Изд-во «Пермский педагогический университет», 2009. 324 с.
3. Гаспаров Б.М. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования.* М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
4. Гозалова М.Р. Проектная деятельность как один из методов развития коммуникативной компетенции // *Сервис в России и за рубежом.* 2014. № 2 (49). С. 89–97.
5. Долматова Н.С. Проблема формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового ВУЗа [Электронный ресурс] // *Психология, социология и педагогика.* 2014. № 5. URL: <https://psychology.snauka.ru/2014/05/3053> (дата обращения: 12.08.2021).
6. Друцко Н.А. Особенности реализации проектной технологии в неязыковом вузе в контексте подготовки студентов к научно-практической конференции // *Вестник Уральского государственного университета путей сообщения.* 2019. № 4 (44). С. 92–100.
7. Цапко И.Г. Кейс-технология в образовательном процессе и ее влияние на формирование межкультурной языковой коммуникативной компетенции [Электронный ресурс] // *Фестиваль педагогических идей. Открытый урок.* URL: <http://festival.1september.ru/articles/626702/> (дата обращения: 05.08.2021).
8. Полат Е.С. Метод проектов на уроках английского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://center/fio.ru/do/news.asp> (дата обращения: 20.09.2021).
9. Поздеева Е.В., Стринюк С.А. Создание англоязычной среды при обучении английскому языку: проблемы и пути их решения [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/115234429> (дата обращения: 10.08.2021).
10. Проектирование государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования нового поколения. Методические рекомендации для руководителей УМО вузов Российской Федерации. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Координационный совет УМО и НМС. 2005. С. 5–16.
11. Симеонова Н.М. Особенности развития иноязычной познавательной активности студентов в неязыковом вузе [Электронный ресурс] // *Молодой ученый.* 2017. № 6 (140). С. 443–448. URL: <https://moluch.ru/archive/140/39538/> (дата обращения: 06.08.2021).
12. Чистякова В.В. Учебный проект как способ развития учебной компетенции у студентов первого курса. // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2016. № 6 (48). С. 90.
13. «Languages, Business and Science» – драгоценный опыт для каждого // *Магистраль.* 2018. № 5(248). С. 10.

Информация об авторе

Н.А. Друцко – старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций, Уральский государственный университет путей сообщения.

Information about the author

N.A. Drutsko – Senior Lecturer, Foreign Languages and International Communication Department, Ural State University of Railway Transport.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021; одобрена после рецензирования 22.10.2021; принята к публикации 22.10.2021.

The article was submitted 11.10.2021; approved after reviewing 22.10.2021; accepted for publication 22.10.2021.

Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 106–115.

Eurasian humanitarian journal. 2021. No. 4. P. 106-115.

Научная статья

УДК 332.144

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА

Екатерина Борисовна Аликина¹, Ольга Георгиевна Иванова²

^{1,2}Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

¹alikina@pspu.ru

²ol.ivanova.55@mail.ru

Аннотация. Безопасность жизни это право каждого гражданина, которое должно быть гарантировано государством. На уровень безопасности влияют множество факторов, которые определяют стабильность и динамику развития региона, его самостоятельность и устойчивость к воздействию негативных тенденций. Из этого множества факторов мы выделим условную группу, которую можно назвать «качество жизни». Качество жизни в регионе оказывает непосредственное влияние на экономическую безопасность территории. Уровень образования населения это один из факторов этой группы, и он, по-нашему мнению, также оказывает влияние на процветание регионов и их безопасность. Снижение образовательного уровня это, современный тренд, который не напрямую, а опосредованно, приводит к снижению уровня безопасности, как региона, так и страны. Наметилась тенденция снижения уровня образования, как в России, так и в Приволжском федеральном округе. В Пермском крае этот процесс еще заметнее. В статье анализируется тенденция развития образования в Пермском крае и Приволжском федеративном округе. Почему выпускники школ не продолжают образование, а многие не идут учиться даже в десятый класс? Какие существуют факторы, влияющие на снижение интереса к образованию в регионе? Для того, чтобы повысить престиж высшего образования в глазах школьников необходима целенаправленная работа с учащимися.

Ключевые слова: образование, безопасность, регион, экономическая безопасность, качество жизни

Для цитирования: Аликина Е.Б., Иванова О.Г. Образовательный уровень населения и экономическая безопасность региона // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 106–115.

Original article

EDUCATIONAL LEVEL OF THE POPULATION AND ECONOMIC SECURITY

Ekaterina B. Alikina¹, Olga G. Ivanova²

^{1,2}Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

¹alikina@pspu.ru

²ol.ivanova.55@mail.ru

Abstract. Life safety, which is the right of every citizen, must be guaranteed by the state. The level of security is influenced by many factors that determine the stability and dynamics of the region's development, its independence and resistance to the impact of negative trends. From this set of factors, we will single out a conditional group that can be called “quality of life”. The quality of life in the region has a direct impact on the economic security of the territory. The level of education of the population is one of the factors of this group, and, in our opinion, it also affects the prosperity of the regions and their security. A decline in educational level is a modern trend, which not directly, but indirectly, leads to a decrease in the level of security, both in the region and in the country. There has been a tendency towards a decrease in the level of education, both in Russia and in the Volga Federal District particularly. This process is even more noticeable in Perm Krai. The article analyzes the tendency in the development of education in Perm Krai and the Volga Federal District. Why school graduates do not continue their education, and many do not even go to the tenth grade? What are the factors that affect the decline in interest in education in the region? In order to increase the prestige of higher education in the eyes of schoolchildren, focused work with students is necessary.

Keywords: education, safety, region, economic security, quality of life

For citation: Alikina E.B., Ivanova O.G. Educational level of the population and economic security. Eurasian humanitarian journal. 2021;4:106-115. (In Russ.).

Введение

В современном обществе безопасность рассматривается как неотъемлемое право любого гражданина, которое должно быть гарантировано государством. По нашему убеждению, обеспечение гарантий защищенности должно стать прерогативой деятельности органов государственной власти. Безопасность — состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз [Безопасность]. Безопасность гражданина напрямую связана с безопасностью места, где он живет. Если говорить о безопасности региона, то очень важны условия, в которых находится эта сложная система, насколько внутренние и внешние факторы способствуют этой безопасности и не приводят к негативным, разрушающим процессам.

В России впервые на законодательном уровне понятие «безопасность» было установлено в 1992 г. законом «О безопасности». Закон закрепил правовые основы безопасности личности, общества и государства, определил систему безопасности и её функции, установил порядок организации и финансирования органов обеспечения безопасности, а также контроля и надзора за законностью их деятельности [Закон РФ от 5 марта 1992 г. N 2446-I «О безопасности»: 12]. В указе президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 экономическая безопасность определяется, как состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации [Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683 Стратегия экономической безопасности российской федерации на период до 2030 года: 15].

Уровень экономической безопасности региона можно измерить разными показателями, которые определяют стабильность и динамику развития региона, его самостоятельность и устойчивость к воздействию негативных тенденций. Показатели можно разбить на разные группы, в данном исследовании нас интересует группа, которую условно можно назвать «уровень и качество жизни».

В этой группе можно выделить рождаемость и смертность, продолжительность жизни, заболеваемость, заработную плату и пенсии, прожиточный минимум, различия в доходах групп населения, обеспеченность товарами длительного пользования, преступность. На наш взгляд, не умаляя значения всех этих факторов, стоит добавить показатель «уровень образования населения, проживающего на данной территории».

Этот фактор не влияет напрямую на безопасность региона, но образованность населения оказывает влияние, например, на уровень преступности, безработицу, доходы населения, уровень научных разработок и долю высокотехнологичной и наукоемкой продукции в ВРП, долю инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме товаров, величину инвестиций. В понятие «образованная личность» каждая эпоха вкладывала свое содержание. Однако всегда оно основывалось на способности человека не только к активному усвоению накопленных знаний и опыта, но и самостоятельной выработке нового мышления [Социальная статистика 2003: 370].

Основная часть

Образовательный уровень населения очень важен с точки зрения перспектив развития региона в информационном обществе. Чем выше образование населения, тем выше творческий и инновационный потенциал населения, тем больше возможностей у властей региона в развитии науки, экономики, культуры, и соответственно тем привлекательнее регион для инвестиций и иммигрантов.

Измерение образовательного уровня населения осуществляется при проведении всероссийских переписей населения. После проведения переписи становится известно, сколько образованных людей проживает в стране, в каждом городе и поселке, и становится возможным определить удельный вес населения, имеющего определенный уровень образования относительно всего населения, которое могло бы это образование получить. По данным переписи 2010 г. образовательный уровень населения характеризовался следующими данными (табл. 1).

Таблица 1. Уровень образования населения (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года) [<https://docviewer.yandex.ru/view/1204509143>]

	На 1000 человек населения в возрасте 15 лет и более, указавших уровень образования имеют образование					Обобщающий показатель уровня образования
	профессиональное				общее	
	после-вузовское	высшее	неполное высшее	среднее	среднее (полное)	
Российская Федерация	6	228	46	312	182	774
Приволжский федеральный округ	5	199	41	315	188	748
Республика Башкортостан	5	170	40	334	167	716
Республика Марий Эл	4	190	31	313	183	721
Республика Мордовия	5	208	40	292	223	768
Республика Татарстан	5	219	50	296	205	775
Удмуртская Республика	5	197	34	291	227	754
Чувашская Республика	5	192	41	285	211	734
Пермский край	6	166	35	321	169	697
Кировская область	4	169	28	310	191	702
Нижегородская область	5	223	42	300	192	762
Оренбургская область	5	177	36	337	174	729
Пензенская область	5	188	36	317	198	744
Самарская область	7	237	48	336	169	797
Саратовская область	6	212	42	315	183	758
Ульяновская область	4	185	37	337	204	767

Образовательный уровень населения, то есть число лиц, имеющих высшее, неполное высшее, среднее профессиональное, среднее полное образование в расчете на 1000 человек соответствующего возраста в среднем по РФ равнялся 774 чел. В Пермском крае – самый невысокий уровень – 697, причем ниже не только среднего по РФ, но и среднего по Приволжскому федеральному округу. Самый высокий уровень образования в ПФО был у жителей Самарской области – из 1000 проживающих в области 797 человек имели образование.

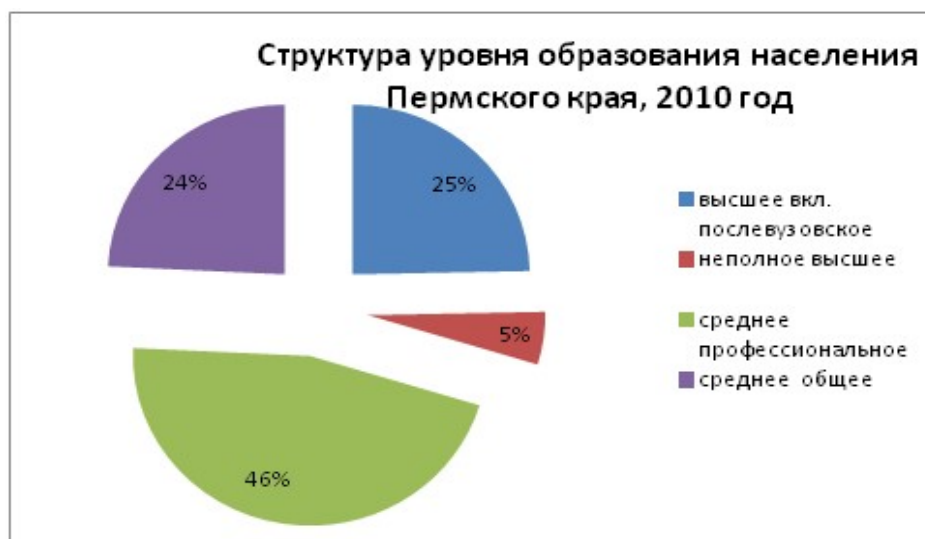

Рис. 1 Структура уровня образования населения Пермского края, 2010 г.

В то же время, отдельно по образовательным уровням – среднему полному, среднему специальному, неполному высшему Пермский край не на последнем месте. По числу лиц, имеющих среднее специальное образование, Пермский край занимал пятое место из четырнадцати субъектов ПФО. Но Пермский край уступал всем соседним регионам по числу лиц, имеющих высшее и послевузовское образование: из 1000 человек только 172 человека в крае имели его.

С чем связано такое положение. Может быть молодежи негде учиться, и она уезжает в другие регионы, где и оседает впоследствии? В Пермском крае в среднем за период с 2000 по 2010 гг. работало 14 ВУЗов, при этом на 1 ВУЗ приходилось около 192 тыс. человек населения. Это значительно больше, чем в других регионах округа. По этому показателю Пермский край занимает четвертое место в ПФО. Первое место здесь бесспорно принадлежит Самарской области с ее 28 ВУЗами, где на 1 ВУЗ приходилось 113 тыс. человек [Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» 2019. Разделы 1–4].

Проверим гипотезу о небольшом количестве выпускников школ. Может быть, в Пермском крае мало школьников, способных получать высшее образование? Это предположение не лишено оснований. Судя по таблице 1, край занимает предпоследнее место в ПФО наряду с Самарской областью, имея в 2010 г. 169 выпускников с дипломом о среднем общем образовании на 1000 человек населения соответствующего возраста.

В Пермском крае действительно мало выпускников 11 класса. В среднем за 11 лет в Пермском крае численность школьников с аттестатом о среднем общем образовании ежегодно составляла 70 человек на 10000 человек населения. По этому показателю край

занимал последнее место в ПФО. При этом Самарская область занимала 12 место имея численность выпускников около 75 человек на 10000 человек населения [Приложение к сборнику «Регионы России»].

Логично далее рассмотреть выпуск девятиклассников (рис. 2, 3). При анализе количества выпускников школ с основным общим образованием картина более оптимистична. В Пермском крае в среднем за год на протяжении исследуемого периода было выпущено 130 человек в расчете на 10000 человек населения, и по этому показателю край занимал 9 место, не последнее. Но только 53 % выпускников после окончания 9 класса в крае поступали в 10 класс, остальные поступали в колледж или шли работать. В остальных регионах округа средний процент поступающих в 10 класс выше: от 57 до 74 процентов. В среднем по РФ доля составляет 66 % [Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» 2019. Раздел 1].

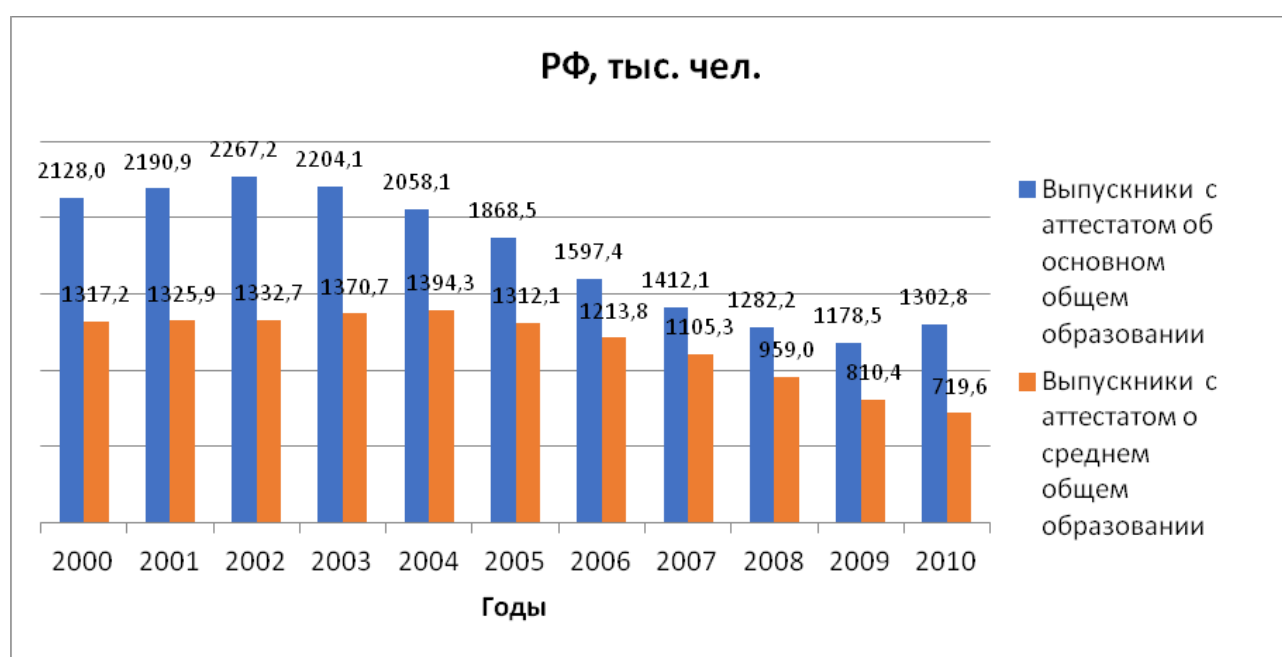

Рис. 2. Количество выпускников школ с основным общим образованием

Рис. 3. Количество выпускников школ с основным общим образованием

Кроме того, часть выпускников 11 класса, с наиболее высокими баллами ЕГЭ, часто стремится уехать из Перми и получить высшее образование в ВУЗах более престижных регионов: Москвы или Санкт-Петербурга.

Рассмотрим динамику количества студентов ВУЗов в Пермском крае за период с 2000 по 2010 гг. в Пермском крае численность студентов, ежегодно обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10000 человек населения составляла 329 человек, почти в полтора раза меньше, чем в Самарской области (506 человек). Но в дальнейшем, по числу студентов ВУЗов Самарская область опережает Пермский край в значительной степени.

Получается, уже на этапе формирования студенческого корпуса высших учебных заведений Пермский край занимал последнее место среди регионов округа, при этом отставая также и от среднероссийского уровня. В среднем по РФ за означенный период численность студентов, ежегодно обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 000 человек населения составляла 462 человека [Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели 2019», Раздел 4].

В дальнейшем, часть выпускников пермских ВУЗов покидала край и трудоустраивалась в других регионах. Образовательный уровень населения еще более понижался.

Таблица 2. Уровень образования населения
(по данным выборочного обследования населения 2015 г.)

[Итоги микропереписи населения: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html]

	На 1000 человек населения в возрасте 15 лет и более, указавших уровень образования имеют образование				Обобщающий показатель уровня образования
	профессиональное			общее	
	высшее (включая после-вузовское)	неполное высшее	среднее	среднее (полное)	
Российская Федерация	231	25	279	160	695
Приволжский федеральный округ	205	21	292	164	682
Республика Башкортостан	178	22	298	144	642
Республика Марий Эл	193	17	316	160	686
Республика Мордовия	222	29	307	198	756
Республика Татарстан	214	22	252	183	671
Удмуртская Республика	217	21	307	177	722
Чувашская Республика	222	20	257	160	659
Пермский край	174	19	298	142	633
Кировская область	157	14	313	165	649
Нижегородская область	235	21	281	162	699
Оренбургская область	188	19	315	146	668
Пензенская область	184	19	290	208	701
Самарская область	254	26	302	140	722
Саратовская область	227	24	291	149	691
Ульяновская область	181	17	310	189	697

В октябре 2015 г. в стране проводилась микроперепись населения, выборочное обследование, результаты которого позволяют отследить изменение образовательного уровня населения страны за 5 лет. По РФ около четверти респондентов имели высшее образование [Доклад об основных итогах федерального статистического наблюдения].

В Пермском крае обследованием было охвачено население, проживающее на территории 8 городских округов и 39 муниципальных районов. Фактический объем выборки составил 41 тыс. человек, или 1,5 % населения частных домохозяйств региона, учтенных Всероссийской переписью населения 2010 г.

Итоги переписи 2015 г. приведены без досчета на генеральную совокупность, поэтому сравнивать с итогами переписи 2010 г. будет некорректно, но можно провести анализ информации с точки зрения сохранившихся тенденций и сравнения регионов между собой.

За прошедший период место Пермского края по обобщающему уровню образования населения среди регионов ПФО не изменилось. По-прежнему это последнее место. И по-прежнему обобщающий показатель уровня образования населения края ниже среднероссийского.

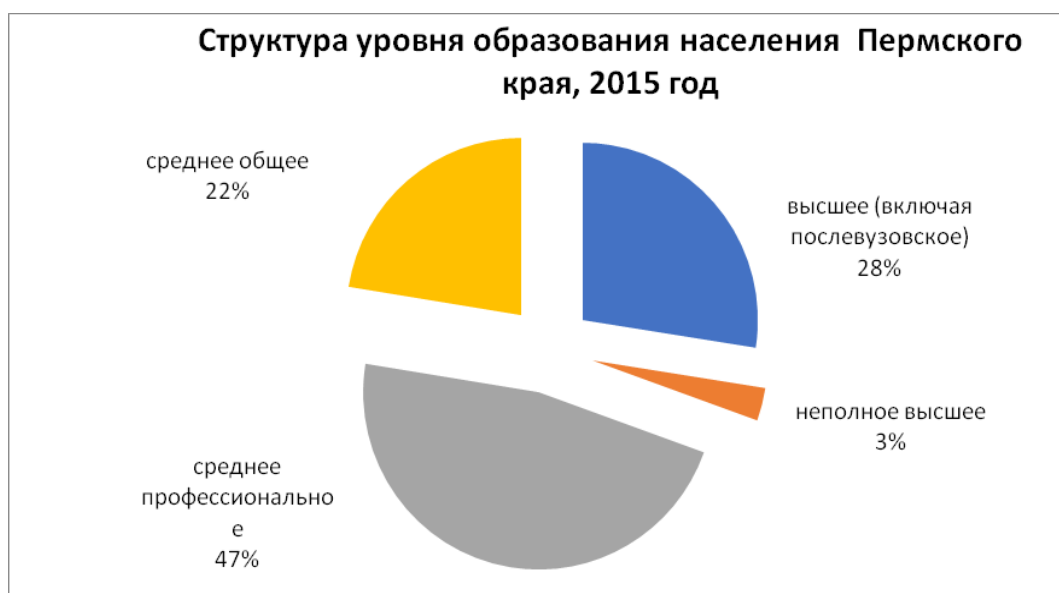

Рис. 4. Структура образования населения Пермского края, 2015 г.

Структура уровня образования населения края незначительно изменилась: выросла доля населения с высшим образованием и со средним профессиональным, край уже не на последнем месте по количеству населения с высшим образованием.

Рассмотрим более подробно возрастной состав населения, имеющего высшее образование по Пермскому краю, а также в среднем по ПФО и РФ по данным микропереписи 2015 г.

Наименьшее количество специалистов с высшим образованием в Пермском крае в возрасте 20-29 лет – 64,8 % от соответствующего показателя в среднем по РФ и 68,3 % от среднего по ПФО.

Наилучшие показатели в крае относительно специалистов с высшим образованием в сравнении со средними по РФ и ПФО по населению старше 50 лет, то есть по тем мужчинам и женщинам, что заканчивали ВУЗы в конце 80-х гг. прошлого столетия.

С тех пор престиж ВУЗов в глазах населения края постепенно снижался и достиг сегодняшнего уровня. По Российской Федерации в целом тенденция примерно такая же, но снижение менее значительное.

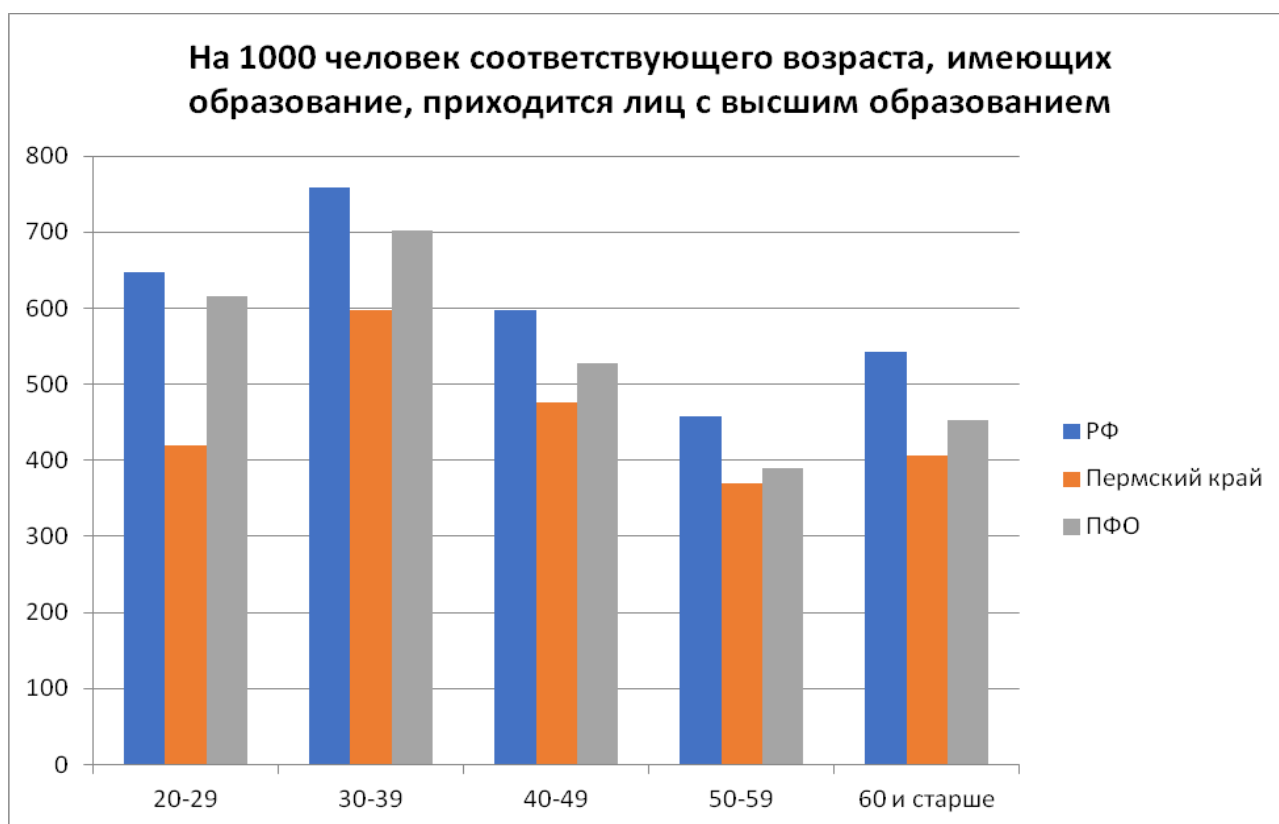

Рис. 5. Количество лиц с высшим образованием на 1000 человек по возрастным группам

В 2017 г. студентами факультета ИНЭК ПГГПУ проводилось анкетирование учащихся 9 классов с целью узнать намерения ребят о месте дальнейшего обучения. Большинство ребят (60 %) не собиралось продолжать учебу в школе, предпочитая колледж, и треть из них планирует работать и учиться.

Заключение

В заключении, отметим, что на наш взгляд, для того, чтобы повысить престиж высшего образования в глазах школьников, необходима целенаправленная работа с учащимися 8-9 классов. Ребята уходят из школы во взрослую жизнь, потому, что им стало неинтересно учиться, они считают полученные знания уже достаточными и хотят быстрее окунуться во взрослую жизнь и начать зарабатывать деньги.

В итоговом отчете Министерства образования и науки Пермского края за 2015 г. приведены результаты опроса общественного мнения. Так вот, удовлетворенность населения качеством общего образования в крае составила 67,1 %. [Отчет Минобраз Пк за 2015 г.].

Основной проблемой общего образования в те годы был кадровый голод и поэтому, были придуманы и начали внедряться программы Мобильный учитель, Сельский учитель, Электронная школа. Проблемы профессиональной ориентации школьников среди основных в Министерстве образования Пермского края не значились. В отчете упоминается только

Чайковской муниципальный район, где на Станции юных натуралистов было организовано несколько десятков объединений детей разной естественнонаучной направленности для решения практических задач СПО [Отчет Минобраз Пк за 2015 г.].

В 2016 г. по-прежнему основным приоритетом Министерства образования Пермского края была проблема нехватки педагогических кадров, профориентационной работой учащихся старших классов и работой с одаренными детьми занимались учреждения дополнительного образования.

Работа подобного рода Министерством образования активно велась в последующие годы, о ее результатах и влиянии на повышение образовательного уровня населения мы узнаем в конце следующего года при подведении итогов переписи населения 2021 г.

На помощь молодёжи при выборе профессии должны приходиться и школьные учителя и психологи, и представители кадровых подразделений предприятий. Их основной задачей должно быть объяснение главных истин рынка труда: невозможно получить престижную работу без хороших знаний, без уверенности в себе и в своих силах, которую дает высшее образование.

Список литературы

1. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.
2. Аликина Е.Б., Иванова О.Г. Статистика образования [Электронный ресурс]: учебное пособие. Пермь: Изд-во «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2018. 4,0 Мб
3. Аликина Е.Б., Иванова О.Г. Высшее и среднее специальное образование в Пермском крае: динамика и перспектива // Применение статистических данных в социально-экономических исследованиях: материалы научно-практической конференции молодых специалистов, 14 декабря 2016 года. Пермь: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат), 2017. С. 6–11.
4. Аликина Е.Б., Иванова О.Г. Статистика Образования: Запросы Современности Наука и образование в обеспечении устойчивого развития региона // Материалы V Российской с международным участием научно-практической конференции 18 апреля 2017 г.. В 2 ч. Ч. I. Пермь: Изд-во «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2017. С. 62–71.
5. Аликина Е.Б., Иванова О.Г., Кальсина А.А. Оптимизация школ Пермского края: плюсы и минусы // Вестник Пермского научного центра. № 2. 2016. С. 28–33.
6. Аликина Е.Б., Силкина И.А. Анализ современного состояния высшего педагогического образования // Материалы VI Российской научно-практической конференции «Наука и образование в обеспечении устойчивого развития региона в условиях перехода к цифровой экономике» (г. Пермь, 16–17 мая 2018 года). Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет 2018. С. 4–8.
7. Безопасность // Гражданская защита: Энциклопедия в 4-х томах. Т. 1. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015.
8. Доклад об основных итогах федерального статистического наблюдения «Социально демографическое обследование (микрперепись населения) 2015 года» [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/doklad.pdf (дата обращения: 12.10.2020).
9. Ежегодник Пермского края http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat_ru/publications/official_publications/electronic_versions/86763c80483b364391bf9df8830b115d
10. Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности».
11. Итоги микрпереписи населения [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 11.10.2020).

12. Итоговый отчет Министерства образования и науки Пермского края о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2016 год [Электронный ресурс]. URL: <http://minobr.permkrai.ru/statistic/otchet/> (дата обращения: 10.09.2020).

13. Итоговый отчет Министерства образования и науки Пермского края о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2015 год [Электронный ресурс]. URL: <http://minobr.permkrai.ru/statistic/otchet/> (дата обращения: 10.09.2020).

14. Казанцев С.В. О методике оценки уровня безопасности – Стратегия экономической безопасности России: новые ориентиры развития: Сборник научных трудов I научно-практической конференции «Сенчаговские чтения» ученых, специалистов, преподавателей вузов, аспирантов (г. Москва, Институт экономики РАН, 14 марта 2017 г.). М.: Институт экономики РАН, 2017. С. 82–98.

15. Наука и образование в обеспечении устойчивого развития региона // Материалы V Рос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (18 апреля 2017 г., г. Пермь, Россия): В 2 ч. Ч. I. С. 6–11.

16. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2015. 1266 с.

17. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 // Сборник статей Росстат. М.: Росстат, 2019. 1204 с.

18. Социальная статистика / под ред. Елисеевой И.И. М.: Финансы и статистика, 2003. 480 с.

19. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 Стратегия экономической безопасности российской федерации на период до 2030 год.

20. Экономическая безопасность государства и регионов: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Экономика» / Криворотов В.В., Калина А.В., Эриашвили Н.Д. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 351 с.

Информация об авторах

Е.Б. Аликина – кандидат экономических наук, доцент,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

О.Г. Иванова – старший преподаватель,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the authors

E.B. Alikina – Ph.D (Economy), Associate Professor,
Perm State Humanitarian Pedagogical University;

O.G. Ivanova – Senior Lecturer,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 09.10.2021; одобрена после рецензирования 24.10.2021; принята к публикации 24.10.2021.

The article was submitted 09.10.2021; approved after reviewing 24.10.2021; accepted for publication 24.10.2021.

Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 116–123.

Eurasian humanitarian journal. 2021. No. 4. P. 116-123.

Научная статья

УДК 37

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УРОКОВ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА, СОДЕРЖАЩИХ ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Елена Владимировна Иванова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
mikielid@pspu.ru

Аннотация. В настоящее время наблюдается усиление воспитательной функции образования, большое внимание уделяется формированию гражданственности, трудолюбия, нравственности, патриотизма, уважения к правам и свободам других граждан. Одним из предметов начального общего образования, который служит именно этим целям, является «Окружающий мир». Особую роль при этом берет на себя образовательная область «Обществознание», содержащая историко-обществоведческий материал. Историко-обществоведческий материал не только формирует у школьников интерес к прошлому и настоящему родной страны, способствует воспитанию любви к Отечеству, уважения к истории и культуре народов России, но и оказывает нравственное воздействие на личность ребенка; способствует расширению социального опыта младшего школьника, осознанию себя частью своей страны. При изучении содержания предмета «Окружающий мир» ставится задача обогащения социального опыта детей, опыта коммуникативного взаимодействия с окружающими, опыта усвоения этических норм. На этих уроках закладываются основные моральные ценности, нормы поведения; появляется первый опыт самооценки и оценки поведения других людей с позиций добра и зла; развиваются коммуникативные способности ребенка, которые позволяют ему интегрироваться в сообщество; формируется умение разрешать конфликтные ситуации через диалог; приобретаются элементарные знания и навыки по охране собственного здоровья, безопасного поведения, а также начинается формирование личности, осознающей себя частью общества и гражданином своего Отечества. Таким образом, данный курс решает значимую задачу социализации ребенка. В статье подчеркивается важность воспитания обучающихся на уроках окружающего мира при изучении исторических тем курса, обращается внимание на предрасположенность младшего школьного возраста к восприятию духовно-нравственных ценностей, а также раскрываются некоторые средства и приемы, с помощью которых можно повысить воспитательный потенциал уроков.

Ключевые слова: воспитание, воспитательный потенциал урока, образовательный процесс, младший школьник, обучение, историко-обществоведческий материал, патриотическое воспитание

Для цитирования: Иванова Е.В. Воспитательный потенциал уроков окружающего мира, содержащих историко-обществоведческий материал // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 116–123.

Original article

EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE WORLD AROUND US LESSONS CONTAINING HISTORICAL AND SOCIAL SCIENCE MATERIAL

Elena V. Ivanova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, mikiel@pspu.ru

Abstract. . Currently, there is an increase of interest to education, much attention is paid to the formation of citizenship, diligence, morality, patriotism, respect for the rights and freedoms of other citizens. One of the subjects of primary general education, which serves exactly these purposes, is "the World Around Us". A special role in this is assumed by the educational field "Social Studies", which contains historical and social science material. The historical and social science material not only forms students' interest in the past and present of their native country, promotes the education of love for the Motherland, respect for the history and culture of the peoples of Russia, but also has a moral impact on the personality of the child; contributes to the expansion of the social experience of the younger student, awareness of himself as a part of his country. When studying the content of the subject "The World Around Us", the task is to enrich the social experience of children, the experience of communicative interaction with others, the experience of mastering ethical norms. At these lessons, the basic moral values and norms of behavior are laid; the first experience of self-assessment and evaluation of the behavior of other people from the positions of good and evil appears; the child's communicative abilities develop, which allow him to integrate into the community; the ability to resolve conflict situations through dialogue is formed; elementary knowledge and skills for protecting his own health, safe behavior are acquired, and the formation of a person who is aware of himself as a part of society and a citizen of his Homeland begins. Thus, this course solves a significant task of socialization of the child. The article emphasizes the importance of educating students in the lessons of the surrounding world when studying historical topics of the course, draws attention to the predisposition of primary school age to the perception of spiritual and moral values, and also reveals some means and techniques by which it is possible to increase the educational potential of lessons.

Keywords: education, educational potential of the lesson, educational process, junior student, training, historical and social studies material, patriotic education

For citation: Ivanova E.V. Educational potential of the lessons of the surrounding world containing historical and social science material. Eurasian humanitarian journal. 2021;4:116-123. (In Russ.).

Введение

На всех исторических этапах развития образования школа является важнейшим ресурсом воспитания подрастающего поколения. Именно в школьные годы ребенок становится личностью, у него формируются ценности, которые будут определять его отношение к себе и миру, влиять на поступки и поведение в целом.

В федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [Федеральный закон 2012], Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Данилюк, Кондаков, Тишков 2009], Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования [Приказ Министерства просвещения 2021], Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Распоряжение Правительства Российской Федерации 2015] воспитание детей и молодежи рассматривается как стратегическое направление государственной политики в сфере образования.

Актуальность вопросов воспитания подтверждается появлением новых документов. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [Федеральный закон 2020] по вопросам воспитания обучающихся, акцентирует внимание на патриотическом воспитании: «Воспитание — это деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации».

Федерации, природе и окружающей среде». Таким образом, в настоящее время воспитание обучающихся является первостепенной задачей современной образовательной системы и представляет собой важный компонент социального заказа.

В педагогической литературе широко обсуждается проблема воспитания во внеурочной деятельности [Захарова. Классификация методов нравственного воспитания младших школьников 2021; Захарова. Концептуальное видение целей, принципов и методов в деятельности педагога по воспитанию младших школьников 2021; Рогожникова, Плешивцев 2020], вопросы реализации воспитательного потенциала урока в современных условиях требуют осмысления и анализа.

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания на научные исследования по заказу Министерства просвещения Российской Федерации (Гос. задание № 07-00080-21-02 от 18.08.2021 г. номер реестровой записи 730000Ф.99.1) по теме «Исследование существующих практик в воспитательной деятельности и технологий патриотического воспитания и формирования духовно-нравственных ценностей среди обучающихся в системе общего образования, выработка методических рекомендаций».

Основная часть

Проблема воспитательного потенциала урока затрагивает различные стороны функционирования образовательной системы. Базой развития и воспитания ребенка продолжают оставаться фундаментальные знания, которые он получает в ходе образовательного процесса. Однако современное образование личности должно быть сориентировано не только на усвоение определенной суммы знаний, но и на развитие самостоятельности, личной ответственности, созидательных способностей и качеств человека, позволяющих ему учиться, действовать и эффективно трудиться в современных экономических условиях [Федеральный закон 2012]. Приоритет воспитания отмечен в Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования [Приказ министерства образования и науки 2009], в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России»: «Важнейшей целью современного отечественного образования и одной из приоритетных задач общества и государства является воспитание, социально-педагогическая поддержка становления и развития высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России» [Данилюк, Кондаков, Тишков 2011].

Воспитание является одной из важнейших составляющих образовательного процесса наряду с обучением. Дополняя друг друга, обучение и воспитание служат единой цели: целостному развитию личности школьника. Развести сегодня понятия воспитания и обучения в контексте современного понимания образования как индивидуально-личностного феномена невозможно. Генезис формирования у современного ребенка картины мира убедительно доказывает, что воспитание предваряет обучение, сопутствует ему через различные виды педагогического сопровождения и доминирует через различные формы (влияние среды, личности педагога и родителей, средств массовой информации, впечатлений, самовоспитание и др.).

Воспитание может и должно осуществляться в наибольшей степени средствами конкретного учебного предмета, при этом воспитательная цель урока должна быть не формальной, а вытекающей из содержания предмета [Смыслов 2020: 18]. Рассмотрим роль урока как элемента воспитательной системы. Понимая значимость урока в передаче научных знаний о жизни, педагог должен рассматривать урок как элемент воспитания личности, познающей закономерности жизни и строящей свою жизнь с учетом этих закономерностей.

В этом ракурсе урок играет весомую роль в становлении и развитии личности младшего школьника. Реализация воспитательного потенциала содержания современных учебных программ достигается при выполнении условий:

- решения воспитательных задач в ходе каждого урока в единстве с задачами обучения и развития личности школьника;
- целенаправленного отбора содержания учебного материала, представляющего ученикам образцы подлинной нравственности;
- использования современных образовательных технологий;
- организации личностного взаимодействия педагога и обучающихся.

Особо значимым в решении задач развития и воспитания личности является младший школьный возраст, поскольку именно в этом возрастном периоде у детей имеются особые сенситивные возможности, которые важны в момент формирования у них мировоззренческих основ и нравственных ценностей, без обладания которыми ребенок не может успешно пройти процесс социализации, стать нравственно здоровой личностью:

- социально-психологические особенности учащихся данного возраста: бесконфликтность, мягкость, доброта, переживание, впечатлительность, восприимчивость, послушание, подражательность, наивность и др.;
- личная тяга к учителю, установление доверия между всеми участниками образовательных отношений: учениками, родителями и учителем [Основы религиозных культур и светской этики 2014: 13].

Историческому образованию традиционно отводилось одно из первых мест в реализации воспитательного ресурса содержания образования [Крючкова 2016: 68]. Как известно, предмет «Окружающий мир» в 1–4 классах соединил две образовательные области – «Естествознание» и «Обществознание». Область «Обществознание» наиболее ярко представлена в 4 классе и строится на единении вопросов истории, культурологии, правоведения и социологии.

Одним из условий успешной реализации воспитательного потенциала урока является отбор содержания учебного материала. Учитывая возраст и психологические особенности учащихся 4-го класса, содержание курса ориентировано на позитивные ценности, создающие положительный образ страны на разных этапах ее развития. В историко-обществоведческом разделе отражены ключевые события отечественной истории, сыгравшие переломную роль в судьбе страны, а также мира [Крючкова 2014: 39]. Иллюстрацией к этому могут служить следующие темы школьных учебников:

- «Трудные времена на Русской земле», «Русь расправляет крылья», «Патриоты России», «Отечественная война 1812 года», «Великая Отечественная война и Великая Победа» [Плешаков, Крючкова 2013: 222–223];
- «Мудрый выбор», «Подвижники Руси и землепроходцы», «На пути к единству», «Жизнь – Отечеству, честь – никому!», «Вставай страна огромная!», «Нет в России семьи такой...» и др. [Плешаков, Новицкая 2013: 143].

Перечень исторических деятелей, представленный на страницах учебника, составляет галерею национальных исторических символов, вошедших в историю страны с однозначно положительной оценкой: князь Владимир, креститель Руси; Сергей Радонежский, Александр Невский, Дмитрий Донской; Иван Калита, Иван III; Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин, М.В. Ломоносов; Ю.А. Гагарин и др.

В то же время показана противоречивость и неоднозначность личности и способов деятельности исторических персоналий, рассматриваются их человеческие качества и мотивы деятельности: Иван Грозный, Петр Великий, Екатерина Великая. В некоторых

случаях представляется уместным использование приема сопоставления противопоставленных ценностей на примере образов исторических лиц: Наполеон (завоеватель) и М.И. Кутузов (защитник Отечества) [Крючкова 2014: 39].

Воспитательное содержание урока, включающего историко-обществоведческий материал, в курсе «Окружающий мир» реализуется также с помощью вопросов для анализа, дополнительных документов, выводов. Темы, события, понятия историко-обществоведческой направленности на данном этапе обучения играют ведущую роль в формировании духовно-нравственных качеств личности. Воспитательный потенциал уроков окружающего мира, содержащих историко-обществоведческий материал, заключается в формировании правильного отношения к общечеловеческим ценностям, воспитании высокого чувства гражданского долга, развитии умения критически мыслить и самостоятельно оценивать исторические факты и события. Долгосрочная цель этих уроков – воспитывать чувство патриотизма, милосердие, доброту и сочувствие, прививать интерес к изучению литературы [Смыслов 2020: 16].

Младший школьный возраст в жизни ученика является периодом, когда закладываются первоосновы патриотических отношений, потребностей и способностей. Именно в этом возрасте происходит личностное принятие таких ценностей, как семья, отчий дом, родной край, родной язык, отчизна, нация (российский народ). Развитию патриотического сознания, патриотических чувств, убеждений, навыков патриотического поведения способствует включение в уроки отрывков из текстов литературных произведений исторического содержания [Иванова, Скрипова 2015: 101]. Для чтения предлагается как научно-познавательная, так и художественная литература, в частности, историческая проза для детей профессиональных историков – Александра Говорова, Андрея Богданова, Юрия Лубченкова, исторические повести и рассказы писателей Валерия Воскобойникова, Натальи Алеевой, Сергея Махотина, Михаила Яснова, Марии Семенович, Андрея Ефремова, а также стихотворения, которые облагораживают душу, воспитывают чувства, вызывают интерес к прошлому своего народа: «Бородино» М.Ю. Лермонтова, «Баллада о возвращении» Б. Ширшова, «Баллада о банке варенья» В. Радкевича и др. [Иванова, Скрипова 2015: 104].

Работа с художественными текстами способствует углублению знаний учащихся о Родине, своем родном крае, об истории, традициях, культуре народов России. Анализ текстов на уроках помогает конкретизировать исторический материал и формировать у учеников яркие образы прошлого, являющиеся составной частью их исторических представлений. При работе с текстами у учащихся расширяется представление об исторической эпохе, обстановке, воссоздаются образы и картины исторических событий, и портреты исторических деятелей, людей, оставивших след в истории и культуре нашей Родины. Узнавая о поступках исторических личностей, ученики часто переносят себя в те же условия, сопереживая героям [Иванова 2015: 64–65].

Для обучения детей работе с текстами по истории Отечества можно использовать такие приемы, как композиционный анализ текста с составлением плана, осмыслением темы и основной мысли текста; самостоятельный подбор текстов по указанной учителем теме (например, В.Н. Татищев – основатель Перми; подвиг советского народа в Великой Отечественной войне; дети войны и др.); выборочный пересказ текстов, предложенных учителем, с выделением характеристики исторических лиц, героев произведения, либо описанием места событий; словесное описание картин исторических событий и др. Такие задания можно предложить школьникам для самостоятельной работы на уроке или в домашних условиях [Иванова 2015: 66].

В нравственном воспитании младших школьников многое зависит от эмоционального компонента [Коростелева 2014: 95]. Поэтому учителям следует использовать на уроке средства обучения, которые смогут максимально воздействовать на эмоциональную сферу личности, вызывать ответные чувства, отклик, сопереживание в душе ребенка. Среди таких средств можно назвать картины исторического содержания, отрывки из мультипликационных, документальных и художественных фильмов, иллюстрирующие изучаемые темы курса, фотодокументы и др. Картины исторического содержания несут в себе детализированную информацию, умение видеть которую способствует формированию целостного образа эпохи, эмоциональному восприятию события, формированию отношения к событию или личности [Иванова 2013: 46].

Отрывки из мультипликационных, документальных и художественных фильмов являются сильным средством воздействия на эмоции и чувства детей. Просматривая видеоряд, слушая музыкальное сопровождение фильма, школьники невольно становятся участниками исторического события, погружаются в него. Важно, чтобы ученики смотрели такие отрывки осознанно, поэтому перед началом просмотра необходимо нацелить обучающихся, дать им задание до демонстрации сюжета. По окончании просмотра детям повторяется задание, определяется время его выполнения и параметры оценивания. Можно предложить ответить на вопросы по фильму, составить характеристику героя, пересказать сюжет и др. Видеоматериал интересен еще и тем, что учитель может остановить кадр, вернуться назад, обращая внимание учеников на важные моменты сюжета, объясняя или комментируя их. Зрительные образы приближают учащихся к положению свидетелей исторической действительности. Это повышает эмоциональность отношения к истории, усиливает чувство сопереживания с действовавшими в ней людьми [Иванова 2013: 49].

Безусловно, основой воспитания в процессе обучения являются, прежде всего, собственные суждения учащихся, их отношение к фактам и явлениям. Оценочной деятельности четвероклассников предшествует работа, направленная на выяснение эмоционально-личного отношения школьников к событию, явлению или историческому деятелю. Школьникам могут быть предложены вопросы: «Что вам нравится или не нравится в этом человеке?», «Какие чувства вызвал у вас рассказ о событии?», «Что больше всего поразило вас в поступке этого человека?» [Крючкова 2014: 39–40]. Давая свою оценку определенному историческому событию или нравственным и деловым качествам исторического лица, учащиеся смогут выразить свою индивидуальность, почувствовать уверенность в своих силах. Необходимо отметить, что для анализа и оценки четвероклассникам предлагаются события и деятели, роль которых признана в официальной историографии и которые остались в коллективной исторической памяти народа, художественном творчестве однозначно как позитивные [там же].

Также, можно предлагать учащимся обращать внимание на тему урока, которая может быть сформулирована в процессе обсуждения, вдумчиво вчитываться в нее и высказывать свои соображения по данному вопросу. В результате решается сразу несколько педагогических задач: развитие творческого мышления и культуры речи, смелости высказывать свои мысли; воспитание критического мышления; воспитание уверенности в своих силах.

Заключение

Таким образом, воспитание эмоционально-ценностного деятельностного отношения к истории России, равнодушия к судьбе страны, понимание ценностной направленности деятельности исторических лиц, осознание значимости ключевых событий отечественной

истории в судьбе мира и человечества способствуют формированию российской гражданской идентичности, гражданственности, патриотизма [Крючкова 2014: 43].

В заключение хочется подчеркнуть, что в процессе обучения воспитывает все: содержание учебного материала, организация урока, методы обучения, формы обучения, личность учителя и даже та творческая атмосфера, которая составляет сущность отношений между педагогом и учащимися [Нечаев 2010: 87–88]. От личности учителя, его ценностей, его стремления овладеть достижениями педагогических наук, освоить инновационный опыт; от инициативы и творчества, профессионального мастерства зависит и воспитательный потенциал урока, его результативность. Поэтому в практической деятельности педагогу необходимо грамотно отбирать учебный материал к уроку, определяя его образовательные и воспитательные возможности, использовать современные образовательные технологии, предполагающие организацию на уроках активной деятельности учащихся на разных уровнях познавательной самостоятельности, правильно взаимодействовать с обучающимися, придерживаясь стиля педагогической поддержки.

Список литературы

1. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2011. 24 с. (Стандарты второго поколения).
2. Захарова В.А. Классификация методов нравственного воспитания младших школьников [Электронный ресурс] // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2021. № 5. С. 46–59. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45159364> (дата обращения: 04.11.2021).
3. Захарова В.А. Концептуальное видение целей, принципов и методов в деятельности педагога по воспитанию младших школьников [Электронный ресурс] // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 92–100. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45179805> (дата обращения: 04.11.2021).
4. Иванова Е.В. Методика преподавания историко-обществоведческого материала в начальных классах: учебное пособие. Часть I. Пермь: Изд-во «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2013. 106 с.
5. Иванова Е.В. Методика преподавания историко-обществоведческого материала в начальных классах: учебное пособие. Часть II. Пермь: Изд-во «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2015. 94 с.
6. Иванова Е.В., Скрипова Ю.Ю. Особенности работы с текстами исторического содержания на уроках внеклассного чтения в начальной школе // Воспитательный и социализирующий потенциал образовательного процесса – важнейший фактор реализации требований ФГОС / Сборник статей по материалам краевых VI Огородниковских чтений (27 февраля 2015г., г. Пермь). Пермь: Изд-во «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2015. С. 101–105.
7. Коростелева А.А. Основы реализации воспитательного потенциала учебного предмета «Обществознание» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-realizatsii-vospitatelnogo-potentsiala-uchebnogo-predmeta-obschestvoznaniye/viewer> (дата обращения: 02.11.2021).
8. Крючкова Е.А. Воспитательный потенциал историко-обществоведческого содержания предмета «Окружающий мир» // Начальная школа. 2014. № 3. С. 39–43.
9. Крючкова Е.А. Реализация воспитательного потенциала школьного исторического образования в практике работы учителей старших классов (2004-2015 гг.): общепедагогический аспект [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-vospitatelnogo-potentsiala-shkolnogo-istoricheskogo-obrazovaniya-v-praktike-raboty-uchiteley-starshih-klassov-2004-2015> (дата обращения: 04.11.2021).
10. Нечаев М.П. Воспитывающий потенциал современного учебного занятия и возможности его повышения [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospityvayushchiy-potentsial-sovremennogo-uchebnogo-zanyatiya-i-vozmozhnosti-ego-povysheniya> (дата обращения: 01.11.2021).

11. Основы религиозных культур и светской этики: традиционные религии России: 4 класс: книга для учителя / А.В. Гинкель, Г.Р. Газиева, Л.Н. Бимбат и др. М.: Вентана-Граф, 2014. 256 с.

12. Плешаков А.А. Окружающий мир. 4 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений с прил. на электрон. носителе. В 2 ч. Ч. 2 / А.А. Плешаков, Е.А. Крючкова. М.: Просвещение, 2013. 224 с.: ил. (Школа России).

13. Плешаков А.А. Окружающий мир. 4 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 2 / А.А. Плешаков, М.Ю. Новицкая. М.: Просвещение, 2013. 143 с.: ил. (Академический школьный учебник) (Перспектива).

14. Приказ Министерства образования и науки России от 06.10.2009 № 373 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=382735> (дата обращения: 31.10.2021).

15. Приказ Министерства просвещения России от 31.05.2021 № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/> (дата обращения 31.10.2021).

16. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. N 996-р г. М., «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 02.11.2021).

17. Рогожникова Р.А., Плешивцев А. Технология процесса воспитания у подростков социальности как нравственного качества личности [Электронный ресурс] // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2020. № 1. С. 48–58. URL: <https://vestnikpshpu.tilda.ws/archive> (дата обращения: 04.11.2021).

18. Смыслов С.В. О некоторых методах раскрытия воспитательного потенциала уроков истории и обществознания [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-metodah-raskrytiya-vospitatelnogo-potentsiala-urokov-istorii-i-obschestvoznaniya/viewer> (дата обращения: 03.11.2021).

19. Федеральный закон об образовании в Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Ростов-на-Дону: Легион, 2013. 208 с.

20. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74351950/> (дата обращения: 04.11.2021).

Информация об авторе

Е.В. Иванова – кандидат психологических наук, доцент,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

E.V. Ivanova – Ph.D (Psychology), Associate Professor,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 14.08.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 04.10.2021.

The article was submitted 14.08.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 04.10.2021.

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала.
2. К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
3. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 1997–2003, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,0, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.
4. Графики, диаграммы не допускаются.
5. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
6. Объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также примечания и ссылки, должен быть 10–15 страниц, а для аспирантов – 6–8 страниц.
7. В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:
 - 1 – код УДК;
 - 2 – фамилия, имя, отчество автора (полностью);
 - 3 – ученая степень, ученое звание;
 - 4 – должность, место работы (если таковое имеется).
 - 5 – контактная информация (адрес, e-mail, телефон – для размещения на сайте в сведениях об авторе);
 - 6 – название статьи;
 - 7 – аннотация (200–250 слов) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах;
 - 8 – ключевые слова по содержанию статьи (5–8 слов и/или словосочетаний);
 - 9 – ссылки.

Сведения, указанные в подпунктах 2–8, приводятся как на русском, так и на английском языках.

Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связывают отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографию, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках фамилию автора, год и страницы, например: [Бондарко 2005: 25], [Leiss 2010: 234], [Fillmore 1987: 34].

Пристатейные ссылки размещаются после текста статьи, предваряются словом «Список литературы» (не менее 10), оформляются в алфавитном порядке.

При ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается электронный адрес первичного источника информации и дата обращения в круглых скобках, например: (дата обращения: 22.12.2019). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «там же» или "Ibid. " (для документов, напечатанных латинским шрифтом). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч.» или "Op. cit." (для документов, напечатанных латинским шрифтом). Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.7–2021 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

9. При первом упоминании лица обязательно указываются И.О., которые отделяются пробелом от фамилии. Годы указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е гг., а не двадцатые годы. Не год или годы, а г. или гг. Не век или века, а в. или вв. Исключаются сокращения: др., проч., т. е., т. к. Следует писать полностью: другие, прочие, то есть, так как. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., см. Знак % ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %; в иных случаях: «процент ... превышал 30». Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом (4 700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд. Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

10. Статьи аспирантов, соискателей и кандидатов наук принимаются редакцией к рассмотрению только вместе с рецензией (оригиналом) научного руководителя или ведущего специалиста, заверенной подписью и печатью организации, в которой работает рецензент. Рукопись направляется на рецензирование специалистам в данной области исследования. К публикации принимаются статьи, прошедшие рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

Рукопись, получившая отрицательные отзывы, решением редакционного совета отклоняется. Нуждающаяся в доработке статья направляется автору вместе с замечаниями рецензента.

Редакция оставляет за собой право отклонять без рецензии статьи, не соответствующие профилю журнала или оформленные с нарушением правил.

11. Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

12. Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

14. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов в каждом конкретном выпуске.

15. Редакция оставляет за собой право не публиковать статью. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Пример оформления списка литературы:

1. Бондарко А.В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2004. 207 с.

2. Бондарко А.В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. Российская академия наук / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1998. С. 51–63.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.05.2018).

Пример оформления статьи:

Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. ...
Eurasian humanitarian journal. 2021. No. 4. P. ...

Научная статья
УДК ...

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПЕРЕВОДЕ

Иван Иванович Иванов

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, Пермь, azxvdvs@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы, возникающие при трансляции типологических свойств туристического дискурса. Он интегрирует в себе элементы других типов дискурса, таких как географический, рекламный, спортивный, природоохранный, гастрономический и научно-популярный. С момента своего возникновения, туристический дискурс менялся под влиянием исторических и социоэкономических условий. Сегодня туристическая коммуникация носит коммерческий характер, предполагающий взаимодействие автора и читателя, как потенциального клиента туристического бизнеса. Этот тип дискурса характеризуется диалогичностью вследствие того, что тексты составляются компетентными профессионалами, а его читателями могут быть представители очень широкой и социально неоднородной аудитории. По этой причине в текст закладывается лингвокультурная, когнитивная и эмоциональная информация для того, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя, которая в обязательном порядке должна быть транслирована переводчиком. Это предполагает наличие у него рефлексии, знания культуры и истории страны, а также воспроизведения концептов и аллюзий, заложенных в тексте оригинала. Когнитивно-деятельностный подход к переводу и «распредмечивающее» понимание смысла оригинала позволяют точнее интерпретировать концептуальную программу исходного текста и передавать интенциональный смысл оригинала во всей его полноте. При этом переводчик должен учитывать, что эмоциональная информация туристического текста может содержать целый ряд манипулятивных приемов, например, прилагательные в превосходной степени, которые призваны гиперболизировать описываемые достопримечательности. Эмоционально-оценочные характеристики могут нести и элементы текста, нацеленные на передачу когнитивной информации. Их сочетание приводит к выводу о том, что исследуемый текст написан в научно-популярном стиле, целью которого является донести в доступной форме специальные знания, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя. По этой причине когнитивная информация в чистом виде – терминология, встречается в тексте гораздо реже, чем в лексемах, отражающих их семантику, но несущих познавательную информацию, осложненную образами восприятия потенциального читателя данного текста.

Ключевые слова: туристический дискурс, типологические свойства, интерпретация, рефлексия, когнитивно-деятельностный подход, интенциональный смысл

Для цитирования: Иванов И.И. Языковая репрезентация типологических свойств туристического дискурса в переводе // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 7–15.

Original article

LINGUISTIC REPRESENTATION OF TYPOLOGICAL FEATURES OF TOURIST DISCOURSE IN TRANSLATION

Ivan I. Ivanov

Perm State University, Perm, Russia, azxvdvs@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems which emerge in the process of translating the tourist discourse texts. They include the elements of other types of discourses such as geographical, advertising, sport, gastronomic and others. The tourist discourse has experienced many alterations due to historical and social factors. It has acquired commercial character due to the interrelation of its authors and the supposed tourist clients. This type of discourse resembles a dialogue between the professionals, creating the tourist text, and the potential readers of very versatile and not homogenous origin. For this reason the text contains the cultural, cognitive and emotional information, which is to attract the attention of the supposed reader and be obligatory translated. Such translation process presupposes translator's reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. Cognitive approach to translation allows the translator to make deeper observations and reflections of the original text and give a full idea of the contents and the intentions of the author in the target language. It means that he has got proper reflections of culture, history, concepts and allusions of the original text. The cognitive approach and the non-formal understanding of the original text allows to interpret its deep structure and convey the intentional contents of it. The translator is to realize that the tourist discourse text may contain emotional information which can manipulate his perception of the text and make its contents look more attractive for a potential reader. The cognitive contents of such texts can be overlaid with emotional information and it means that such text belongs to popular style, the main idea of which is to convey special knowledge in acceptable form to a potential reader. This is the reason for the cognitive information not to be regularly expressed by terms. For the most part such information is represented by the words which convey emotional aspect of the notions aimed at the emotional perception of the potential reader.

Keywords: tourist discourse, typological features, interpretation, reflection, cognitive approach to translation process, intentional meaning

For citation: Ivanov I.I. Linguistic Representation of Typological Features of Tourist Discourse in Translation. Eurasian humanitarian journal. 2021;4:7-15. (In Russ.).

Введение

Текст Текст Текст Текст

Основная часть

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Заключение

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Список литературы

1. Иванов И. И. Текст. Монография. Москва: ТСС, 2020. 345 с.

Информация об авторах

И.И. Иванов – кандидат филологических наук, доцент кафедры ..., Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

I.I. Ivanov – Ph.D. (Philology), Associate Professor, ... Department, Perm State University.

Статья поступила в редакцию __.__.2021; одобрена после рецензирования __.__.2021; принята к публикации __.__.2021.

The article was submitted __.__.2021; approved after reviewing 20.09.2021; accepted for publication __.__.2021.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://evrazgumzhurnalrussia.blogspot.com>